

Вера Скоробогатова

НА ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ

Вера Александровна Скоробогатова

На пути в Иерусалим

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57151156

*На пути в Иерусалим / В. А. Скоробогатова: Алетейя; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-00165-051-5*

Аннотация

В психологическом романе затронуты вечные темы: любовь и разлука, отцы и дети, честь и бесчестье, богатство и бедность, Родина и чужбина. Автор касается чарующих пластов истории, острых международных и социальных проблем, деликатно передает взаимодействие и противостояние, различие и сходство двух современных миров – христианского и мусульманского. Главную героиню Анну Голубятникову с младенчества звали в семье Анчуткой. В мифологии анчутка – стихийный дух. Милый и забавный с виду, он губит все, к чему прикасается. Влияние доброй, любящей и совестливой Ани на судьбы людей оказывается в итоге именно таким. Отчаявшаяся героиня ощущает себя ненужной родине и семье и жаждет убежать от своего прошлого. Всем сердцем она полюбила иноверца Эззата из долины Нила, сменила страну проживания, но осталась верна себе и своим исконным ценностям. Как и другие герои романа, она ищет свой Иерусалим, – нечто возвышенное, святое, очень

личное. Всякий живущий идет на зов своего Иерусалима, чтобы исполнить предначертанную судьбу, словно по следам Иисуса Христа. Автор предвидит риторические вопросы, возникающие у читателя, и интересуется, в свою очередь: «Отыскал ли ты свой Иерусалим?»»

Содержание

Путь любви	9
Пролог	14
Часть 1	16
Дочь антиквара Голубятникова	28
Зовущая в тундру	43
Детство Анчуток	50
Дух расщелин. Расправа	54
Русалка, а не амазонка	70
Родственная взаимность	71
Ужас из прошлого	80
Часть 2	83
Неверные жены Друвиса	98
Радуга в сентябре	100
Бесперспективность	106
Мечь притворщицам	109
Роковая поездка в Порвоо	114
Как ты, фея?	119
Часть 3	121
Опасная помощь	124
А потом льет дева слезы	130
За решеткой	135
Египетское замужество Марго	150
Осторожно: падает потолок	155

Пришлые голоса	158
Дарить свет	159
Посудомойка	160
Бездна, ведущая вверх	166
Разрыв с подругой	168
Болотный колдун	173
Расистка и её сослуживцы	175
Доктор Египет	178
Часть 4	179
Летать и петь	189
Два духа становятся одним	193
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Вера Скоробогатова

На пути в Иерусалим

РИСНОК МАРИИ ОРФАНДУКИ
Январь 2020

© В. А. Скоробогатова, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Путь любви

Романы исконно имеют сюжетное сходство. В центре схемы – влюблённая пара. Их разлучают обстоятельства, они обречены преодолевать разнообразные препятствия. Таковы катастрофы, пленения, подверженность мнимым смертям, притязания сторонних претендентов на их любовь и другие испытания. При этом обязательным условием оказывается сохранение в конечном итоге верности героев друг к другу.

С незапамятных времен в романной схеме ощутимо дают знать о себе изменения, проявляющиеся в мире. Возникает двоемирие, романтическая модель жизни, в которой реальность далека от идеала, мечта кажется несбыточной. Связующим между унылым «здесь» и прекрасным «там» становится внутренний мир героя. Появляются мотивы раздвоенности, трагической разорванности сознания. Когда стремление к идеалу не находит разрешения, начинает звучать мотив бегства: спасение в уходе от несовершенной действительности в инобытие. Даже смерть героев романа воспринимается переходом в иную реальность. В случае возможного соединения реальности и идеала появляется идея преображения, своеобразный триумф романтизации.

Понимая, что сегодня литература испытывает серьезную конкуренцию со стороны иных форм духовно-эстетической информации, современный писатель стремится повышать

статус художественного произведения. Происходят попытки соединения литературы с философией, религией, историей. Чтобы передать представление о новом человеке и изменившемся мире, связующей основой произведения становится «сознание». Не оставляя без внимания событийную часть повествования, писатели все больше обращаются к области незримых интеллектуальных и психических сущностей. Их привлекает жанровое взаимодействие в современной прозе: романа и эссе, сократического диалога и романа, отчасти даже сказки. Всё больше укрепляется мнение, чтобы получить успех у публики, в романе должны быть литература и философия, искусство и наука, просветительские и дидактические моменты. Литературная традиция размыкается в сторону различных нехудожественных жанров. В то же время роман всё еще представляет из себя психологическую драму, коллизию характеров, картину переживаний.

Между тем классификация, в том числе и жанровая, вещь условная. Одновременно могут существовать романы, написанные по нескольким принципам – античности и романтизма, реализма и постмодернизма. Человек на то и считается существом разумным, что может получать знания и удовольствия из любых источников. Просто для осознания себя современником нашего мира, надо отдавать отчет в изменениях, происходящих в литературных жанрах. И надо быть готовым к встрече с подлинной литературой не только в книгах, отмеченных высокими премиями.

Всё вышесказанное имеет прямое отношение к роману Веры Скоробогатовой «На пути в Иерусалим». С этой точки зрения он абсолютно традиционен и в то же время обладает всеми признаками современного романа. Помимо жанрового разнообразия, в нем есть любовь и разлука, он изобилует множеством всевозможных испытаний, выпадающих на долю героев. На его страницах разворачивается каскад событий и переживаний, в котором замысловатым узором пульсируют струи, наполняющие море «человеческой комедии» – извечную тему, когда в поисках любви и счастья человек, того не подозревая, вступает на непредсказуемый путь постижения самого себя.

Герои В. Скоробогатовой – все, каждый по-разному – в результате жизненных коллизий обретают присущий только им законченный образ. Это важное обстоятельство: автор не пользуется комбинаторикой «литературного лего», когда портреты и характеры изначально predeterminedены и остается только сводить их в определенных комбинациях. Её герои по-настоящему живые люди, подверженные сомнениям, страхам, совершающие ошибки, обманывающиеся и обманывающие, их поступки подчас вне житейской логики. При чем, выражаются эти общие – общечеловеческие – проявления согласно индивидуальностям каждого лица в зависимости от национальности, происхождения, рода занятий и темперамента, – тут стоит заметить тонкую наблюдательность автора, ее жизненный опыт и, главное, любовь к людям, ка-

кими бы они ни были. Они могут быть трагичны и комичны, могут заблуждаться и вводить в заблуждение других. Тем не менее, они всякий раз ищут возвращения на пусть поиска истинного, возвышенного – личного Иерусалима.

Это трудная дорога. Всякий её поворот – читатель ожидает этого – должен бы открыть ровный горизонт, на фоне которого силуэты двух влюблённых наконец протянут друг другу руки. Вместо этого автор подводит их к новому коварному ущелью, приготовив испытание, тяжелее предыдущего: с новой точки они вынуждены заглянуть в зияющую бездну собственной непостижимой души, убедившись в который раз, что не только чужая, но и своя душа – потёмки.

Надо отдать должное В. Скоробогатовой, ей это прекрасно удаётся – подводить героев к самой кромке пропасти человеческих страстей, – на всем протяжении романа она поддерживает неослабевающий интерес читателя к развитию сюжета, к формированию характеров, к тому, кто и как поступит в непредсказуемых обстоятельствах. Непредсказуемость, так сказать, и есть сюжетная канва романа «На пути в Иерусалим».

Из огня да в полымя, – именно так, не говоря о меняющихся возрастных и психологических состояниях некоторых героев, – автор бросает читателя то за Урал, то в Петербург, то в Карелию, то в Египет. При этом её внимание не мигает этнографической, социальной и политической составляющей конкретного времени и места. Мистика, фольклор-

ные элементы перемежаются с показом проявлений, с одной стороны, самоотверженности и веры, с другой – религиозно-го фанатизма и экстремизма, всего того, что, казалось бы, неожиданно с новой силой хлынуло в современный мир индустрии развлечений и комфорта, что так или иначе коснулось нас всех.

Преодолев искушение обратиться к описанию тех или иных эпизодов романа, прибегнуть к характеристике его действующих лиц, я, уважив тем самым право читателя на непосредственное знакомство с произведением, всё же не удержусь от высказывания общего впечатления от этой вещи.

«На пути в Иерусалим» – это песнь о Любви. Песнь, звучащая долгой дорогой, полной приключений, страстей, столкновений характеров, сломанных судеб и при этом радости познания себя через любовь к человеку, родине, Богу.

Вслед за героями читателю предстоит ощутить радость полноты жизни, стержнем которой оказывается наша душа, неутомимо – и порой вопреки нам – взыскующая Любви и Света.

Александр МЕДВЕДЕВ,

литературный критик, член Союза писателей России

Пролог

Высокие бирюзовые волны раскачивали маленький катер. На краю удалявшегося скалистого мыса виднелась фигура крепкого молодого мужчины, одетого в белый рабочий костюм – просторную куртку и укороченные свободные брюки.

«Как жить без этого человека?» – мучительная мысль обескуражила Аню. Она еще не успела осмыслить, что происходит. Ей казалось, свет африканского неба шутя, в жестокой прихоти сплавил воедино двух несовместимых людей так, что разделить невозможно. Сердце билось, словно в ладонях египтянина, но объятия разорвались и шквалистый ветер нес ее в чужую холодную тьму, бросал в глубокую пропасть!

Перед тем, как посадить возлюбленную в катер, Эззат Абду Эль-Вакил попросил Аню протянуть руку и защелкнул на ней тяжелый витой браслет.

– Возьми, никогда не снимай. – Голос его дрожал. – Это – твоя память обо мне.

Утирая слезы, Аня прошептала:

– Я никогда тебя не забуду!

Ей не верилось, что египетская земля вот-вот исчезнет из-под ног.

– Я – здесь, – потерянно шептала она, – а темная, ледя-

ная жизнь на берегах Невы лишь померещилась!

Прошлое тяжелым сном проносилось перед глазами в соленой пыли, а картины счастливого будущего на чужбине росли воздушными замками. Неведомые Ане напасти проглядывали сквозь сияющие шпильки Востока, но девушка приняла их за случайные тени.

Часть 1

Анчутка – дочь антиквара

Анна Голубятникова, двадцати шести лет от роду, четвертый год работала в клубе «Галактика» менеджером-организатором праздников. Она была миловидна и синеглаза. Мягкие белокурые локоны спускались на высокую грудь и узкую спину. Нарядные разноцветные платья подчеркивали ее высокую фигуру с «осиной» талией и широкими бедрами. «Наша куколка», – учтиво называли Аню коллеги. Вокруг высокой, фигуристой барышни с благородным профилем каждый день собирались воздыхатели, но флирт ее не захватывал. Аннушка сторонилась скоплений народа. Уладив деловые вопросы, она ускользала в свой кабинет. На взгляд постороннего бытность Анны была завидно устроена и увлекательна: вокруг девушки всегда происходило что-нибудь занимательное, и зарплатой Аня была почти довольна.

«Везет же, – с завистью думали посетители, глядя на Анюту из зала. – Она красива и весела, словно бабочка. Ей никогда не бывает скучно и одиноко. Ее жизнь легка и приятна!» Никто не догадывался о пропасти, разверзшейся в душе клубной красавицы. О том, что на самом деле Аннушка полна уныния, обиды и ужаса; что в глубине души она отрицает себя как женщину, и как человека. О том, что из года в год

ее мысли витают между жизнью и смертью, и что в сердце ее – вовсе не радость, а гнетущее чувство бессмысленности.

«Я сжилась с неопределенностью желаний, стремлений и возможностей, – думала прелестная синеглазка. – Мрачный хаос – единственно возможный для меня порядок вещей». Лишь протяжные народные песни, которые девушка тихонько распевала, оставаясь одна, выдавали ее печаль.

«Может, многие наркажут, может, кто и насудачит, будто весело живу я. Я ж, бедняжка, вся в заботах. Плачу я от малосилья, о судьбе своей горюю. Я, как нежная березка, все должна терпеть годами... Чтoб с меня кору сдирали, острый нож в меня вонзали, пили сладкий сок из сердца! Люди лживы и жестоки. Вяжут веники из веток, на полянах расщепляют...»

Суэта «Галактики» отвлекала Анюту от черных мыслей, требуя праздничного расположения духа, парадного облика и интереса к людям. «На работе, – считала Анна, – никому не нужно нытьё сотрудников». Тематические вечера, концерты, свадьбы и съемки кино забирали все силы. Она уходила из дома спозаранку, возвращалась поздно, и, приняв душ, бухалась в постель. Настоящих подруг у Аннушки не было, клуб заменил ей весь мир. «Моя стеклянная вселенная», – с гордостью, и, одновременно, с горечью говорила она.

«Галактика» разместилась на окраине города среди хрущевских пятиэтажек в приземистом, мутно-сером здании бывшего советского универсама. Однако, невзрачный снару-

жи, клуб поражал воображение того, кто решался переступить порог. В первые минуты входящий терялся, попадая с узкого тротуара улицы «спального района» в огромный зеркальный зал с белыми кожаными диванами под высокими темно-синими потолками, мерцавшими звездами. В зеркале пола и стен бесконечно отражались электрические созвездия, создавая иллюзию космической бездны, а круглые диваны казались неведомыми планетами. На втором этаже находились высокая сцена, бар и неоновый танцпол. Из холла туда вели темные витые лестницы, едва заметные на фоне галактического пейзажа.

Аня замыкала на себе многоликий круг. Она составляла программы праздников и подбирала меню, договаривалась о встречах с артистами и музыкантами, вела деловые интернет-страницы. Вокруг нее царило оживление, сменяли друг друга самобытные персонажи. Всякий день Анна с радостью угождала гостям и публике, чувствуя, однако, как ее собственное время исчезает в небытие, словно его затягивает космическая пропасть. «Я растворюсь вместе с ним, – думала девушка. – Я не оставляю следов на Земле, и в моей биографии нечего будет записать, кроме стажа работы! Еще четыре года назад мне казалось, что впереди великие свершения. Но я будто натолкнулась на стену. Дальше нет ничего фееричного! Я всего лишь рабочая деталь. Впрочем, как и все люди на свете, кем бы они ни были! Все мы – винтики своих систем в собственных перспективах, и однажды оди-

наково упираемся в общую серую стену! Мы будто ворочаем колеса громоздких машин, разменивая бесценную жизнь на бранные деньги... Но разве ради этого стоит топтать землю?»

Туманные сны о северных краях, которые она никогда не видела, но о которых слышала в детстве от матери, становились Аниным убежищем от печалей. Речные и лесные духи из детских сказок уносили девушку в далекие, глухие владения, и погружали в звенящую тишину. Лишь там Аннушка успокаивалась и чувствовала себя на своем месте. Утром она просыпалась с улыбкой и всякий раз долго не могла поверить в то, что родилась в Петербурге и никогда не бывала в дремучих лесах. «Спокоен и уверен в жизни лишь тот, кто вырос на земле своих предков, – думала она в те минуты. – Где родная кровь, там и душевный покой. Но тот, кого зачали люди разных сословий, из разных земель, покоя никогда не найдет. Его душа всегда будет метаться и разрываться, как у меня. Образы несхожих реальностей ни на миг не перестанут спорить друг с другом».

В начале июля Анюта устроила в «Галактике» необычную вечеринку.

«Как найти свою любовь?» – вопрошала красная афиша, закрывая половину клубной стены.

В назначенный час, когда зал переполнился любопытными и яркими зрителями, в «Галактику» вошли знаменитые

психологи. Златокудрая Аня в пышном красном платье до колен, с модными пластмассовыми браслетами, в сверкающих туфлях на каблуках, встречала выступающих. Один из них, невысокий молодой мужчина, с глубокой морщиной посреди лба, пристально взглянул в синие глаза девушки: «Милая хозяйка бала! В вас все время кто-то влюбляется. Но сознание власти над чужими сердцами не заполнит внутренней пустоты. Я вижу: вы еще не встретили настоящую любовь, Анна. И вы не различите среди человеческих существ того, кто вам нужен, пока не разберетесь с хаосом, царящим в вашей душе. Вы радужным вихрем то взлетаете в небеса, то цепляетесь за камни в грязных оврагах. Вы дарите людям свет. Но задумайтесь вот о чем: истинной Ани Голубятниковой словно не существует. Она будто в глубоком подвале зажата чужими рамками. Анна Голубятникова не помнит, кто она такая – настоящая... Чего хочет именно она, а не человечество в целом, не начальник, не родственники и знакомые. Не маленькая обиженная девочка, сидящая внутри вас.

Вы рискуете пойти ложными дорожками и погибнете, Аня. Прошу, найдите свои потерянные желания! Найдите свою суть, прежде, чем искать смысл жизни, – то есть центр, к которому подтянется все остальное!»

В тот вечер Аннушка остро ощутила бесцельность своего пути и серую стену, в которую давно уткнулась. Она начала безуспешно разыскивать свои подлинные мечты.

В выходные Аня залезла на приглянувшуюся крышу старого города, влажную, крытую ржавым железом. Ключ от входа с Почтамтской улицы она купила в интернете за триста рублей.

На расстоянии нескольких дворов-колодцев перед Аней сияли купола Исаакия. Здесь свистел ветер, раскачивая антенны и провода. Здесь свободнее дышалось, а сердце светло трепетало! Анчутка подходила к кромке крыши будто к краю земли, глядела в небо и пела:

«Самолеты пишут мне письма – белым дымом по синеве, и зовут: «Летим с нами, Аня!» Моё сердце рвется им вслед воздушным змеем! Я взмою выше звезд, – туда, где бывали Нищие и Блок! Выше отчаянья и молитв, выше радуги! И это – всё, чего я хочу! Ветра вертятся вокруг Земли много тысячелетий, и в их неугомные трели теперь вольется мой голос! Ани Голубятниковой не будет, но останутся ее следы на ветру».

Однажды она заметила стоявшего неподалеку бритоголового загорелого мальчишку лет двенадцати, который с интересом наблюдал за ней.

– Песня самоубийцы, – задумчиво протянул он.

– Почему? Разве ты сам никогда не хотел полетать один, за облаками?» – удивилась Аня. Обычно дети хорошо понимали ее.

– Хотел, давно! Но теперь я собираюсь стать летчиком, как отец, – подросток держался уверенно и спокойно. – А

кем ты хотела быть в детстве? Неужели уже всё сбылось, и осталось только умереть?

Анна поморщилась:

– Не знаю. Я хотела жить без унижений, и чтобы люди меня любили. Я хотела сделаться положительным и образованным человеком. Да, это сбылось. Но теперь я не знаю, зачем существовать, ведь ни в жизни, ни в душе нет ничего великого! Всё – пыль. Нечем дорожить, не на кого опереться, незачем бороться.

Мальчик смотрел на нее удивленно, и, помолчав, серьезно ответил:

– А разве великое не растет вместе с тобой? Или не появляется само, когда ты вырастаешь? Почему у тебя его нет?

Аня пожала плечами:

– Для того, чтоб великое росло, его нужно привить человеку в детстве. Но я – дитя анархии, страха и катастроф. Мне никто не сделал такой прививки.

– Великое для каждого человека – это семья и Родина, – не задумываясь, воскликнул мальчик. – А еще – что-то такое. Когда воображаешь свое будущее, и воодушевление наполняет тебя. Ты не ведаешь, что там, оно будто закрыто шторами. Но аж дух захватывает, насколько там интересно!

Детская зависть кольнула Аню. Она с недоверием улыбнулась парнишке:

– Не знаю, не знаю. Родине нет до меня дела... С семьей не повезло. А вот шторы у меня тоже были. Да, да! Но пред-

ставь: открыв их, я обнаружила пустоту. Ничего завораживающего за ними нет! Жизнь до безобразия проста: ты вырос, получил профессию, стал частью какой-нибудь бездушной рабочей машины, чтоб не умереть с голоду и быть не хуже знакомых. И всё! Когда состаришься или заболеешь, сильные особи выбросят тебя на помойку.

– А как же великие открытия, великие изобретения? – насторожился паренек. – Великие подвиги? Разве их не бывает?

– Бывают, – печально вздохнула Аня. – Но предчувствовать их – еще не значит совершить! Тебе кажется: ты можешь всё, пока не попробуешь хоть что-нибудь сделать в реальности. Конец обычно такой: люди выбиваются из сил и понимают: все их титанические труды – лишь маленький шаг на бесконечной дороге. До великого свершенья им не добраться, как до миража. Мало того, всё вокруг невероятно запутано, и невозможно разобраться, где – добро, где – зло.

– А по-моему, дело в том, что ты еще несмышленная, – мальчик неожиданно рассмеялся. – Полоса времен «детство – юность – зрелость – старость» – не единственная. Каждый возраст тоже делится на периоды. Вот я, например – ребенок-старик. Я считаюсь ребенком, но давно уже перерос свое детство. А ты – ты как будто недавно родилась во взрослой жизни. Всё, что надо, уже имеешь, но беспомощно хлопаешь глазами, словно младенец, и не можешь идти. Тебе нужно изучить себя и жизнь вокруг – с точки зрения взрослого ми-

ра. И верная дорога найдется.

Анна в свою очередь округлила глаза:

– Тебе точно двенадцать лет, а не пятьдесят?

– Мне тринадцать, – с гордостью поправил мальчик.

– Всё правильно, – вяло поддержала его Аня, – самые юные должны верить в себя и в великие свершения. Не то цивилизация погибнет.

Паренек сочувственно протянул ей руку:

– Перестань хныкать, взрослая малышка! Меня зовут Матвей. А здесь под самой крышей наша с отцом квартира. Заходи в гости! Мы живем вдвоем. Ты красивая и не злая.

– О, ты, никак, подыскиваешь себе удобную мачеху, чтобы готовила еду, мыла посуду и протирала пыль? Ни за что! Я не гожусь для семейного рабства. – Аня надула губы. – Ты годишься мне только в младшие братья, и это значит, что твой отец, наверняка, стар для меня!

– Ему – тридцать девять, и он годится тебе в старшие братья, – засмеялся мальчик. – Он, конечно, будет тебя любить, но не украдет, потому что ты – моя.

Анна фыркнула:

– Что за абсурд, малыш!

Очарование ветреной крыши разрушилось, и девушка, грустно вздохнув, направилась к выходу. Кандидатуры «хвостатых» женихов она не рассматривала.

Аня спустилась в уютное кафе с оранжевыми диванами,

чтобы побаловать себя молочным коктейлем и чизкейками.

Уютно устроившись на кожаных подушках, она смотрела в широкое окно на пеструю, многоликую толпу и пыталась угадать, кто из людей уперся в «серую стену» бессмысленности бытия, а кто – еще нет. За соседним столиком говорливый тамада встречал будущих молодоженов, и каждой паре по очереди расписывал программы свадебных увеселений. Женихи и невесты еще не видели «серой стены» и мечтали о фантастических праздниках. Им казалось: еще чуть-чуть и случится прорыв в космический рай! Жизнь сказочно засверкает и в ней навсегда восторжествует блаженство! Однако всё их тоскливое будущее, – чудилось Ане, – уже отражали их лица. План их существования, расписанный по годам, тянулся от лёгкого рыжего столика кафетерия – вперед, в воображаемое пространство.

«Ипотеки, ремонты, модная мебель, дорогая еда, машины, поездки к морю. Всем хочется иметь стандартный набор этого праха, – нахмурилась Аня. – А потом приложатся платные клиники, кружки, школы. Для идеальной современной семьи всё это – обязательно. Ячейка общества – двигатель экономики! Мир держится на активных, приобретающих материальные блага людях. Но все это – не мое, нет...»

С детских лет при слове «семья» Аню обуревала тоска. В годы становления ее окружали понурые, ожесточенные, нездоровые люди, что исказило картину мира для девушки. Сильная любовь могла бы помочь ей воспрянуть духом, но

Аня была одна. Иногда она знакомилась с парнями, но по-настоящему не влюблялась. Она мечтала только о радости жизни. О подснежниках на своей постели. О неведомых лесных озерах, являвшихся в смутных снах, где она любовалась сиянием брызг в лунном свете. В снах ее окружали добрые ясноглазые люди. Взявшись за руки и раскачиваясь из стороны в сторону, они тянули монотонные песни: «А над нами, а над нами – облака. А под нами, а под нами – луга!» Она просыпалась счастливой. Если бы кто-нибудь спросил Аню: «Что дальше?» – «Ничего, – ответила бы она. – Больше мне ничего не нужно».

Внимание Ани привлек звон колокольчика у входных дверей.

На пороге кафе появился долговязый подросток, встреченный на крыше, и высокий, спортивный, светловолосый мужчина, его отец-летчик. Увидев Аню, мальчишка оживился и, улыбаясь, потянул папашу в ее сторону. Аня засобиралась домой. Всякий блондин своим видом воскрешал ее детский страх, напоминая рано почившего родителя, замкнутого и озлобленного шамана-недоучку.

– погоди, не убегай, – закричал Матвей. – Мы не кусаемся, и мы угостим тебя, чем захочешь!

Аня взглянула в приветливое лицо рослого незнакомца. Сильный, неудержимый жар поднялся со дна ее души, захлестнул щеки ярким румянцем. Молодой летчик был при-

тягателен, но вместе с тем его появление вызвало в душе Аннушки непостижимое ожесточение и обиду. Его серые глаза смотрели беззаботно и ясно, кудри сбились на лоб. Подойдя к ее столику, он слегка поклонился:

– Виталий.

– Мы рады видеть тебя, – подражая ему, склонил голову мальчик.

Круглые лица обоих выражали смущение.

– Напрасно, – ответила Аня изменившимся от волнения голосом. – Я – анчутка*. Я никому не приношу счастья.

– Вот оно как, – нимало не смутившись, ласково кивнул летчик. – Такая красивая, беленькая, ясноглазая леди, девушка моей мечты, и вдруг – анчутка?! С таким длинным, кудрявым хвостом! Анчутка – стало быть, Анютка?

– Да. – Аня поправила собранные резинкой волосы.

Улыбчивые, открытые отец и сын о чем-то заговорили, обращаясь к ней и задорно перемигиваясь, но она уже не понимала ни слова, замечая лишь отчаянную дрожь своих рук. На нее накатил суеверный страх, в горле встал комок. Сердце выпрыгивало из груди. Дыхание сбилось, тело ослабло. Аня была близка к обмороку. Не вытерпев напряжения, она резко встала, извинилась и поспешила на воздух.

– До новых встреч, чудесная анчутка-незабудка! – донеслось ей вслед.

Аннушка села на уличную скамейку. Руки и ноги дрожали, кровь билась в висках: «Что им всем от меня нужно?!»

Дочь антиквара Голубятникова

В юности мать Аннушки, – миловидная и задорная карелка Катя Ватанен, – работала медсестрой в районной поликлинике, где познакомилась с ее отцом – продавцом антиквариата Кириллом. Девушка выросла в глухой карельской деревне, на мысу Ахти, где бурливая речка впадает в глубокое озеро, скрывающее острые скалы. Катины предки, былинные рунопевцы, пришли на мыс Ахти в смутные времена, в поисках мирного будущего. С виду богатыри, они обладали добродушным нравом и не желали участвовать в войнах. Укрываясь в глуши, строили деревни, засевали поля и рыбачили, продолжая складывать свои песни.

Когда на свет появилась Катя, на мысу Ахти, кроме ее бабушки-знахарки, никто не пел и не помнил рун. Однако его обитатели существовали в единении с природой, как во времена былинного Вяйнемёйнена*. Деревня не ведала электричества, и жители, находясь во власти стихии, воспринимали как нечто целое – себя, подводный мир, космос, солнце и качавшиеся на ветру деревца. С малых лет Катя разговаривала с водяными течениями, звездами и валунами. «Я чувствую, как лесные духи играют со мной», – признавалась она.

Ее отец рыбачил, мать работала в поле, но после рождения Кати бесшабашные родители начали пить. Бабушка за-

брала девочку к себе. Она обожала внучку, красиво заплетала ее светлые, прямые, как солома, волосы. Детство Кати нельзя было назвать печальным. Ее закрытый мирок всегда был чист и уютен, наполнен пирогами с морошкой и расцвечен интересными книгами – о приключениях отважных героев и о любви. Травничеству Катя учиться не захотела. Бабуля не настаивала:

– Знахарями становятся по зову крови. Значит, тебе этот дар не передан, как и твоей матери, – с грустью признала она. – Им будет обладать твоя дочка... Жаль! Ведь я уже не сумею поведать ей нужные тайны! Неумеха может причинить много вреда – и себе, и другим. В ней заклокочет никому не понятная сила, но девочка не узнает, как с ней справиться. Она даже не поймет, в чем дело... Эта сила уничтожит ее врагов, а ее саму будет сводить с ума.

– Кто же ее враги? – Катерина изумленно раскрыла рот, а бабушка устало вздохнула:

– В Библии написано: самые опасные твои враги – те люди, с кем ты живешь.

– Милая, родная, зачем ты выдумываешь такие страшные сказки? – ужаснулась школьница. – Неужто и ты – мой враг?

– Поживешь – увидишь, – в голосе бабули сквозила печаль. – Запомни накрепко: есть только одно средство от разрушения – любовь. Люби свою дочку, какой бы она ни была! Даже уродливую, больную, глупую, ленивую, злую – люби без памяти! Обнимай, хвали, говори ей ласковые слова.

Только тогда разрушительное течение потихонечку повернет вспять.

Будущее еще казалось Катеньке выдумкой, и упрямица забыла слова старушки.

– Что еще за дочка? – пожалала она плечами. – Я родилась девочкой, и всегда ей буду. Я не хочу вырастать, и еще кого-то рожать. Ты что!

– Время не спросит твоего разрешения, – усмехнулась бабушка, вглядываясь в пустоту, словно в собственное девическое лицо.

В скромном бревенчатом рае не случалось происшествий. Лишь изредка его омрачала зависть к чужим модным обновкам, но бабушка учила Катю бороться с неприятными чувствами:

– Вещи временны, – говорила она. – А ты береги здоровье и красоту, они открывают огромные возможности. Ты вырастешь и всем утрешь нос. У тебя будет всё, что захочешь».

Катя верила. Но, едва она закончила школу, бабушка умерла. Вскоре за ней последовали родители. Девушка осталась одна и ей не с кем было советоваться. Собираясь разбогатеть и найти красивого мужа, она отправилась в Питер, поступила в медучилище и поселилась в общежитии.

Петербург представился ей невероятно большим и диковинным. Он превосходил Петрозаводск, когда-то казавший-

ся Кате пределом мечтаний. Но жизнь текла здесь совсем иначе, от суеты рябило в глазах, в непрерывном гуле тонули голоса звезд и духов. Ощущение себя, как важной части вселенной, смазлось и временами совсем пропадало. Потоки несущихся куда-то людей и непрерывно сигнализирующих машин пугали Катю, она отчаивалась найти дорогу. Чтобы успокоиться, она воображала себя сидящей на кочке в родном лесу и шептала, подражая бабушке:

«Вот облаков отраженье. в темной пучине. Кротко, тихо несет течение... просмоленную лодку – сквозь запах пробившихся листьев и свист разомлевших птиц. Миг – и рай превратится в грохот и смену лиц! Силы мне дайте, духи! Жизнь на куски не рвите! Как вписать прежнюю сущность в новую жизнь, скажите! Как пройти испытанье – словно тайгу, напролом? – Мы, – отвечают, – не знаем. Лес и вода – наш дом.»

Питер не принимал Катю, словно выплевывал ее. Она побледнела и исхудала. Ей хотелось вернуться к родному карельскому озеру с его заливами и скалистыми островами. К родной бурлящей речке с острыми порогами. На милый сердцу мыс Ахти, вокруг которого, как центра мироздания вращались солнце и пышные облака. В бревенчатый дом, повернутый окнами на закат, где зимними вечерами при свете лучин они с бабушкой пели руны.

«Но что мне там делать? – увещевала она себя. – Останусь старой девой, и буду, зевая, до самой смерти коптить на бе-

регу шук. Нет, лучше уж мне потерпеть».

Постепенно Катя освоилась в чуждом городе, устроилась работать медсестрой, и лет в девятнадцать встретила Кирилла Голубятникова. Он был коренным петербуржцем, знал толк в старинных вещах, но коммерческих способностей не имел. Юной Кате он виделся значительным и загадочным, словно хранил, так же, как и она, древние тайны. Только совсем иные, принадлежавшие царям и высоким вельможам.

– Катя! Ты только глянь на эти костяные скульптурки, шкатулки, столик, – с горящими глазами вымолвил он, увлекая девушку вглубь магазина, с благоговением проводя пальцами по резным ободкам старинных предметов. – Ты слышишь, как они шепчут о своих мастерах и величавых владельцах, ушедших в мир иной?

Кроме костяных предметов, которым поклонялся Кирилл, на полках стояли другие, единственные в своем роде вещи огромной стоимости. Катя блаженно слушала бархатный голос молодого антиквара, однако ждала от него не од ушедшим векам, а любовной ласки, и мечтала, чтобы его изящные руки касались не магазинного старья, а ее золотистых прядей. Она с кокетством шепнула, – для того, чтобы угодить ему:

– Косторезы были уважаемыми людьми.

– О, ты не представляешь, насколько! – азартно подхватил он и затараторил. – Даже Петр Первый увлекся резьбой и изваял табакерку из кости мамонта! Гляди, гляди, я покажу

тебе – вот она! Чудно, правда? Эту грубую штуку создали руки знаменитого царя! Только вообрази, как сложно мне было ее достать!

Кирилл ожидал, что девушка ахнет от восторга, но Катеньку антикварные вещицы не трогали. От них пахло ветхостью и тянуло чихать. Не замечая этого, Кирилл продолжал теревить рукав ее простого платьяца:

– А вот еще, посмотри, приклад ружья! И костяная золоченая поварешка! О, милая Катя! Я жажду иметь эти штуки дома! – Вид у него был заговорщицкий, словно у мальчишки, открывшего важный секрет.

Кате показалась глупой его склонность тащить домой старые вещи с тошнотворным запахом.

«Дом – не музей!» – мысленно воскликнула она. – «Даже бабушка хранила старье и травы на чердаке!»

Катя вообразила его четырехкомнатную квартиру на улице Савушкина своим семейным гнездышком, модно обставленным, с новой, пусть и не позолоченной, кухонной утварью. С абстракциями на стенах и ярко-оранжевыми оконными рамами.

Ее прагматические мечты не совпали с реалиями Кирилла. Но нелюдимый антиквар, с роду не имевший друзей, открыл ей душу, и женская интуиция подсказала Кате: откровенность избранника стоит хотя бы притворно ценить, чтобы закрепить симпатию к себе. Девушка постаралась изобразить на лице пылкий интерес к истории, и была вознагражде-

на за терпение. Кирилл вытащил из пыльной картонной коробки странное приспособление для волос: внутрь большого круглого украшения нужно было пропустить толстую прядь, и закрепить ее снизу острой шпажкой.

– А пока... Пока я подарю тебе эту заколку из мамонтовой кости! – торжественно произнес он так, словно вручал кольцо. – Возьми! Пожалуйста, носи ее, а я буду тобой любоваться!

Катя не понимала, зачем ей эта костяная штуковина, и что в ней красивого, но радовалась теплоте отношения молодого человека и тому, что воодушевляет его своим присутствием. Большая, кремового цвета, заколка была неудобна. Вся ее поверхность оказалась испещрена изображениями резвящихся рыб. Тонкие светлые волосы девушки запутывались в узорах и рвались под тяжестью украшения. Но парень восхищенно хлопнул в ладоши:

– Не снимай, носи всегда! Ты ведь выросла в лесу, Катя? Ты ловила рыбу? Тебе очень идет этот мамонт! Ты такая миниатюрная, ладненькая, круглолицая! Ты как настоящая якутская девушка, только беленькая!

– Я – карелка! – с вызовом напомнила ему Катя.

– Все равно! – он, довольный, перебил ее. – Мамонт – якутский!

Катя без памяти влюбилась в его глубокие темные глаза, кудрявые светлые волосы, неулыбчивое лицо и высокую ху-

дую фигуру. Несколько месяцев Катина душа пела во весь голос, точно в ней воскресли предки-рунопевцы:

«Разве могу я Тебе рассказать, как ожидала звонков, замирая? Как я порой, своё тело лаская, руки любила Твои представлять... Как отмечала на карте зеленой Наших проспекты, кафе и мосты... Как я хранила потрепанный зонтик, что надо мною распахивал Ты. Как подбирала слова молчаливо, письма писала дрожащей рукой. Как я считала сказочным дивом всё то, что связано было с Тобой!»

Кирилл не был ни внимательным, ни нежным, но счастливой Кате хватало в ту пору его присутствия и вечерних посиделок в сокровищнице его магазина. Она внимала лишь своим фантазиям и заоблачным чувствам, в то время как он жил иными, не понятными ей иллюзиями. Это была юношеская страсть, когда двое, не интересуясь внутренним миром друг друга, бросаются в пучину новизны, физического влечения и собственных вымыслов.

Едва узнав, что жена беременна, Кирилл начал фанатично ждать сына, заранее называя его Павликом. Нежно целуя Катин живот, он расплывался в блаженных улыбках, и тихо шептал: «Павлуша, сынок!»

Катя просила сделать ремонт, но муж уговорил отложить дела на потом – чтобы еще не родившийся ребенок не дышал пылью. Кирилл дарил Катюше цветы, непрестанно ласкал ее и готовил ей вкусности. Она была счастлива всю бе-

ременность. Но то, что вместо Павла Кирилловича она родила двух девочек, возмутило мужа до бешенства. Обожаемая жена вмиг стала чужой, словно совершила предательство. Между супругами пролегла глубокая пропасть. Разочарованно глядя на дочек, родитель будто спрашивал: «А это еще откуда?» Он не брал их на руки, и отказался придумать имена. Измученная родами, сбитая с толку и напуганная поведением мужа, Катя подолгу рыдала, укрывшись в большом шкафу, и никого не хотела видеть.

«О, где вы, мои всемогущие покровители? – отчаянно вопрошала она, сидя на куче мятой одежды. – Почему вы покинули меня в этой нелепой беде? Болотный анчутка забрал мое счастье! Он сочинил смертельную шутку, и вместо сына дворянского подсунул мне своих кучерявых бесенят! У него их, словно гороха, на всех хватит... Не жалко. Коварный анчутка явился, хоть я не поминала его, и отнял у меня любовь! Что теперь будет?!»*

Брошенные в кроватке малышки истошно кричали. Катя глядела сквозь щелку шкафа на их спутанные золотистые кудряшки, будто на клубок ниток, прикатившийся от соседей... и с горечью вспоминала мшистые карельские болота.

Девочкой летним утром бегала она за ягодами. Под горой, над болотом плыл серый туман, шевелился и подрагивал, как липкий кисель хватал за ноги влажными лапами. «Глупый туманище, я тебя не боюсь! – нарочито хохотала Катюш-

ка, размахивая плетеной корзинкой. – Скоро высоко взойдет солнце, загонит тебя в нору, и не выпустит до самого вечера!» На самом деле, она страшилась утонуть в вязкой топи, и, прыгая с кочки на кочку, спешила к суше, где в высокой траве начиналась тропинка. Изношенные тапочки намокли и соскальзывали с зеленого сочного мха к темной водяной бездне. Потревоженные лягушки лениво плюхались в болотную жижу и потешно дрыгали лапками, но Кате в каждом шорохе мерещились зловредные анчутки, норовившие схватить ее. Бабушка рассказывала, что их дом, построенный из гнилушек и старых веток, находится в центре трясины:

– Пол там выстлан удивительно ровным и мягким мхом, и хозяева с удовольствием зазывают к себе гостей, путая и сбивая с пути.

Девочка вздрагивала, теребя приколотую к ситцевому платью булавку: водяные анчутки подарков не принимали, и заговор против них не действовал, зато, как любая нечисть, они боялись железа.

– Анчутки почуют его за пять саженей, и уйдут прочь, – объяснила бабушка, но Кате все равно было страшно.

Наконец, Катюшка вылезала на берег, к земляничной поляне. Оглядываясь назад, она видела, что у песчаной мели, между торчащими из воды травинками, беспечно плавают бурые головастики и мечутся водомерки. Над ними висит комариная стая, и легкий ветерок гонит ее вглубь болота, а потом возвращает к суше.

Покинув Карелию, она скучала по лесам и болотам, даже по страху, что одолевал ее в глухомани.

«Неужели с тех самых пор анчутки следят за мной? – внешне пришло в голову взрослой Катерине. – Не сумели утянуть в болотную пропасть, так решили погубить меня другим способом! Ведь я уже давно не прикалываю к одежде обережных булавок. Я забыла об этом.» И вся обида на Кирилла, всё безумство родовой боли, всё разочарование в семейной жизни выплеснулись в эту крамольную мысль, став криком души: «Вы все здесь, в этом гниющем Питере – вероломные анчутки! Ан. Антиквар, его злобная мать и его агрессивно орущее отродье!»

На другой день Катя записала имена новорожденных как производные от «анчуток» – «Анисья» и «Анна».

По-своему Катя любила девочек, но считала их своей бедой, и ощущала себя виноватой перед Кириллом за их рождение. Эти давящие чувства передались дочкам. Даже много лет спустя Анисья и Аня старались вести себя тихо и не попадаться отцу на глаза.

Катерина не испытала от материнства счастья, словно провалилась после родов в черную пропасть. Кормление грудью стало тяжелой повинностью. Молока не хватало, добывать его приходилось со слезами и, казалось, под средневековыми пытками. Она злилась, когда голодные дети плака-

ли, вынуждая ее к новым страданиям. Казалось, она навеки обречена на истязания. Юная мать не желала подходить к дочкам, но всё же делала это через силу. «Я должна любить этих анчуток, потому что так положено, – упорно внушала она себе. Но раздражение брало верх. – Ах вы, ненасытные болотные пиявки!»

Катя старалась быть хорошей матерью и следовать советам врачей, но все чаще ей в голову лезли мысли о том, чтобы выпрыгнуть из окна, или сбросить дочек с балкона. С их рождением супружеская жизнь необратимо изменилась. Теперь у Кати оставалось лишь одно желание: уснуть и никогда не пробуждаться. По утрам она надевала якутскую заколку из мамонтовой кости, но даже это больше не привлекало к ней мужа. Глядя пустыми глазами в потолок, она вспоминала руны своей бабушки:

«Снизойди, творец, на помощь, милосердный, будь защитой в этом очень трудном деле, в этот час, такой тяжёлый! Чтоб от боли мне не сгинуть, от мучений не скончаться...»

Кирилл критиковал Катерину, ругал ее за слёзы, но ухаживать за детьми не помогал. А она продолжала любить его, и начала думать, что сама виновата в плохом к себе отношении: «Ведь я измучена и безразлична к супружеским утехам. Я плачу, вместо того, чтобы развлекать и улаживать мужа...»

После рождения детей Катя на работу не вышла. Хлопоты

по дому давались ей тяжело. Она и думать забыла о модной мебели и новой посуде. Интерьер сумбурно дополнялся дорогими, удушливыми антикварными вещицами на усмотрение мужа. Апатия и отчужденность укоренились в Кате на долгие годы. Она редко бывала в хорошем настроении. При разговоре с ней дочкам казалось, будто мать кричит или отчитывает их. Теперь и Кириллу, и Катерине всё на свете виделось скверным. Ничем невозможно было их порадовать. «Куда исчезли красота жизни и пылкость нашей любви? Как я угодила в эту мерзкую западню? – сокрушалась Катя. – Лесные и озёрные духи позабыли меня, и звезды молчат, став далекими и едва заметными». Казалось, одни анчутки окружают прекрасную карелку, и дожидаются ее смерти. А Кирилл, бредя во сне, повторял странное слово: «Айталына!»

Катя не знала о прошлом своего антиквара – о том, что долгое время до их знакомства муж провел в якутской тундре, под другим именем, с другой женщиной. Она пугалась, словно слышала чужое колдовское заклятие, и, дрожа, шептала в ответ заговор своей бабушки:

«Приди, воздь непобедимый, на помощь! Славен ты, как заступник! Приведи наши души ко счастью горнему!»

Тем временем, сёстры Голубятниковы подрастали, и Анисья в недоумении спрашивала Аню:

– Почему мама с папой всегда печальны и недовольны?
Та горестно вздыхала:

– Мы не нужны им.

Катерина как будто забыла ласковые слова. Аня никогда не слышала от нее «я люблю тебя, доченька» или «ты у нас хорошая». Мать называла детей анчутками, Анькой и Ниськой. Ругала, если те сутулились или пачкались и никогда не ласкала. Лишь изредка вечерами, сидя около их кроваток, шептала, целуя светлые растрепанные макушки:

– Почему он такой? Любой мужчина был бы рад стать отцом этих послушных красавиц. И тихо, вполголоса напевала карельские песни бабушки, те, что ей помнились с детства:

«О, ты, дева водопада! Ты в реке живешь, девица. Ты скрути покрепче нитку из вечернего тумана. Протяни ее сквозь воду, сквозь потоки голубые... Чтоб по ней мой челн стремился, чтоб неопытные даже отыскать могли дорогу.»

– Ма, давай уедем от Кирюшки в твою деревню – дерзко сказала однажды Анисья. – Героини кино всегда уезжают из дома, если плохо живётся.

– Но я люблю его, – прошептала дрожащими губами мама. – И не хочу никуда уезжать. Кирилл – ваш отец, и вы тоже должны любить его.

– Почему? – не поняла Аня. – Как его любить, если он не любит нас?

– Он любит, – всхлипнула Катерина. – Просто у каждого любовь бывает своя.

Чтобы отвлечь девочек, она отдала их в музыкальную

школу. Сначала хотела устроить в художественную, чтобы занятия проходили тихо, но у сестер не обнаружилось способностей к рисованию.

Учиться музыке было трудно. Занятия сольфеджио обесиливали даже усидчивую Аню, а егоза Анисья все время порывалась бросить дополнительную школу. Она с радостью прекратила бы ходить и в общеобразовательную, но понимала, что ее все равно заставят окончить девять классов, и покорно тащила эту обузу. Занятия давали сестрам право каждый день запирается в своей комнате, уходя в детский мирок. Домашние упражнения на пианино, сбивчивые, без конца повторявшиеся обрывки мелодий злили угрюмого Кирилла. И все-таки обучение продолжалось.

Антиквар испытывал к дочерям глубокую неприязнь, но, сознавая, что сам разрушает семейную жизнь, пытался обеспечить девочкам благополучное будущее.

Зовущая в тундру

Заслышав ненавистные музыкальные повторения, хозяин дома удалялся в кабинет. Там стояла шкатулка из кости мамонта и висела на стене старая медвежья шкура. С люстры свисали на нитках пожелтевшие медвежьи когти, широкие, плоские и загнутые, будто серпы. Пахло сушеными травами и грибами. Под письменным столом в пыли стояли банки необычных солений, сквозь стекла проглядывали шляпки поганок. Кирилл набирал в стакан одному ему известных снадобий, немного разбавляя их водой, и включал старый этнографический фильм «Зовущая в тундру». Это была документальная лента о кочевнице, ставшей его настоящей, тайной любовью и родившей ему дочь-метиску. Дочь, в которой он души не чаял, которую навсегда потерял! Оттого новые дочери показались ему не настоящими, муляжами первой. Они рассчитывали заменить ее, и сердце антиквара ныло от оскорбительных посягательств. Не настоящей была и жена Катерина, носившая костяную заколку покинутой им якутки. Жена – лишь та, которую во сне он называл Айтальной!

Кирилл спрашивал себя: «Почему я тоскую по Айтальной? Неужели так сильна моя к ней любовь? Но тогда почему не вернуться?» И отвечал: «К чему этот самообман? Ни начальство, ни мать не позволят уехать. И Айтальна меня

не примет. Уверен, она давно заменила меня другим приезжим блондином. А я... Был свободным в Якутии и чувствовал, что живу. Восприятие обострилось, словно я дикий зверь или полубог. Я любил, рисковал, пускался в сумасшедшие экспедиции. Я был по-настоящему счастлив. Но люди и обстоятельства вынудили вернуться. Быстрокрылая юность исчезла, бросив меня на острые камни реальности. Нет уже ослепления бескрайними горизонтами, нет веры в необыкновенное, яркое будущее. А что человек без слепой, вдохновенной веры? Бессильная букашка. Борьба с реальностью бесполезно. Теперь я даже не человек, а так, бессмысленная тень своего короткого якутского прошлого. Я ничего не могу исправить. Мне не стать свободным и не вернуться. Не вымолить прощения. Не избавиться от новой, неестественной, не понятно, как получившейся семьи, которую я не ощущаю своей. Она должна была помочь мне обогатиться, но стала несносной обузой. О, да, покидая Якутию, я все еще видел впереди свет, надеясь разбогатеть и стать хозяином самому себе! Я хотел подарить Айталыне сокровища, и показать нашей маленькой крошке огромный мир. Лишь они моя семья, другим отчего-то не хватает места в сердце. Только большие деньги могут дать мне теперь свободу. Я думал, что уезжаю на время, и вернусь в Якутск победителем. Но – увы! Почему я ничего не смог изменить? Судьба издевается надо мной, дает одних дочерей. Родил Катюшка парня, я получил бы наследство немецкого прадеда. Я отдал бы ей часть

этих средств: как-никак, она старалась стать хорошей женой, пусть ничего и не вышло. А сам... Я ушел бы туда, куда зовет сердце. Но теперь – тупик. Есть ли смысл оплодотворять других женщин, если в завещании указан лишь законнорожденный сын? Я умру с любимым именем на губах!»

Автор сюжета не получил ни призов, ни наград, и кинолента ушла в архив. Однако Кирилл сумел отыскать ее как единственную память о лучших днях своей жизни.

У склона лесистой сопки стояла высокая яранга, и жарко горел костер. Стелющиеся клюквенные плети, усыпанные неспелыми ягодами, плотно обвивали оголенные корни деревьев. Обнаженная девушка с длинными, ниже бедер, распущенными черными волосами, готовила на огне пищу и шептала якутские заговоры. Мшистые камни защищали ее от ветра. С краев старого закопченного котла, шипя и искрясь, капал тюлений жир.

Роман Айтальны и режиссера-неудачника случился до приезда Кирилла в Саха, и в кадре она была чуть моложе, чем он запомнил ее. Антиквар ревновал, и всякий раз мысленно сворачивал шею прыткому москвичу, одновременно благодаря его за возможность лицезреть теперь Айтальну, и переживать вместе с ним близость любимой якутки. Голубятников слушал мелодию низкого гортанного голоса, не сводя глаз с оголенной налитой груди смуглой дикарки, с манящего бархатистого паха, едва прикрытого кусочком оле-

ншей шкуры. И плакал, вспоминая жгучую страсть объятий. За этим занятием его не раз заставляла Катя, но, так и не смекнув, что на экране соперница, пожимала плечами и уходила. Лишь с неприязнью подмечала про себя: «Опять сосет свои мухоморы!» Однако трогать его мерклые банки не решалась и ничего не говорила о пугавших ее мутных жидкостях, видела, что Кирилл провожает ее раздраженным взглядом. А глаза его красны и безумны.

Ради Айталыны он, неразумный молодой человек, увлекся шаманством, надеясь стать значительной персоной на ее родине.

– Нельзя просто так, беспардонно врываться в жизнь другого человека, – строго произнесла прекрасная якутка, от взгляда которой у Кирилла колотилось сердце. – Нужно принести с собой сокровенный дар – судьбоносный смысл. Нужно осчастливить своим поступком кого-нибудь, кроме себя! Так обнаружь, будь любезен, это благословение свыше! Или ступай, откуда пришел!

По едва приметной таежной тропе сбитый с толку юноша взобрался на перевал, откуда открылся темно-синий, позолоченный лунным светом простор. Широкая долина с горными грядами уходила за горизонт. По ней змеилась река. У Кирилла захватило дух от невиданных раздолий! Лунный шар, зависший над темными облачками, тайга внизу, взго-

рья, вся якутская земля показалась парню родной, вызывала сладкие мысли о будущем счастье, и ничто не предвещало его гибели.

После долгого созерцания суровой природы и высокого звездного неба Голубятников вышел к шаманской тропе. Хвойный лес то сгущался, то расступался перед путником, не ведающим опасностей, пока тот не ступил на берег быстрого полноводного ручья.

Кирилл разложил костер. Глядя на потрескивавшие в пламени сучья, он размышлял, о чем бы замысловатом и задушевном наврать диковинной пташке, чтобы запутать и обаять ее. Что величественное и многозначительное может он отыскать в глухой тайге? Что может сойти в глазах Айталыны за сокровенный дар и судьбоносное благословение? «Смешные эти девушки, право! В какие только бредни они ни верят! Особенно – моя!» Но всё чаще эти мысли сбивались раздумьями об истинном смысле его приезда в Якутию и о молодой жизни в целом. Внезапно из-за высоких камней появился длинноволосый с проседью человек в накидке бурого меха с пришитыми гигантскими, похожими на крючья, зубами и костяными бусинами. У колен на длинном ремне болталась полотняная сумка для трав. Шаман, щурясь, смотрел на белобрысого чужака, словно ошупывал его изнутри, обернулся в темноту леса, подступавшего к ручью, затем по-хозяйски подошел к костру:

– Что ты делаешь здесь, дуралей? Твоя невеста ждалась тебя на белом ложе, в теплой городской хижине.

Он оперся о тотемный посох, который венчала вырезанная из кости медвежья голова. Его взгляд пронзил оцепеневшего Кирилла.

– Ищешь ответы, которых нет? Твои духи носят тебя над тайгой, кружат по лесу, когда люди спят? И ты ни разу не заблудился?

Шаман говорил неторопливо, нараспев, низким и властным голосом.

– А если я тоже хочу стать шаманом? – вдруг пролепетал юноша. – Я хочу дарить Айтальне и другим людям важные вещи – такие, как здоровье и вечная молодость. Я смотрю на звезды и чувствую: у меня хватит на это сил!

Незнакомец усмехнулся:

– Учти: этот выбор – на всю жизнь. Тут тебе не кулинарный техникум!

– Я вижу! – упрямылся Голубятников. – Не отвергай меня!

– Как медведь, ты будешь бродить по горам, глотать кедровые орехи и ягоды, переворачивать камни в поисках насекомых. Во влажных луговицах станешь выкапывать съедобные корневища. Ты научишься быстро и бесшумно передвигаться по склонам обрывов, вдоль извилистых рек, по узким уступам скал. В дороге я покажу тебе, как другим ученикам, истоки человеческих болезней! Ты научишься выбирать нужные для исцеления грибы и травы, варить зелья и

летать на сухих корневищах лиственниц!

Шаман пронзил Кирилла насмешливым взглядом.

– Да, я буду! – не задумываясь, поклялся юноша, воспринимая происходящее как игру.

– Но не каждый, кто идет за мной, станет шаманом. В конце пути тебя ждет испытание на зрелость. Ты либо пройдешь его, либо злой дух расщелин овладеет тобой, закружит голову и разрушит твою жизнь.

Резко развернувшись, человек-медведь шагнул вглубь леса.

Поправив взъерошенный чуб, Кирилл беззаботно устремился за шаманом. В сказки он не верил, и о подвохах человеческой психики пока не знал.

Антиквар откинулся в кожаном кресле и тяжело вздохнул, вновь и вновь прокручивая кадры, где обнаженная Айтальна готовила в котле оленину. В душе саднили незаживающие раны. «Вот и скрутил меня дух расщелин, – подумал он. – Хотя не дух это вовсе! А сложные потрясения, с которыми не справляется разум. Мне не сладить с тем, что запечатлели ум, душа и тело! Всё, что пережил, осталось внутри навечно! Я умею варить мухоморы и обращаться медведем, и летать на плетне. Я могу вызвать образ любимой женщины и наяву коснуться ее тела. Но я всегда не в ладах с собой! Негде взять сил. Я уже не хочу жить дальше».

Детство Анчуток

Музыкальная школа учила классике, но дома девочки предпочитали «тюремный шансон».

– Все эти школы, и вся наша жизнь, как тюрьма, – повзрослому хмурясь, говорила сестре Анисья. – Нам некуда от них деться, пока не вырастем. Ну, ничего, и на зонах живут люди, поют песни, работают, ждут освобождения. Прямо как мы с тобой. – И затягивала любимую. – День рожденья на тюрьме, чай с вареньем в полутьме...

Девочки смеялись, и им становилось не так обидно за свой день рождения, который в семье не праздновался. Каждый раз родители находили отговорки. Они бранились, закрывали детей в комнате, и те остро осознавали свою ненужность. Это заставляло их сильнее дорожить друг другом и держаться вместе. В школе они беспощадно дрались с обидчиками: любая бестактность оборачивалась для злых шутников синяками. Когда сестрам исполнилось десять лет, Катерина вновь попыталась родить, чтобы исправить свой, как она считала, промах. Врачи отговаривали ее из-за болезни почек, но она настояла на своём и пошла на риск. Не проходило дня, чтобы Катя не читала заговоры, не молилась и не блюла оберегающие обряды. Она помнила, как бабушка делала это для других женщин. «У меня нет дара, но вдруг хоть что-то поможет!» – верила она. Но на позднем сроке случился выкидыш,

едва не стоивший карелке жизни. Невыношенный младенец оказался мальчиком. С того дня

Кирилл открыто невзлюбил дочерей, грубо кричал на них, а чаще не замечал вовсе. Для ведения хозяйства он нанял домработницу, пожилую и молчаливую, всегда одетую в черные балахоны женщину. Она кормила детей, убирала в их комнате и не встревала в семейные отношения. Порой Аннушка пыталась спросить у нее совета, но та избегала разговоров.

Катерине трудно было ходить и она лежала в кровати, широкой, с высоким светлым изголовьем. Когда становилось совсем тоскливо, она вспоминала карельские руны. Её пение походило на завыванье раненого зверя:

«Мой сынок уже скончался, он погиб уже, бедняжка, в темных водах Туонелы. Кто исчез, не станет мужем. Кто погиб, тот жить не будет. Уж сизи глаза пожрали, уж объели плечи щуки. И уже распалась кожа, и пропало море крови. Слезы матери несчастной не помогут здесь, как в сказке.»*

На поправку Катиного здоровья ушло больше года. Вернувшись из школы, Аня садилась рядом с ней на постель и, страшась ее неподвижного, устремленного в одну точку взгляда, тоже запевала руны:

«Старый, верный Вяйнёмейнен, вековечный прорицатель, все несчастья прогоняет, исцеляет все болезни.»

Анисья не участвовала в этих плачах. Однажды, не выдержав тягостной атмосферы, она решительно вошла в комнату и под села к Анюте, обняв ее за плечи:

«Кто погиб, тот жить не будет! Ну а ты, млада девчонка, утирай скорее слезы! Пой со мной, моя сестрица! Давай – про алые паруса!»

И затянула:

«У синего моря, где бушуют бураны, жила девчонка с именем странным – Анчуутка!»

Аннушка удивленно взглянула на сестру и, улыбаясь, подхватила:

«Часто бывала она на просторе, в мечтах уплывала в открытое море! – Анчуутка!»

Вскоре жизнерадостным колокольчиком зазвенел звонкий девичий смех.

В краткие мгновения, когда безудержно смеются девчонки, разлетаются в стороны черные тучи. К этому гимну жизни, к ощущению небесной чистоты и крылатой юности не липнет мрак. Их девственное веселье не убить лишениям и горестям. Поколения девиц на всех континентах сменяют друг друга, передавая в будущее свой неподдельно-волшебный смех. Однажды его отбирают женские тяготы, но другие юные девушки подхватывают знамя природной радости, и несут его дальше, сквозь время.

«И вечером поздним, когда все уснули! На небе зажглись миллионы огней! – выводили сестры в два голоса. – Аалые

паруса, ааалые паруса, паруса, паруса!»

Катерина медленно повернула к дочкам опухшее от слез лицо, и усмехнулась, будто на секунду вернулась в детство. Потом села в постели. С того дня она начала выздоравливать.

Дух расщелин. Расправа

В тринадцать лет Анисьюшка, более решительная, чем Анна, спросила Кирилла:

– Почему ты не любишь меня?

Тот взглянул на дочь, словно впервые увидел, и, усмехнувшись, бросил:

– Ты бестолковая и толстая.

– Неправда, – пожала плечами уверенная в себе Анисья. – Все говорят, что я красивая и хорошо учусь. Посмотри, какая спортивная у меня фигура, и какие густые косы! И в дневнике каждый день – «пятерки»! Многие школьницы учатся и выглядят плохо, но родители их любят и балуют, говорят ласковые слова. Я спрашивала их: «Почему?» Они отвечали: «Это – наши дети, и потому они дороги нам, и потому они самые лучшие для нас». А ты? Скажи честно, почему? Почему ты не хочешь, чтобы наша семья жила счастливо?

– Папа хочет, – подбежала к ним испуганная Катя. – Ведь он растил вас с сестрой, он всегда жил с вами. Никогда не бил. У нас замечательная семья.

Оцепеневшая Аня стояла рядом, и глядела, как лицо Кирилла искажает гнев. А может быть, боль...

Он развернулся и пошел к выходу, громко крикнув жене: «Это всё – твои выкрутасы, карельская ведьма!»

– Я?! Ведьма? – опешила Катя. – У меня нет даже дара травницы! Что за чушь, антикварный анчутка!

Под тяжелыми шагами проскрипел паркет. Хлопнула дверь. Со стены посыпалась штукатурка.

Прошла долгая январская неделя.

Катерине сообщили, что тело ее мужа найдено в Обводном канале. «Причина смерти – самоубийство». Девочки недоуменно переглянулись, а потом тихо обняли мать.

– Дети не понимают смерти. Ваше везение, – отрешенно сказала им Катерина и на два дня впала в ступор. Она не лила слез, плюхнулась на кровать и молча, как после неудачной беременности, уставилась в потолок. Затем впервые за много лет улыбнулась, сверкнув проясненными глазами. Это выглядело неестественно и зловеще. Сестры не помнили улыбку матери и теперь испуганно смотрели на ее обнажившуюся десну и неровные, кариозные зубы.

– Смерть входит без стука, и в дуду не дудит, – сказала Катя задумчиво. – Ну, что ж, анчутки, наступила новая жизнь. Я больше не должна пытаться родить. И больше не виновата, что родить не могу. Я боялась умереть, но все равно шла на риск, хотела доказать, что нужна ему. Это ужасно – любить мужчину, и быть не в состоянии удовлетворить его прихоти!

– Разве это – любовь? – спросила Аня. – Любовь – это когда целуются и заботятся друг о друге, когда муж дарит жене цветы. Когда ласкают детей, а вечерами ужинают при свечах.

– Когда любят, не посылают на смерть, – зло фыркнула Анисья.

– А вдруг вы правы? – мать вскинула бровь. – Вдруг это была не любовь? Когда любимый муж умирает, женщина не хочет жить без него. А я – наоборот! Захотела! Я смертельно тосковала раньше, и будто проснулась теперь. Я, кажется, вовсе не опечалена? Почему?

Аня хмурилась, сжавшись в комок на бордовом бархатном кресле с подлокотниками из бивня мамонта. Страшно слышать от матери рассуждения о любви и смерти. Кружилась голова, девочка не понимала, что происходит в семье, и что ей думать об устройстве реальной жизни. Отца, который был рядом, управлял укладом и домашней атмосферой, она вовсе не считала человеком, он существовал для нее, как враждебное привидение, устрашающее создание из параллельного мира, закрытое для диалога. Кирилл приносил в ее жизнь слезы и ужас, но мать утверждала, что он давал хорошие деньги.

На улице Аня вздрагивала, если встречался высокий худощавый блондин. Во всех светловолосых мужчинах чудились фантомы Кирилла. Она боялась его возвращений домой, словно предчувствуя неведомые катастрофы, и жаждала убежать куда-нибудь далеко. На северный полюс или на Карибы. Но уроки географии, биологии и ОБЖ вовремя охладили Анин пыл, она увидела, что действительность далека от книжных сюжетов. Ей не стать ни Гердой в ледяном

царстве, ни «морским волчонком» Майн Рида, не открыть фантастический затерянный мир! Реальная планета оказалась страшнее, чем пространство, где жила Аннушка. И она испытала настоящее горе, ощущая себя запертой в клетке с нечистой силой, вокруг которой рыскали голодные волки. Уход Кирилла из жизни сильно смутил Аню. Она не знала его живым, не держала за руку, не сидела у него на коленях, не ведала, как пахнут его волосы. Он издавал только шум и грохот. Теперь девочке казалось, что вот-вот он вернется, и задушит ее. Мать оставалась в восприятии Аннушки миролюбивой сущностью, хотя совсем не понятной и отчужденной.

Непосредственная и не по годам разумная Анисья обняла Катерину:

– Ты – наша мама, и потому ты – самая лучшая. Пожалуйста, не глупи. Слышишь, ты не можешь скучать по скандалам и по риску умереть. Ты улыбаешься и это нормально! Все мамы должны улыбаться.

– Ладно, – зарделась Катя и усмехнулась, и овал ее лица стал другим, непривычным для сестер, мягче, моложе. – Кстати, имейте ввиду, анчутки... В новой жизни нам будет недоставать денег. У меня нет родственников, а ваша бабушка, мать Кирилла, живет сама по себе. Когда вы были маленькими, она брала вас поиграть, а теперь вы ей не интересны. Так бывает. Вы должны уже понимать...

– Что понимать? – в один голос спросили сестры.

– Рядовая история: она считала меня недостойной для своего сокровища. Громогласно вещала, что вы родились от необразованной дикарки. «Эти чухонцы, – злобно твердила она, – у моих предков челядью служили!» Вы, анчутки, для нее всего лишь побочные барские отпрыски, досадная случайность. До революции таких, как вы, ссылали подальше в глушь, и забывали. Тем не менее, кровь замешалась, и все вы теперь вместе Аничковы – анчутки! Родись вы мальчиками, на вашу долю выпали бы ощутимые поблажки!

За время жизни с Кириллом, несмотря на непрестанные ссоры, речь Кати облагородилась. Молодая женщина стала использовать изысканные обороты, привыкла к новым словам, избавилась от деревенского выговора. На людях стала сдержанной, утонченной в одежде и поведении. Теперь ее трудно было отличить от коренной петербурженки.

– Почему парни лучше девочек, мам? И чем ты хуже этих Аничковых? Ведь ты очень красивая! Расскажи нам о бабке и о Кирилле, – с нажимом потребовала Анисья. Она никогда не называла его папой. – И почему он так поступил – в Обводном канале? Ведь никто не имеет права сам уходить из жизни! Я ничего не понимаю!

– Думаешь, я понимаю, анчутка? – насупилась Катя. – У него было всё, что нужно для счастья, но он не хотел жить. Он мечтал о другой стране, других детях, другом уровне достатка! Он оказался слабым человеком и ничего изменить не мог. Он надеялся на чудо, и в том, что оно не происходит,

винил меня. Наконец, понял, что его фантазии никогда не осуществляются. Вспылил и выразил миру свой протест! Ду- мал, на дне канала его душеньке станет легче.

– Кирюшка – слабый?! – с возмущением перебила ее Ани- сья. – Разве он не был монстром?

– Только с нами. В семье быть монстром проще всего, ан- чутки. – Катерина почувствовала, как от слез защипало в но- су и поспешила отвлечься. – Это старая притча. После ре- волюции прадед Кирилл подался в Баварию, а потом пере- бирался то в Голштинию, то в Саксонию. Германия в трид- цатых годах процветала. Дела дедушки пошли в гору. Он разбогател, переселился в Бельгию и составил хитрое заве- щание для далеких потомков. «Мне грустно оттого, – гово- рил он, – что мои правнуки, – четвероюродные, пятиюрод- ные братья, – станут друг другу чужими людьми, их дороги разойдутся в разные стороны. Между тем, для меня эти юно- ши будущего одинаково драгоценны. Пусть их свяжет общее дело!

И вот, прошло много десятилетий. Сменились поколе- ния, родились правнуки. Иногда Кирилл с досадой рассуж- дал о процветающем семейном бизнесе в Антверпене, кото- рым управляли троюродные братья и их сыновья. Говорил напыщенно, туманно, и я не разобралась, что это за бизнес. Знаю только, что, роди я сына, Кирилл получил бы долю на- следства и купил бы свой магазин. У нас появился бы соб- ственный бизнес. Он мечтал об этом. Обожал антиквариат.

Но разве финансовая неудача – это повод для суицида, анчутки?

– Значит, бизнес важнее семьи? И ты тоже надеялась на наследство, мама? Иначе не рожала бы детей? – испуганно прошептала Аня.

– Не знаю. Я хотела, чтобы ваш отец был счастлив со мной. Катя всхлипнула. – Он любил меня и хотел жить только со мной. Ведь он не завел сына от другой женщины, хотя мог бы.

– Но вы с ним не были счастливы, так зачем вместе мучились? – Анисья в упор смотрела на мать, будто допрашивала ее.

Катерина утирала катившиеся по щекам слезы:

– Любовь не обязательно приносит счастье, анчутка. Гораздо чаще это – страдание, неизбывное. Уйти – вовсе не решение проблемы. Как говорила бабушка:

«Море высохло и небо в лето засухи великой, в год огня, мучений полный. Нет уж проку речкой литься, или бить ключом болотным... Смирно стой, не извивайся, да зажми покрепче раны.»

Я не смогла дать вашему отцу, анчутки, ни подлинной любви, как в книжках, ни сына, ни богатства. И какой-то неведомый дух, по имени Айталына, утащил его на дно Обводного канала!

Вскоре Катя вновь устроилась работать медсестрой в част-

ную клинику, вылечила зубы и через несколько лет вышла замуж за химика Максима Ивановича. Новый муж, темноволосый, с проседью, очень полный, был значительно старше Кати. Достаточно состоятельный, он все же не имел жилья и поселился в квартире Голубятниковых.

– Ну, маман, – ворчала Анисьюшка, – тебе лень или ты боишься поискать молодого красивого принца. Гораздо проще понравиться бездомному пенсионеру. Когда ты, наконец, поумнеешь?

– Да какому принцу я теперь нужна, анчутка? – резко бросила мать. – Все они, небось, думают так же, как твоя спесивая бабка:

«Уходи ты прочь, чухонка, ты, презренная, подальше! На утес, в жилище медвежье, к лешему в его пещеру. На пожоги, в лес сосновый...»

– Ты не права, – упорствовала дочь. – Я видела: часто женщины с детьми, намного старше тебя, к тому же зловердные и страшные, находят обаятельных молодых мужей.

Но Катерина уверенно заявила:

– Не хочу никого другого, анчутки! Я буду любить Максима! Он – герой мой драгоценный, он – мой ясный свет в оконце.

Сестрам пришлось смириться.

Отчим был добр к девочкам и помогал им с учебой. Теперь с лица Кати не сходила улыбка. Мать сверкала новыми белыми зубами, ни на кого не кричала, примеряла новые на-

ряды, и сердца дочерей постепенно оттаяли. Однако сестры остро чувствовали: они не родные Максиму. У отчима была тридцатилетняя дочь, которая недавно родила ему внука, и часто подкидывала ребенка дедушке. Тот расплывался в умильных улыбках и никогда ей не отказывал.

Тридцатишестилетняя Катя раздраженно фыркала и долго выговаривала мужу:

– Но ведь ты несешь его мне! А причем тут я?! Нашли бабулю! Снова я, краса-девица, угодила в сети злые! Отпусти меня отсюда, или крышу разломаю, вырву бороду седую, стекла разобью в осколки! Мужчина с дедовским сознанием не имеет права жить с молодой красоткой!

– А я тебе что говорила? – хихикала из-за двери Анисья.

– Тише, мой ангелочек, – отвечал Максим жене. – Ты – моя самая главная, самая любимая малышка.

Аннушка затыкала уши. Ей никто, никогда не говорил этих нежных и очень желанных слов.

– Я не могу, не имею права любезничать с тобой, – запросто объяснил Ане отчим. – Потому что, едва мы с тобой не поладим из-за какой-нибудь мелочи, ты тут же объявишь меня педофилом. Это у вас, юных девушек, вошло в моду. А я дорожу своей семьей и своей профессией.

Ане ничего подобного не приходило в голову. Она изумленно выслушала отчима, а потом, усевшись удобнее в кресле, попросила рассказать ей истории про педофилов. Максим наморщил лоб, роясь в памяти:

– В жизни я не встречал настоящих насильников, зато лично знаю честных мужчин, которых оболгали ученицы и падчерицы.

Аня слушала с любопытством, в то же время понимая, что возможность отцовской любви исключена для нее навсегда.

Между тем, Анисья была одержима идеей поиска антверпенских родственников, и к всеобщему удивлению, добилась желаемого. Вскоре эта бойкая, высокая девушка с пушистыми светлыми волосами обаяла одного из своих четвероюродных братьев и вышла за него замуж. Не по любви, а в пику покойному родителю.

– Зачем нужна любовь? Посмотри на мать, – грубо объяснила она Аннушке, расстроенной поступком сестры.

Та со слезами бросилась ей на шею:

– Не уезжай! Без любви тебе будет плохо! Я чувствую: ты сгинеешь в этом Антверепене!

Но Анисья с раздражением высвободилась из сестринских объятий:

– Ах, отстань, глупышка! Ничего ты в жизни не понимаешь!

Нахохлившись, горестным взглядом наблюдала Аня за последними сборами одетой в джинсовый костюмчик сестры, и отчего-то прощалась с ней навсегда.

Анисьюшка встряхнула ее за плечи:

– Немедленно улыбнись! Сестричка выходит замуж за

мужчину мечты, а ты ноешь!

Анюта обиженно отвернулась к окну:

– Это – не твоя мечта, а Кирюшкина! И я боюсь, что ты закончишь так же паршиво, как он!

Сестры не сумели расстаться по-доброму.

Пришло такси, Анисья махнула на ворчавшую Аню рукой, и та не пошла ее провожать.

Катерина отнеслась к отъезду дочери философски, и сказала ей на прощанье:

– Обоснуйся в Антверпене по-хозяйски, анчутка, и скорее зови меня поглядеть, что там за чудо великое. Из-за чего твой отец мучил нас, и мучился сам.

Затем, чтобы развеселить заплаканную Аннушку, она достала с антресолей коробку старых игрушек, и отыскала там костяную заколку:

– Примерь, я носила ее в лучшие дни моей жизни, когда твой отец обожал меня. Она вырезана из кости настоящего мамонта! Кирилл привез ее из Якутии и подарил мне, когда мы начали встречаться!

Аня слушала удивленно, подперев пальцем щечку, и не узнавала в рассказе матери своих родителей.

– Что Кирюшка делал в Якутии? – вскричала она.

– Как что? Добывал из вечной мерзлоты мамонта. – Катерина равнодушно пожала плечами.

Анюта недоверчиво округлила глаза: – Ты заливаешь, ма! Не верю! Он был такой. Скучный! Унылый. Он никогда, ни-

куда не хотел! Кроме Антверпена и своего магазина. Какие мамонты? Якутия чересчур далеко – почти в другом мире! Там непроходимые леса и мощные непокорные реки! Там климат суровый. И нет поездов. Нужно быть сорвиголовой, чтобы забраться туда!

– Я не думала об этом, – озадаченно взглянула на дочь Катерина. – Я знала, что до меня он пускался в экспедиции. Что там у него бурлила яркая жизнь, как у всех бывает вдали от дома. Я тогда поразмыслила: «Ну и что? Мужчины в юности много чудят». Якутия осталась в прошлом, и я не придавала ей значения. Я не спрашивала, Кирилл не рассказывал. Я была в Питере новичком! Меня привлекали театры, кино, дискотеки, концерты! Я бегала по улицам, мощным булыжником, и в восторге кричала себе: «Я в Питере, ура! Я в Питере, я в Питере!» Мне казалось: поселиться здесь – это все равно, что переехать в Париж! Жизнь удалась! Потвоему, охота мне было слушать про чужую тайгу, когда я сама рванула в мегаполис из леса? Когда со мной рядом шел царственный красавец, владелец большой квартиры, и лопотал что-то про архитекторов, про увлечения Петра Первого резьбой? Ха-ха!

Вспомнив далекое прошлое, Катя неожиданно рассмеялась, чем сильно тронула Аннушку, та еще не слышала ни смеха матери, ни ее откровений. Родительница никогда не бывала веселой.

Аня под села ближе к маме на привычное с детства бар-

хатное кресло, отдававшее затхлостью, и приобняла ее:

– Ты, утонченная петербурженка, прикатила сюда из леса. А Кирилл – черствый, жестокосердный грубиян – потомок знатных династий. Как все это странно, ма...

– Что странного? – горделиво повела плечом Катерина. – Копии этого кресла есть разве что в старых театрах. Или по-ди погляди в Эрмитаже. Позови в гости каких-нибудь модных однокурсниц, усади сюда, и понаблюдай, какие у них будут лица. А я была наивной деревенской девчонкой! Конечно же, я жутко влюбилась! Этот молодой антиквар притворился обходительным и показался мне идеалом мужчины! Он был окружен шикарными, невиданными мной вещами. Хотя и старыми! Он обратил на меня внимание, всюду ходил со мной и по воскресеньям дарил цветы. Он сидел рядом со мной в роскошной ложе Александринки. И счастье вознесло меня на седьмое небо!

Катерина, кокетливо вертясь перед зеркалом в плетеных золоченых завитушках, вдруг понизила голос:

– Между прочим, эта мамонтовая заколка была на мне в час твоего зачатия! О, я никогда не забуду ту звездную ночь! И пионы у изголовья!

Недоверчиво ёжась, Анюта рассматривала изысканную резьбу. Мать беззаботным движением выхватила костяное украшение из рук и прикрепила на волосы дочери:

– Пусть эта рыбчатая вещица станет твоим талисманом! Ведь она – свидетель моего счастья. Ты – дитя любви, анчут-

ка! Хорошенько запомни это. А всё, что случилось потом, – уже неважно.

– Легко сказать, – мрачно прошептала Аня. Слезы навернулись ей на глаза. – И все же спасибо, мама, за добрую романтическую сказку.

Она не поверила в былую любовь родителей, но с тех пор носила с собой костяную заколку в память о Катином смехе и о случайной капле святого материнского тепла.

Богатств молодоженам фон Якобс не досталось: современный бизнес был уже невелик, и обеспечивал лишь скромную, без излишеств, жизнь. Анисье пришлось по вкусу Бельгия, возможность не учиться и старая, богато отделанная квартира. Она не собиралась возвращаться на родину, однако матери поведала: «Ничего тут особенного нет. Такого, что стоило бы жены, дочерей и жизни!» После этого разговора Катерина весь вечер надменно качала головой и, рассказывая по дому, восклицала:

– Ну и дурень ты, Кирилл, сущий анчутка! Вот так дурень! Затем она расшвыряла оставшиеся после него старинные стулья с гнутыми спинками и сердито пинала их ногами, в каждый удар вкладывая остатки застарелой боли. Максим на это время укрылся в кухне и предусмотрительно готовил ее любимый ягодный торт. Утром он убрал из квартиры на улице Савушкина все вещи, напоминавшие Кате о бывшем муже.

Юные супруги фон Якобс часто ссорились, но не расставались. Вскоре они попали в аварию и погибли.

Катерина восприняла страшную весть легко, словно не поверила в случившееся. На ее лице появилось неестественное выражение: смесь удивления, раздражения и облегчения. С хладнокровием профессиональной плакальщицы она устроила поездку в Антверпен себе и оставшейся дочке. Аннушка не запомнила Европы: глубокое, неохватное горе затмило и Бельгию, и ее людей.

– Гляди, анчутка, это же замок Стэн, где творил картины Рубенс! – восклицала Катерина, выглядывая из окна такси. – А вон – замок норманнов!

Но Аня лишь закрывала лицо руками.

В квартире сестры она коснулась ее вещей и разрыдалась. Ее трясло, даже крики матери не заставили ее замолчать. Боль закрыла весь мир черной пеленой. Уткнувшись в алую блузку сестры, Анна вдыхала запах родного тела и благоухания незнакомых цветочных духов и кричала в голос: «Анисья, Анисьюшка, ты здесь!»

Перепуганная Катерина выбежала на улицу, взывая к встречным:

– У меня мороз по коже от воплей этой анчутки!

Но бельгийцы не понимали русскую речь. Соседи, слыша причитания Аннушки, сочувственно жали руки ее молодой матери и объясняли друг другу: «У близняшек особая связь!»

Они не могут жить друг без друга. Бедная девочка! Как ей вынести такую потерю? Ей нужна помощь психолога!»

Не приведя Аню в чувство, мать поехала на похороны одна. Она предвзято отнеслась к заграничным родственникам Кирилла и общего языка с ними не нашла. Больше ни она, ни Анна в Бельгию не летали.

Видеть могилу сестры девушка не желала. «При взгляде на нее я тоже умру, немедленно!» – восклицала она, и щеки ее краснели. Помня истерику дочери и врачей «Скорой помощи», Катерина старалась не заговаривать с Аней о кладбище.

Русалка, а не амазонка

Прошло десять лет со времени смерти сестры. Вместо того, чтобы стать взрослой рассудительной женщиной, драчунья, потерявшая половину себя, превратилась в растерянный, слабый цветок без возраста. Она не имела друзей, отношения с матерью не складывались. Теперь девушка снимала однокомнатную квартиру недалеко от клуба «Галактика» на краю большого парка, у заросшего озерца.

«Я – русалка, а не амазонка, и, конечно же, не анчутка, – фантазировала она на диване. – Я обитаю в уютном домике из ракушек, наблюдаю за миром со стороны и стараюсь, чтобы он значил для меня не больше, чем кинофильм. Невозможно жить среди вечных страхов и подозрений. Мне нужны доверие, забота и нежность. Я погибаю без них. Но я бегу от людей, как доведенный до отчаяния ребёнок. Не оглядываясь, как из страшного плена, с одной лишь мыслью: быть дальше. Наконец, я на дне водоема! Захожу в тихое убежище, обо всём забывая. Я – дитя воды. А над водой, как всегда, пожар. Шум, суета, война. Я боюсь огня и никогда не сумею его полюбить. Война никогда не кончится: мир людей не существует без нее. Но я прячусь за тёплыми и толстыми стенами из ракушек. Здесь меня никто не обидит...»

Родственная взаимность

Катерина и Максим согласно жили вдвоем и участвовали в жизни Аннушки лишь формально по телефону. Аня была серьезной девушкой: окончила университет, нашла недурно оплачиваемую работу, волноваться за нее казалось излишним. Внуков от нее не требовали и по поводу замужества не докучали: молодая Катерина шарахалась от звания бабушки, а ее новый муж давно уже сделался дедом.

«Нет на свете людей, которые были бы более мне чужды, чем они», – грустила Анна. Ей нестерпимо хотелось общаться с близким по крови человеком, и она попыталась возобновить отношения с бабушкой по отцу. В молодости старушка была горда и самонадеянна, но теперь у нее не осталось ни мужей, ни детей, ни внуков, кроме Ани. Увлечения театром и модой ушли в прошлое, оставив пустоту.

– Ты пришла ради квартиры? – насмешливо хмыкнула она, увидев на пороге красивую, нарядную внучку. – Напрасно. Я уже завещала ее. Не тебе. Завещаю, кому хочу. Но это все ерунда, потому что на тот свет я не собираюсь.

– Просто мне беспокойно, – пожалала плечами Аннушка, притворяясь, будто слова старухи нисколько ее не задели. Но, натолкнувшись на ледяной, недоверчивый взгляд, расплакалась:

– Мне одиноко, ба. К кому мне еще идти?

– Значит, ты не ладишь с ведьмой Катюхой. Это понятно. Ладно, входи, – снизошла старуха, плотнее запахивая длинную вязаную кофту.

Она была схожа с покойным сыном и внешне, и характером. Пройдя в захламленную комнату, заворчала:

– Зачем Киря женился на твоей полоумной дикарке-маше? Это она довела его до смерти! Такой красавец был мой сыночек, такой умница! Вот, посмотри.

Она достала из полированной тумбочки фотографии и поцеловала их. Однако Аня не заметила на морщинистом лице никаких чувств, кроме самодовольства. Так же, как много лет назад.

...Бабуля была моложава, модна, жизнерадостна, и походила на маму Аннушки и Анисьи. Она красиво шагала на каблуках, в ярком коротком платье по городским паркам, крепко держа за руки хорошеньких, похожих на нее девочек, и говорила: «Мои славные куколки!» Бабушка любила привлекать внимание, ей льстили комплименты со стороны. На людях она гордилась Анной, но вот парадокс: заботясь о пище, одежде и опрятности малышки, никогда не интересовалась ее переживаниями, по-взрослому шутила над ней и говорила колкости. Характер бабули был не из легких, и дальновидностью она не отличалась. Аннушка не понимала ее поступков так же, как и родительских. Старалась отвлекаться, не принимать близко к сердцу горькие слова близкого человека, которые казались ударами в спину. Девочка за-

мыкалась, чувствуя вселенское одиночество, которое постепенно перерождалось в боязнь людей и гордое отшельничество. Тем не менее, жила Аня с виду благополучно, и на фоне ровесников не имела права ни на что жаловаться. Ее появление на свет усложнило жизнь близким, однако они на произвол судьбы Аннушку не бросали, кормили, учили, иногда дарили подарки. Только эмоциям доброй отзывчивой девочки не было ни выхода, ни ответа, и она научилась держать их в себе, не разделяя даже с сестрой Анисьей.

Минуло много лет.

Море сложностей преодолела Аннушка в одиночку, кое-как приспособилась выживать. Теперь у бабушки болели суставы и она редко покидала дом, ходила лишь в магазин. Аня принялась навещать ее, но духовной близости, о которой мечталось, она так и не получила. Бабуля осталась равнодушна к внучке, а та при взгляде на нее вспоминала досадные мелочи своего детства.

Обнаружив перераспределение сил из-за немощи старухи, Аня осознала возможность отомстить ей за давние слезы. И содрогнулась от собственных мыслей. Она лишь про себя выговорила бабке: «Каждого, даже самого грозного, гордого, самоуверенного человека рано или поздно раздавит время! Люди бездумно обижают детей, забывая о том, что однажды поменяются с ними местами, попадут в зависимость от них и будут надеяться лишь на гуманность молодых и сильных. На то, что те окажутся духовно выше и мудрее старших». Де-

вушка не лелеяла обид и не злилась, только забыть о детских ранах у нее не получалось. В те дни Анчутка не чувствовала любви – ни к бабуле, ни к кому бы то ни было на Земле. В нее словно забыли при рождении вложить этот дар, заменив холодным чувством долга. Даже увлечение женщиной казалось ей только жаждой заполнить душевную пустоту.

Девушка с удовольствием следила, чтобы старушка была сыта, пострижена и помыта, надевала чистые футболки и не рваные носки. Ане было приятно помнить и рассказывать коллегам о том, что у нее есть бабушка – коренная петербурженка с объемным сундучком наград, исторических фотографий и почетных грамот советского времени. А что та переживала, уже не волновало внуку: «Какая разница, о чем бабка вспоминает, глядя прямо перед собой в пространство?» Аня не находила ни сочувствия, ни интереса к полному приключений прошлому этой непростой личности. И, если бабуля начинала о чем-то рассказывать, слова пролетали мимо ее ушей. «Пока люди живы, ничего не поздно исправить», – упрямо повторяла себе Аня, но ее душа не открывалась бабушке. От собственного равнодушия наворачивались слезы. Чтобы привнести в отношения красоты, Аня дарила старушке цветы и ставила в церкви свечи за ее здоровье. Маленькие огоньки дрожали в полутьме, напоминая промелькнувшие годы. Порой в одном из них Ане мерещилось молодое бабушкино лицо, и хотелось протянуть ей навстречу руки.

В один из грустных совместных вечеров Аня заметила фотографию у бабкиного зеркала, и не поверила своим глазам: счастливый, молодой, широко улыбающийся Кирилл Голубятников стоял на фоне поросших елями гор и широкой, незнакомой реки. Он был в походном камуфляже и болотных сапогах, на руках держал маленькую смуглую девочку.

– Это как понимать? – воскликнула Аня, схватив пожелтевшую карточку. – Что это?

– Твоя сестра из Якутии, – без обиняков заявила старушка.

Аня, наморщив лоб, смешно потерла руками глаза:

– Да ну, это невозможно!

– Ааа, вот и интерес к семье появился! – ехидно хихикнула бабушка, но тут же тяжело вздохнула. – Помотало моего Кирюшу по свету! Непоседливый был и веселый, точно молодой Петр. Мир хотел изменить, стране помочь и семью прославить. Но сошелся в тайге с коварной якуткой! И родилась эта раскосая девчонка! А он древности искал, но потом, наивный мальчишка, шаманскому колдовству начал учиться. Поднимался со старцем на горный хребет Джокую для посвящения. Рассказывал, что, стараясь не скатиться вниз, мало слушал старца: уступы скал были слишком узкими. А шаман показывал ученикам дороги, ведущие к истокам человеческих болезней. Нужно было внимать! Не каждый, кто с ним пошел, стал шаманом. И Кирюша не смог... С

тех пор его будто сглазили. Вернулся домой опустошенным, сдержанным, хмурым. Стал бредить богатством предков. И уж ничто, кроме антикварных костяшек и бизнеса прадеда, который он намеревался продать, его не занимало. Странно, не правда ли? Раньше я винила твою мать в его смерти, но дело не только в ней.

– А я вовсе не помню его таким, как на фото! Он здесь открытый, веселый и добрый! – воскликнула Анна.

– Когда ты родилась, он изменился, словно умом тронулся, – доверительно шепнула старуха. – Он уже не был собой. Кирюше понадобился сын, чтобы унаследовать бизнес и обменять его на старинную коллекцию костяных вещиц, от которых он сходил с ума.

– А сестра? – Аня в нетерпении перебила бабушку: семейные разговоры о бизнесе набили оскомину. – Где сестра, как ее найти?

– Ооо, голубка, где же нынче ее найдешь! Знаю только, что зовут ее Милана. А фамилию и населенный пункт один ветер тебе подскажет.

Аннушка пришла в смятение. Где-то под солнцем жила ее кровная сестра, почти ровесница, но они до сих пор не виделись! Захотелось обнять эту девушку и никогда с ней не расставаться.

– Да уймись ты, – прикрикнула бабушка. – Может, эта лялька давно померла в лесу от аппендицита. Мы никогда не узнаем!

Аня гневно сверлила взглядом бессердечную старуху:

– Почему ты не взяла ее к себе?

– Еще чего! – расхохоталась та. – Мало мне здесь болотных лягушек, надо было еще раскосую ведьму в дом притащить? В своем ли ты уме, анчутка?

– Так, может, это ты заставила Кирилла вернуться? Узнав о его первой семье?

– Не без этого! – С вызовом бросила бабка. – Пришлось сходить в партию и в милицию. Уличить сына в аморальном поведении. Пригрозить лишением наследства, высылкой с Родины. В то время эти рычаги еще действовали, и всё получилось! Он не смог воспротивиться.

– Но ведь это был твой родненький сын! Счастливый, благополучный парень! Как ты могла? И ради чего? – Аня обесилена плюхнулась в кресло. – Теперь, однако, многое проясняется. Должно быть, Кирилл никогда не любил мою мать. Он жил по инерции, потеряв в жизни смысл и сходя потихоньку с ума. Слабый, сломанный тип!

Бабушка презрительно сплюнула:

– Тебе безразлична чистота крови. А мне – нет.

Аня сердилась, но старалась сдержаться.

– Странно, – съязвила она, – ведь в Советском Союзе всех русских учили с уважением и любовью относиться к подшефным народам!

– Расскажи это своим внукам! – громогласно изрекла старушка.

– Ба, раз уж такой разговор, объясни: зачем тебе этот пафос с происхождением? – в недоумении брякнула Анна. – Тривиальное бахвальство! Пошлость от нечего делать! Ведь ты сама вышла замуж за Голубятникова, а не Оболенского.

– Это – не пошлость и не пафос, а обоснованная традиция, – жестко оборвала ее бабушка. – По крови передаются сила интеллекта и порода, как бы людям ни хотелось с этим поспорить. Мой муж, дорогуша, по матери был фон Якобс! Гордись этим и ты, болотная лягушка! Тебе многое передано от нас, не то, что твоей таёжной сестрице. Забудь о ней! Гуляй по старому Петербургу и думай, что это по праву твой город! – И добавила миролюбиво. – И иди уже, наконец, отсюда! Нечего тебе, красавице, сидеть со старухой. Не куксись! Будь, как я в молодости. Танцуй, смотри спектакли, лови женихов – да не кого попало, а чтобы с происхождением. Всякие туземцы только и ждут, как бы им настоящую барышню изловить. Ишь, чего захотели. А мы с тобой, когда видимся, только расстраиваемся, право слово! Так что проваливай, да звони мне иногда! Ну, кыш! Я сама постираю носки.

Аня, сунув украдкой в сумочку фотографию молодого Кирилла и маленькой девочки, чмокнула морщинистую щеку, закрыла за собой дверь, и с облегчением перевела дыхание: бабушка разрубила мучительный узел их отношений, оставив, однако, иллюзорную ниточку родственной связи. Пусть на словах, но она признала внучку равной себе, и фа-

мильная заноза, с детства сидевшая в сердце девушки, вдруг растворилась и начала изглаживаться из памяти.

Неясной оставалась судьба внезапно обретенной сестры. Якутка показалась Анюте ниспосланным с неба ангелом в час ее разрыва с семьей. И она обещала себе, что когда-нибудь непременно отыщет неведомую Милану: «Время поможет...»

Ужас из прошлого

Кирилл часто являлся Ане во сне. Чудилось, он вновь презрительно глядит на нее, говорит неприятные слова. Просыпаясь, девушка вспоминала, что он умер целую жизнь назад, но угрюмое настроение сохранялось весь день. Даже находясь в постели с любимым мужчиной, Аня ощущала на себе тяжелый, осуждающий взгляд утопленника. Становилось холодно, словно белесый призрак тянул ее за собой в ледяную бездну. Она кричала во сне: «Почему?! Почему ты не любил меня, и не хочешь, чтобы меня полюбил кто-то другой? Почему ты упорно считаешь, что меня не должно быть на свете, даже если твоего вождя бельгийского бизнеса уже нет?» Аня рыдала, а красавец-латыш Друвис говорил, нежно обнимая ее за плечи:

– Малыш, твой отец, да, отец, не бойся этого слова, был нездоров, а может быть, доведен до сумасшествия. Не надо копаться в прошлом. Просто забудь его выходки, и думай о радостях! Все твои печали давно прошли! Ты была ему не нужна? Ну и пусть! Зато ты нужна мне! Я счастлив, что у него родилась именно ты, а не какой-нибудь мальчик! Я очень люблю тебя. И всегда буду рядом.

Стылый ужас сменялся в сердце Аннушки блаженством. «Мой Друвис потрясающий, – думала она. – Не знаю, почему он со мной. Не знаю, достаточно ли я хороша. Но, если я

делаю его счастливым, такая, как есть... То это всё, чем я хочу быть на свете».

Друвис предложил заказать молебен о душе ее отца:

– Тогда Кирилл не будет являться тебе.

Аня недовольно поморщилась:

– Я не хочу за него молиться!

Но Друвис терпеливо объяснил:

– В этом вся суть! Молиться нужно за всех, за ненавидящих и обижающих тебя, за любых кровопийц и врагов. Тогда они не причинят тебе зла.

И действительно, больше Кирилл своей младшей дочке не снился.

До знакомства с Друвисом несколько симпатичных мужчин пытались завоевать ее сердце и с каждым из них, так получилось, она была в близких отношениях. Одновременно. Она не знала, кого из них выбрать. В душе Аня оставалась зажатой и недоверчивой, а роль обманщицы вызывала стыд. «Я одна, а их всегда несколько – глядящих с нежностью, волнующих сердце и дающих надежду на доверительные отношения. – То, чего мне с младенчества не хватало, – думала она. – Я беру то, что мне нужно. В чем же моя вина?» Аня боялась потерять иллюзорную поддержку извне, и была не в состоянии замкнуться на одном обожателе. С детства познав, как непредсказуемы близкие люди, она не могла никому довериться до конца. Успокаивало девушку лишь присут-

ствие «запасных вариантов». Когда кто-нибудь разочаровывал или уходил в тень, это не воспринималось ей настолько болезненно, будь он один. Чаще всего Аня лишь облегченно вздыхала. Её мужчины не догадывались о соперниках. Она ловко привирала, никогда не путалась в мелочах, и, что главное для лгуни – обладала наивным, вызывавшим доверие личиком и буйным темпераментом.

Первая близость всегда случалась помимо воли Аннушки. Она подвергалась такому страстно-любовному напору, что ей оставалось лишь сдаться. Аня мечтала хранить верность единственному избраннику, – с незаурядным умом и глубокой душой, красивому и сильному, способному любить и доставлять ей волшебные ощущения. Но мужчины, что оказывались на ее пьедестале, очень быстро оттуда спускались. И Аннушка радовалась, что недолго была с ними искренна, не уехала на край света и не родила им детей. Наконец, ее захватил в свой плен красавец Друвис, «латышский папа», и всё изменилось: «запасные» канули в лету.

Часть 2

Латышский папа

Выезжая на природу, Анчутка в свои двадцать «с хвостом» становилась резвой и румяной, словно пятнадцатилетняя нимфа. Она бегала вприпрыжку, по-мальчишески гоняла на велосипеде. Летом, шестого июля, Аннушка отправилась в загородный пансионат, чтобы отдохнуть от людей и пошалить: сплести венок из папоротника и попрыгать ночью через костер. Немного поспав после игрищ Ивана Купала, она двинулась на велосипеде в сторону озера. На руле покачивался тяжелый венок из трав, цветов и березовых прутьев.

Лесной заказник был пуст. Небо затянулось тучами, но сквозь них проглядывало жгучее солнце. Анчутка нырнула в теплую, настоящую на травах воду, напоминавшую колдовское зелье, и танцевала, растворяясь в блаженном единении с природой. «О, космос! О, высшие силы! Святой Иван! – умоляла она. – Подарите мне большую любовь, о какой поют в песнях и пишут в книгах!»

Вокруг шумел хвойный лес. У берегов золотился мягкий песок. Плескаясь в темных, нагретых солнцем волнах, Анна обернулась, проверяя, на месте ли вещи. У входа в купальню, на спускавшихся в воду корнях огромной сосны стоял высокий, не молодой, но удивительно красивый человек, и с

интересом наблюдал за Анчуткой. Большие, пронзительные голубые глаза светились, показалось ей, неземным светом, словно физическая красота выражала душевную.

«Неужели Иван услышал зов и выдумал для меня сказку волшебного озера?» – улыбнулась она и поплыла к берегу. Пришелец не уходил и продолжал неотрывно глядеть на неё. «Хорошо, что я надела купальник», – мелькнула мысль. Обычно она этого не делала, чтобы не сушить его и не возиться с переодеванием. Смущенно придерживая на себе маленькие розовые лоскуты, скрепленные тонкими черными шнурами, Анчутка выбралась к подножию той же сосны и остановилась, прислонившись к неохватному смолисто-му стволу. Затем принялась рассматривать лицо незнакомца, синие с темной радужкой глаза.

– Как вода? – мягким голосом спросил он.

– Искувайтесь, не пожалеете, – пожала плечами Аня, устраиваясь на толстых корнях и подставляя мокрую кожу солнцу.

Мужчина зашел в воду и, улыбаясь, остановился перед ней.

– Угадайте, кто я... И что здесь делаю, – вкрадчиво предложил он.

– У вас интересная профессия. И неподалеку дача, – сказала Анчутка первое, что пришло на ум.

Он был одет в модные бежевые шорты, важно запрокидывал голову и напоминал художника, либо архитектора. Толь-

ко состоятельные люди и их наследники имели дачи в роскошных питерских пригородах. Кто еще мог оказаться на озере в восемь утра?

– Я похож на человека, у которого может быть дача?

– Да. Бомжей здесь нет, заказник полиция патрулирует.

– Я – не местный житель.

Анчутке захотелось испытать свою проницательность, она много общалась с людьми и редко ошибалась в таких вопросах.

– У вас идеальное произношение, значит, вы из большого города. И это не юг. Не Москва, не Мурманск. Может быть, Новгород? Или Южно-Сахалинск?

«Прибалтика, – подсказывала интуиция. – Взгляни на его стойкий светлый загар, благородное изящество крупной, складной фигуры и направленные вниз уголки глаз». Но Аня отринула эту версию: «Слишком правильный русский язык».

Позднее Друвис рассказал, что в детстве дружил с русским мальчиком, мать которого работала в библиотеке, что до окончания школы слышал классическую русскую речь и читал русские книги.

Дождавшись, когда Аннушка начнёт сгорать от нетерпения, пришелец весело произнес: «Спасибо! Мне были приятны ваши слова. Я строитель, ремонтирую квартиры. Этим летом – в Питере. Приехал на первой электричке посмотреть могилу Анны Ахматовой. А живу я на окраине Риги».

– Не верю! – воскликнула Аня. – Какая ваша предыдущая

профессия?

– Академий не заканчивал!

Анчутка до сих пор не встречала строителей, обладавших бездонными глазами сказочников-философов и породистой, ангельской красотой, и попыталась разгадать причину несоответствия.

– Вы тайно пишете в стол? Литература, музыка, живопись? Или ваша мать – преподаватель? А может, вы были актером?

– Ничего подобного, клянусь, – рассмеялся он. – Я работаю в разных странах – Франции, Германии, Бельгии. Подолгу не бываю дома.

Не отставая, он шел следом. Аня собиралась провести выходные в уединении, но поймала себя на мысли, что ей все не мешает незванный компаньон. Они долго беседовали, гуляя по лесу, а потом сидя возле озера на скамье.

– Первой из моих дочерей двадцать восемь, – поделился пришелец. – Я уже древний. Не спрашивай о возрасте.

«Оу, его дочка старше меня», – вновь удивилась Аня, и задумалась. «Сколько же ему, в самом деле? Сорок шесть? Пятьдесят? Шестьдесят? Оказывается, некоторые люди даже в зрелые годы затмевают всех красотой!» Ей, не любившей рисование, вдруг захотелось написать портрет. «Когда у людей кончаются слова восхищения, начинается движение кистью...» Анчутка сравнивала оттенки растений и переливов воды, подбирая их сочетания к загорелой коже Друзиса.

Беспечно прищуриваясь, примеряла тона неба и туч к сияющей глубине его глаз. Внезапно он уселся позади Ани на скамью и порывисто обнял за талию, прижавшись щекой к щеке девушки – сквозь капюшон ее красной куртки:

– Замерз, можно погреться об тебя?

Аня еще могла вырваться, оттолкнуть его... Сказать, что сейчас её обнимать нельзя: ведь, умоляя Купалу подарить ей любимого мужчину, она не имела ввиду связь с первым встречным на лесной поляне. Но теплые, ласковые и робкие объятия Друвиса показались Аннушке чрезвычайно приятными. Не решаясь ничего предпринять, она замерла в замешательстве. Изнутри растекалась по телу жаркая волна, заливая румянцем щеки. Страстные излучения тел быстро проникали друг в друга и сплетались, словно корни лесных деревьев. Сильные руки сжимали Анчутку все крепче, и она, постепенно забываясь, тихо гладила голое колено Друвиса. Моросил дождь и они промокли. Аннушка предложила пойти сушиться в пансионат.

В скромном номере не было кресел, пришлось вдвоем сесть на неубранную с утра постель.

На трельяже висел венок из папоротника, выюнков и ромашек, многократно повторяясь в зеркалах. В том же зеркальном коридоре отражался необыкновенный пришелец. Он обернул нагой торс одеялом и развесил одежду на электрической батарее.

Ощущая накалявшуюся страсть, а значит, опасность, Ан-

чутка раздеваться не стала, и, как была, в мокрых джинсах, укрылась среди подушек и пледов. Однако головы неотвратимо сближались, руки, независимо от велений разума, тянулись друг к другу, и жаждущие губы встретились.

– Тебе еще долго жить, а мне – совсем мало, – проронил Друвис. – У нас почти нет времени, поэтому можно всё.

Цветная карусель понесла Аннушку к небесам. Но, когда упали на пол одеяла, она запротестовала:

– Нет, нет, не согласна.

Пришелец не разомкнул объятий, и мягко проговорил:

– Я всё же попробую тебя убедить.

Сопrotивляться божественным ласкам не хотелось. Ведь именно ласки, безбрежной и неподдельной, ей не хватало всю жизнь. Внезапно ощутив сладкие судороги, Аня едва не заплакала от нахлынувшей нежности и прониклась доверием к незнакомцу:

– В другой раз будет всё остальное...

Но Друвис уже не слушал девушку: она лежала перед ним почти без сознания.

– Кому это надо, – в нетерпении произнес он, – откладывать прекрасное на потом! В другой раз будет еще лучше.

И Аня пережила полный ужаса момент первого слияния двух начал. Почти насилие. Но, ощутив внутри неистово волнующий огромный предмет, забыла о сломленной воле.

– Я – не маньяк, – прошептал пришелец, – просто очень хочется твоей любви.

Аня зажмурилась. «Я желала лишь нежности и душевной ласки, а очутилась в роли доступной женщины. Почему? Видимо, иначе общаться с мужчинами невозможно, как бы того ни хотелось».

Осторожные движения Друвиса встречали в теле Анчутки бурные отклики. Она вся превратилась в блаженно пульсирующий нерв.

Возвращаясь в сознание, она вновь и вновь натыкалась на светящийся, будто всевидящий взгляд голубых глаз, ласкавший скрытые глубины её души. Два чужих человека неожиданно стали родными.

– Так не бывает. – Восторг и слёзы обескуражили Аню.

Друвис умиротворенно улыбнулся:

– Как видишь, бывает. И добавил по-отечески уверенно:

– Не бойся, наша жизнь потечет чудесно. Я знаю людей и вижу всё наперёд.

Разъединиться казалось невозможным.

– Не отпущу. Хочу взять тебя с собой в Латвию, – шепнул он, целуя.

Анна не понимала, как это фантастическое существо могло полюбить её, пусть молодую и красивую, но состоявшую сплошь из мелких недостатков. Трудно было поверить, что мужчина, на которого могли молиться сотни неизвестных Ане гражданок, мужчина, умудрившийся совратить её в первый же день знакомства, способен к глубоким переживаниям. Но в следующие дни он присылал эмоциональные со-

общения, подписываясь «твой Друвис», и сердце Аннушки холодело, словно мистика волшебного озера ворвалась в её жизнь.

Друвис также был потрясен днём Ивана Купала. Аня казалась ему юной нимфой, вынырнувшей из недр цветущей природы. Она опутала водяными цветами и взорвала буйством неодолимых чувств его умиравшую сущность. Через неделю они вновь были вместе. Сидели на крыше дома, где он проводил ремонт, и смотрели на старые улочки, сравнивая Питер с Парижем. А после много дней в водовороте их любви кружились летние парки, здания, берега водоемов. Аня запомнила всё как единый счастливый миг, сопровождаемый словами: «Какая ты сладкая... Я в раю...»

Однажды они вернулись в пансионат, где познакомились, – Друвису предстояла неподалеку очередная работа. Свободных номеров не было, и они спали в актовом зале на полу. Со стен глядели Ахматова, Гоголь и Толстой, в углу мечтало концертное пианино, а за окнами курчавился яблоневый сад. Анчутка вытребовала в «Галактике» отпуск, а рижанин уезжал по утрам в Зеленогорск ремонтировать коттедж. Сонная, разнеженная, забывшая одежду Аннушка не желала его отпускать и обнимала у порога. После вновь падала на матрас, и пробуждалась после обеда. На балконе, потягиваясь, вдыхала запах разогретой хвойной смолы и кричала птицам: «Господи, счастье-то какое!»

После работы Друвис звонил из электрички: «Я лечу к те-

бе, моя птичка!»

Аня встречала его среди сосен, обхватывала за талию и рыдала в его полосатую футболку: «Я так соскучилась...» А через минуту уже хохотала. Рядом с Друвисом не получалось не смеяться.

Он игриво высказывал циничные житейские мудрости; комментировал нелогичную российскую действительность со своей латышской точки зрения, шутил над порождавшей беспорядок русской психологией; вспоминал латвийские парадоксы; знал оптимистичные ответы на все вопросы Вселенной; давал советы политикам, экономистам и хозяйственникам, словно они его слышали; разговаривал с прохожими, наслаждаясь русской речью и русской открытостью. Видя в глазах Анюты одобрение и задорные огоньки, расплывался в лучезарной улыбке.

Очень разные, но схожие в чувстве юмора и взглядах на мир, Аня и Друвис непрестанно веселили друг друга и, прижимая нос к носу, как заговорщики, сгибались в конвульсиях смеха. Порой Анчутке хотелось говорить о любви, но ее останавливал вопрос: разве бывает любовь без боли, обид, непониманий и трагических сожалений? Состоящая лишь из спортивных прогулок, бесконечных экстазов, колик хохота и увлекательных разговоров?

Когда Друвис обгонял Анчутку на велосипеде, она любовалась его длинными, обтянутыми синими джинсами ногами, едва уловимой кривизной узких, крепких бедер и икр.

Он напоминал африканский ветер, стремительный, порывистый и жаркий. Несмотря на недавнее изнеможение, Аня вновь ощущала первобытное желание, сильнее давила на педали, догоняя его, и вкрадчиво сжимала пальцами верх его бедра.

– Я постоянно хочу тебя, – вздыхал он. – Едва ты дотрагиваешься до меня, всё внутри начинает шевелиться.

Как-то раз Друвис вернулся с работы грустный и долго рассеянно взирал на Аню, словно решал для себя трудный вопрос.

– Что-то случилось? – встревожилась она.

Он почесал лоб:

– Не обращай внимания, я задумался о жизни.

Когда, благодаря его небесным ласкам, Аня приближалась к пику блаженства, он спросил:

– Ты знаешь, как называется то, чем мы сейчас занимаемся?

Анчутка, решив, что он имеет ввиду любовь, шутливо ответила:

– Нет. Как?

Друвис прошептал:

– Инцест.

Девушка не могла понять, о чем размышлял ее странный пришелец, и почему выбрал для откровений момент ее полета в космос, так как в следующий миг сознание покинуло ее. Но другим вечером в той же ситуации Друвис, нежно

сжимая и целуя Анино тело, снова спросил:

– Ты бы хотела, чтоб я был твоим папой?

– Чего?! – рассмеялась она, почти потеряв остроту ощущений. – Отцам не свойственно то, что ты творишь со мной. Откуда такие мысли?

Друвис жаждал определить свой дальнейший путь. Но Анчутка не казалась взрослой женщиной, способной стать ему надежной спутницей жизни. Она походила на его дочь: такая же высокая, светловолосая и наивная. Она хотела играть, танцевать и требовала заботы, в то время как он готовился к долгим страданиям.

«Ей – цвести и влюбляться, а мне – гаснуть и умирать, – с сожалением думал он. – Каждому дается своё время для игр. И моя пора миновала... Я не имею права затягивать Аннушку в ад, к которому она не готова. Но как с ней расстаться? Какую выдумать небылицу, чтобы она сама меня бросила? Сказать, что она не помещается в ванну, и заставить худеть до дистрофии? Да, на этой почве комплексуют все без исключения барышни! Пусть решит, что я зацикленный на похудении псих. Но так жаль ее портить! О, если бы вправду было возможно удочерить ее! Чтобы спокойно жить рядом, любоваться ею, и чтобы она закрыла мои глаза, когда придет срок». Рижанин был тяжело болен, и понимал разницу временных отрезков, ожидавших их впереди. Иногда в его речи проскальзывала печаль: «Неизвестно, на сколько меня еще хватит. Зачем тебе, птичка моя, обветшалый старик? Ты

бросишь меня в самый худший момент...»

Анчутка недоумевала:

– Что с тобой, озерный пришелец? Может быть, ты нездоров? Или, в самом деле, стар? Где все-таки правда о твоём возрасте: пятьдесят пять? Шестьдесят два? Семьдесят? Но это невероятно: ты спортивен, свеж, остроумен и бесспорно красив, в то время, как большинство красивых людей являются таковыми лишь условно! Если б не шрамы на руках, я приняла бы тебя за видение!

Впрочем, лоб Друвиса пересекали морщины. Вверх и вниз от юных, задорных глаз бежали густые, длинные «гусиные лапы». Ослабшая кожа век выдавала немолодой возраст. Однако седины у Друвиса было мало: в русых кудрях серебрились лишь отдельные волоски. Заливаясь смехом, он невольно показывал белые зубы. С гибкостью подростка проделывал акробатические трюки на велосипеде, заставляя Аню по-детски визжать и хлопать в ладоши. Девушка терялась, пытаясь угадать его возраст, и всё же цифры не имели значения для нее.

Друвис знал, что в детстве Анчутке не хватило отцовского внимания. Чуткое сердце пришельца стремилось заполнить мучившие её пустоты, устранить душевную неустойчивость и незащитность. Когда-то не долюбивший свою дочь, Друвис ощущал родственную пустоту в себе. Он, словно ребенка, резал Аннушке яблоки, счищал жесткую кожуру. Заботливо поил по утрам кефиром, наслаждаясь ролью отца.

Умилялся глупым, еще не побежденным страхам, укрывая Аню в объятиях, и твердо говорил: «Уже всё прошло, вот увидишь». Сидя у озера, сплетал ей венки из кувшинок. Положив голову на колени Друвиса, Анчутка созерцала качавшиеся на воде широкие, гладкие листья лилий и розовевшие по берегам цветки иван-чая. Длинные мощные пальцы перебирали её светлые волосы, подобно летнему ветру, и она стеснялась шевельнуться.

Друвис вспоминал предания своего далекого латышского детства о строителях поднебесной башни, о плясовой лихорадке и о волшебном коне. Ни один мужчина на свете не был с ней нежен, как он, и не рассказывал сказок.

– Посмотри, какой омут, – кивнул Друвис. – А вдруг здесь живет водяное чудовище?

– Несомненно, живет, – пытаюсь унять дрожь в голосе, заверила Анчутка. – Но оно доброе и исполняет мечты.

– Оно подарило мне волшебную фею, – шепнул он.

– А мне – прекрасного принца. – Расплакавшаяся Аня уткнулась лицом в его твердый живот. – Тот, кто создает сказки, оставляет вечный след на Земле, – в полузабытьи прошептала она. – Наша сказка и ты, мой сказочник – это главное, что я запомню о жизни.

Друвис перенес Аннушку в счастливое детство, где она стала центром трогательной Вселенной. Одновременно она узнала такие вершины женского блаженства, о которых не имела понятия раньше. Теперь ее разрывала гамма новых

чувств: от горячей благодарности маленькой девочки до страстного, уважительно-восхищенного поклонения женщины. А над всем этим нависло горькое понимание человеческой бренности и быстротечности времени.

– Неужели ты, правда, хочешь быть моим папой? – спросила Анчутка.

Друвис поискал что-то в ее глазах и, не найдя, ответил:

– Да, временами.

Задумавшись, Аннушка обняла озерного пришельца со спины, и ощутила бугор, отчетливо проступавший сквозь футболку. До той минуты, увлеченная страстью, она не замечала болезни Друвиса. На его плече, левее седьмого шейного позвонка поднималась твердая и довольно большая шишка. Осторожно ощупав ее, Анна испуганно отдернула руку, крепко прижалась к латышу и замерла, не в силах осознать открытие.

– Да-да, не нужно быть медиком для того, чтобы узнать злокачественную опухоль. Ничего не поделаешь, – произнес Друвис. – Всё когда-то проходит. Особенно – жизнь.

Посетить врача пришелец отказался:

– Ты хочешь, чтобы мне отравили остаток лет, и лишили всех материальных ценностей? Нет? Ну, и забудь об этом.

Однако их счастливый союз мог продолжаться долгое время, если бы не государственные границы и связанные с ними разлуки, меняющие и людей, и их мысли. У Друвиса закончилась виза. Он вернулся в родную Латвию, оставив Анчутку.

ке велосипед и устранив неисправности в ее доме, умудрившись залечить все ссадины девичьей души и ничем не поранить вновь. Уверив, что всё будет хорошо. Как настоящий, идеальный папа...

Неверные жены Друвиса

Его отец был латышом, а мать украинкой, осевшей в Риге. Ни один из родителей в России не бывал, а Друвиса привели туда случайные заработки.

Высокий, спортивный красавец после школы нигде не учился в уверенности, что и без того много значит на свете.

Недалеко от их дома на краю города находилась животноводческая ферма, и Друвис пошел туда грузить навоз. Тонны, горы навоза. Запах въедался в кожу, даже ароматная ванна не могла его вытравить. Но это юношу не смущало.

С развалом СССР хозяйство закрылось, но Друвис успел получить от государства просторную двухкомнатную квартиру, на берегу лебединого озера, окруженного соснами. Было настоящее советское счастье! «Каждому – по способностям, каждому – по труду!» – весело говорил он завистникам. Впрочем, их было не много, правительство щедро одаривало жильем работающих рижан.

Друвис быстро женился. Когда Союз распался, в Латвии начались трудности с работой. Вместе с другом он отправился на заработки в Германию. Брался за любое дело: сварку, ремонт квартир и дорог. Появились деньги на достойную жизнь, и Друвис купил неплохую машину. Но латышская красавица-жена, высокая блондинка, родившая к тому времени дочку, не дождалась его из трехмесячной команди-

ровки.

Потом была другая красавица, также высокая блондинка, она родила трех мальчишек и запретила ему видаться с дочерью. За ней Друвис старался больше ухаживать, даже присутствовал при всех родах в надежде, что благоверная оценит его старания и будет верна. Но и она не дождалась его с заработков, чем растоптала веру в любовь и порядочность всего женского рода.

– Почему?! – рыдал он. – Ведь я работал только ради тебя! Чтобы обеспечить тебя и наших детей!

– Ты мало уделял мне внимания, не дарил цветов, – с обидой бросила жена. – Я – молодая и красивая! Мне хочется нежности и романтики! А что я увидела рядом с тобой? Одиночество и бытовуху!

В тот день Друвис поклялся, что больше не поверит ни одной женщине. И было их с тех пор очень много, мимолетных, обманутых и отвергнутых.

Радуга в сентябре

Шло время, но перед глазами Анчутки прозрачно, не печалая и не давя, стоял образ озерного сказочника. Она понимала, что не сумеет, глядя сквозь его очертания, обнимать и любить кого-то другого. Однако «латышский папа» ясно дал понять, что не видит совместного будущего. Пытаясь отгородиться от воспоминаний о нем, Аня поменяла номер телефона. Тем временем Друвис, не выдержав разлуки, отправился в Питер, но не нашел своей нимфы. Через две недели Анна, тоскуя по «латышскому папе», набрала номер, который он использовал в Петербурге. Девушка ожидала услышать: «Абонент недоступен». Но в трубке раздались длинные гудки.

– Ты здесь?! – Вскричала она.

– Наконец-то! – выдохнул Друвис. – Я уже думал, что потерял тебя навсегда! Ведь я не знаю даже твоей фамилии! Не понимаю, как это вышло! Или феям фамилии не положены?

– Голубятникова! – счастливо рассмеялась Анчутка. – А твоя?

– Абелкалнс. Я безумно соскучился, голубка моя! Ты пропустила все время, отпущенное мне на пребывание в России. Этой ночью – отъезд в Германию! Нам остался всего один вечер перед новой разлукой.

– Бегу! – Отозвалась она, задыхаясь от налетевшего, как

буря, счастья, и заметалась по квартире. Паническое «что надеть?» сменилось мыслью «скорее, не теряй ни минуты!» Трясущимися руками Аня натянула любимое платье, в котором встречала артистов «Галактики», короткое, пышное, из бело-розового шифона, а сверху накинула черную кожаную куртку. Выбежав из дома, она увидела яркую радугу, огромную, в полнеба.

Начинала желтеть листва. На площадях ворковали пятнистые голуби. Петербург купался в случайном тепле осеннего солнца.

Они встретились на набережной у Спаса-на-Крови. Смущенный Друвис зачарованно смотрел на нарядную длинноногую Анну и не знал, что сказать. Он привык видеть ее в майках и джинсах или совсем без одежды, ослепительную в своей природной красе. И когда в тяжелый момент любовного признания Аня предстала перед ним величавой петербургской царевной, он растерялся, застыдившись рабочей футболки, заляпанной цементом, которую забыл сменить. С раздражением он твердил себе: «Лучше бы я исчез! Но как быть, если не совладал с чувствами? Что делать дальше с этой озёрной феей?»

Ветер ворошил ее длинные золотистые волосы, пахнувшие ванилью. Глаза скрывали темные очки, а свежие губы ликующе улыбались. «Такие мягкие, нижняя чуть пухлее верхней», – вспоминая летние ласки, думал Друвис и пони-

мал, что с головой увязает в любви. Ему остро хотелось жить, верить в волшебные сказки, смотреть в облака и плести Анчутке венки из желтых сентябрьских листьев. «Будто в жилах – не кровь, а тягучая нежность! Я впадаю в маразм, – счастливо думал он. – Так хочется верить фее. И верить в долгую жизнь!»

Аня млеющим взглядом скользила по телу мужчины, в объятиях которого проводила июльские дни и ночи. И не решалась протянуть ему руку, словно они только что познакомились. Глубокое чувство жгло ее душу и сковывало движения.

Облокотившись на перила канала Грибоедова, Друвис собрался с духом спросить у Анчутки о новостях «Галактики». Она залепетала о последнем рок-концерте, но от волнения заплетался язык. Озерный пришелец органично вписывался в колорит города: золото и малахитовый цвет купола собора оттеняли теплые нюансы загорелой кожи, рыжеватую щетину на щеках и яркую синеву глаз. Благородство его облика казалось царским, и Ане думалось только об этом.

– Концерт, не концерт, неважно, – проронила она. – Ты – моя сказка и мой сказочник. Ты не представляешь, что за цунами ты поднял в моей душе.

Друвис рывком притянул к себе Анну и до боли стиснул в объятиях:

– Я люблю тебя, Аня, люблю!

Происходившее с ними, напоминало могучее пламя, пи-

таемое скрытыми силами. Тлеющая страсть вырвалась на свободу. И скоро Анчутка вновь извела слияния, сводящие ее с ума. Среди строительной пыли и обитых утеплителем стен, на простыне поверх гипрока Ане казалось, что она взлетает светящимся воздушным шариком. Желание превратить в такой же шар Друвиса возвращало ее назад, и тогда она видела недоделанный проем окна, а за ним кирпичную стену двора-колодца.

– Что, что с тобой? – в волнении спрашивал пришелец, пронзительно глядя на нее.

– Всё то же, – еле слышно выдавливала Аня, с трудом заставляя губы шевелиться.

Сжимая ее, и серьезно глядя в глаза, он, ласковый и большой, находился внутри и души, и тела.

– Теперь мы по-настоящему, полностью вместе, – блаженно улыбнулась Анчутка. – Это – подарок Ивана Купала нам с тобой. – Она закрыла глаза, до конца не веря, что волшебство продолжается.

Подходило время отбытия Друвиса за кордон.

– Милая, что делать? – стонал он. – Невозможно оторваться!

Они медленно оделись и двинулись на вокзал. Ноги заплетались, а лица светились счастьем. Они держались за руки, стараясь продлить сладость прикосновений. Светила полная луна.

– Хочется, чтобы так было всегда, – подумала Аня вслух, и Друвис печально вздохнул:

– Несбыточная мечта. Почти всю жизнь я на заграничных вахтах, без трудовой книжки, и другой возможности добывать деньги у меня нет.

К скверу возле метро «Балтийская» подрулил желтый международный автобус. Пассажиры под присмотром водителя принялись загружать в багажник разноцветные сумки. Держась за руки, не отводя взгляда, Аня и Друвис до последней минуты стояли на тротуаре.

– С чувствами ничего не поделаешь.

– Совсем ничего!

При посадке Анна обрадовалась, подсмотрев в его паспорт:

– А ты не такой древний, как я боялась!

Через месяц Друвису исполнялось всего пятьдесят четыре.

– Древний, как же не древний. – Он грустно улыбнулся.

– Древний... но не очень! – развеселилась Аннушка. – И самый лучший!

Они стали встречаться каждые два-три месяца. Из рабочих поездок Друвис спешил в Петербург. Цвет каштанов сменялся кружением листопада, затем сугробами. Но каждое утро озерный пришелец провожал свою фею в «Галак-

тику» и ревниво напутствовал: «Береги хвост, прекрасная птичка. Там много охотников за твоими перышками!» Прощаясь в подземном переходе, проникал языком сквозь ее губы, желая еще раз ощутить манящий вкус. Потом отстранялся, шептал «пока», и спешил прочь, скрывая подступавшие слезы трепетной и в то же время свинцово-тяжелой любви.

Бесперспективность

Каждый вечер Анна спешила домой, чтобы скорее очутиться в уютной постели и задохнуться в его объятиях, плакать от счастья, что они – родные. Именно в родстве душ Аня ощущала высший смысл Вселенной.

– Я стар, – вновь начинал ворчать Друвис. – Мы смотримся странной парой. Я – уже дедушка, дочь родила мне внука. А ты еще в бирюльки играешь.

Аня смеялась, слово «дед» не вязалось с любимым мужчиной.

– Тебе нужно радоваться нашей разнице, а ты стесняешься. Почему?

Друвис был непреклонен:

– Всякий встречный полагает, будто ты со мной из-за денег или жилья. Юные думают: «Вот чудачка! Резвилась бы лучше с нами, пока молода». А зрелые знают, что ты никогда не поймешь меня. Ты не вступала в комсомол, не боялась ядерной войны, не чахла в километровых очередях за продуктами, не носила тканых лифчиков без поролона. Не ходила на первомайские демонстрации. Для тебя Латвия – граница, а для меня Латвия и Россия – одна страна! Ты рождена на обломках великой державы, без правил и ценностей, свободной, но потерянной. Анархизм укрощен в тебе лишь инстинктом выживания. Птичка моя! Нам не дано увидеть все-

ленные друг друга! Разница в возрасте рождает параллельные миры! Твой мир для меня – смешной и наивный лепет. Мой – для тебя – скучная, плесневелая небылица. Вот и думают люди, что я старый, но обеспеченный пень. А ты – моя свеженькая живая игрушка. Красивая, соблазнительная! То, что ты глубокая личность, со сложными чувствами, они не допускают! Они завидуют, словно вкусному торту! Фантазируют, какие чудеса я вытворяю с тобой в постели, сколько получаю наслаждения. Они видят, что очень скоро мне будет плохо, и злорадно смеются.

Аннушка слушала его речи и слабо возражала:

– Ты ведь знаешь, что все это – ерунда?

Друвис нервно разводил руками:

– Как знать?

– Мы вместе, и всё хорошо, – успокаивала его Аня.

– Ладно, не бери в голову. Жизнь – веселая штука! – Пришелец старался быть остроумным. – Главное – не концентрироваться на недочетах.

Анчутке нравилось, как они с Друвисом выглядят вместе. Раньше она не любила зеркал, но теперь любовалась отражением общности с «латышским папой». Внешне их сближали большие лучистые глаза, его – ярко-голубые, ее – густо-синие. И благородные черты, высокий рост, русые волосы, светлые – ее, и чуть темнее – его.

– Как есть – отец и дочь. Семейный портрет, – шутил Друвис, обнимая ее у зеркала.

– Давай фотографироваться, – предлагала Анчутка, но озерный пришелец отказывался:

– Я вижу на фото не наше общее время, – хмуро объяснил он, – а роковой контраст румяной мордашки и морщинистой старости.

Напрасно Аня убеждала его, что это не так:

– Нас разделяет целая эпоха, да, целая жизнь, однако в масштабах века не очень много! Просто я выгляжу младше своих лет, а в твоём обществе у меня так сияют глаза, я так резвлюсь и радуюсь жизни, что кажусь ещё моложе.

Она любила Друвиса со всей пылкостью молодости, хотела рожать от него детей, и сердце ничего больше не желало знать. Девушка не думала о том, что Друвис отсылает деньги всем своим детям, и взрослым, и несовершеннолетним, что его мучают проблемы с работой и здоровьем, что их общего ребенка ему не потянуть. Что, даже случись малышу родиться, Друвис не увидит его школьного выпускного, а она останется молодой вдовой. «Миллионеры и известные артисты могут себе позволить поздние браки с детьми, – любил повторять Друвис. – Но простые смертные не имеют на это права».

Месть притворщицам

После очередной поездки Друвиса на заработки Аня угадала в глазах своего латыша неясную перемену. Он не признался в неверности, но поведал ей о своих пересудах со старой подругой-немкой:

– Это пенсионерка, толковая женщина. Лучше бы я убил её! Из-за нее я разочарован и в себе, и в тебе, моя фея. В нашем интиме и совместной жизни.

На самом деле, в Бохуме озерный пришелец встретился с дамой, которая безответно любила его много лет, и, лежа в постели, разоткровенничался с ней о своем русском счастье. Женщин, к которым не относился серьезно, Друвис не обманывал, и психику их не щадил, как бы сильно те ни были в него влюблены. «Врать – подло и хлопотно», – пояснял он, открыто давая понять, что приходит к ним ради собственного здоровья и развлечения. К удовольствию Друвиса, даже после беспощадных признаний дамы не прогоняли его, считая завидным любовником. Однако самонадеянный ловец не предусмотрел женской мести. Сорокапятилетняя учительница Штэффи, с солидным опытом психологии, из ревности внушила Друвису, будто его прелестница Анчутка симулирует многочисленные оргазмы. «Взаправду их не бывает, – вещала она, лежа с ним рядом и оглаживая свои мускулистые бедра. – Какой ты смешной! Все женщины – мастерицы

притворства».

Почему Друвис, донжуан с необъятным стажем, поверил немецкой пенсионерке, Анчутка не понимала. Видя, как Аня дрожит и сгибается в сладких конвульсиях, крепко сжав кулачки, Друвис холодно заглядывал в ее помутневшие, почти не видевшие в те минуты глаза и раздраженно спрашивал: «Ты чего?» Аня мычала, не в силах внятно ответить. Когда жаркие ощущения шли на спад и разум возвращался, она обнаруживала себя словно под микроскопом исследователя: Друвис проверял пульсацию и температуру ее живота, сердцебиение, румянец щек и груди. Она обижалась, отталкивая его: «Себе испортил удовольствие, и мне портишь!» Он не уходил и продолжал наблюдать, как она поведет себя в новых актах. Всё повторялось сначала.

Коварная немка не пыталась соперничать с Аней, но постаралась испортить ей жизнь. Она сумела внедрить Друвису мысль, будто Анчутка имитирует свои экстазы. «С целью казаться крутой. Чтобы ты поверил: когда ты с ней, ты – супермен. И оттого еще сильнее ее полюбил. А она бы этим нахально пользовалась».

– Давняя женская стратегия! – со знанием дела заявила Штэффи. Ее лицо приняло надменное выражение и сделалось некрасивым, грубым. – Мужчины свято верят в свои силы и способности. Потому, не задумываясь, западают на женское наслаждение! На самом деле мы устроены более сложно. Надо хорошо знать и чувствовать женщину, чтобы доставить

ей настоящее, полное удовольствие. А ты, – с твоими топорными представлениями об интиме, – не в состоянии этого сделать.

– Зачем тогда связываться со мной? – рассердился Друвис, униженный, опустошенный ее откровением.

– Потому, что другие ничем не лучше, – злорадно улыбаясь, добила Штэфи. – А ты хотя бы красив, и имеешь хорошие данные. Тебя можно натренировать, как потребуется... Ведь женщинам нужны мужчины, несмотря на то, что вы все бестолковые.

Друвис прочно уверовал в то, что любимая Анна бесстыдно притворяется в святом для него деле, ради господства над ним.

«Штэфи бывалая метёлка, и знает, что говорит!» – думал он, считая Аню оскорбляющей его достоинство. Та не нашла способа доказать свою невиновность.

– Ну почему, – закричала она, – ты не допускаешь, что женщина может сходить по тебе с ума и взрываться от одного твоего поцелуя?!

– Не допускаю, а с тобой – тем более, – огрызнулся он. – Ты молода и красива, а такие всегда и во всем обманывают!

– Ты, вроде, умный и взрослый, но почему такой безголовый? – Аня обняла его, глотая слезы.

Он схватил ее за ноги, закинул себе на плечи и навалился всем телом, входя в ее лоно. Огромный фаллос давил в самую чувствительную глубину. В этом положении Друвис вы-

зывал у нее мгновенный экстаз, и, если не менял позу, приводил ее в дикое неистовство и она теряла сознание.

Анчутка заранее вырывалась и просила пощады.

– Что ты кричишь? – вновь недоверчиво спрашивал Друвис, но Аня лишь просила прекратить невыносимо-сладкую муку. Было невозможно унять исступленную дрожь, совладать с судорогами экстаза. Ее ноги сами собой били пришельца по голове, спине и плечам. Он крепко держал их, и продолжал испытание, мстительно шепча: «Вот тебе, вот тебе.» – «Отпусти», – молила она. – «Зачем?!» – «Ты же знаешь: слишком острые ощущения!» – «Это хорошо. Не отпускай».

Когда действие перешло в непрерывный крик и отчаянную борьбу, Друвис оставил свои сомнения, решив: «Уж теперь у нее «точно получилось» – хотя бы разок!» – И отпустил, нежно целуя. Аня провалилась в глубокое забытё.

Через несколько часов она обнаружила себя с затекшими руками и открытым ртом, лежащей головой на животе Друвиса. Он не шевелился, с печалью глядел на нее, оберегая фантастический сон. Первый раз за два месяца Аннушка выспалась! Она плохо спала без Друвиса, объясняя бессонницу рабочими стрессами. Но причиной было лишь отсутствие «латышского папы». Он вернулся и восстановил порядок в душе, будто дуновением волшебного ветерка. Размолвка не вызывала сомнений в его любви, и не казалась ей катастрофой.

Заметив, что Анчутка открыла глаза, Друвис сказал, как ни в чем не бывало:

– В Бохуме работал русский канал. И в каком-то глупом фильме я увидел наш с тобой лесной пансионат. В нем проходили съемки. И знаешь, сердце сжалось, замерло, как будто я что-то родное увидел. Из-за тех мест, где мы познакомились, я, как заколдованный, смотрел неинтересное кино до конца.

Роковая поездка в Порвоо

Вновь налетевшим летом Аня сделала шенгенскую визу, чтобы отправиться к Друвису в Ригу. Но тот приехал к ней первым, предложив побывать на музыкальном фестивале в Турку. Вид он имел торжественный и таинственный. Аннушка спешно собрала нарядные платья, турне обещало быть незабываемым. Она воображала, что скоро станет Анной Абелкалене...

Путь в бывшую финскую столицу лежал через городок Порвоо.

Аня и Друвис бродили, обнявшись, по старинным извилистым переулкам городка и наткнулись на деревянный резной особняк с английской надписью «Улиточный ресторан». Внутри виднелись темные витые лестницы и старинный черный комод. Толстые деревянные половицы выкрашены в желтый цвет. На стенах золотились обои в мелкий цветочек. «Латышский папа» не сорил деньгами, но иногда любил погулять красиво.

– Я никогда не ел улиток, а ты? – подмигнул он.

Путники уселись на террасе за круглый стол, покрытый белой скатертью. Рядом вздымались раскрашенные скульптуры куропаток.

– Я смотрю, финны любят простой провинциальный

быт, – заметила Аня. – Он похож на русский, но фантастично стерилен.

– Финны создают иллюзию, будто жизнь не проходит мимо, – задумчиво добавил пришелец. – Мол, вкусно поешь, и знай: ты прожил день не зря!

Из кухни доносились чарующие запахи. В ожидании блюд Друвис предложил выпить. Официант налил красное вино в высокие бокалы тонкого хрусталя. Анна разволновалась и замерла в предвкушении патетичного предложения выйти замуж. Но оно не звучало. Непьющий Друвис быстро захмелел и произнес неожиданный тост:

– За тебя, озерная фея. Чтобы со мной и без меня ты выглядела на все «сто», и всегда была весела.

Анчутка насторожилась. Ей казалось, что понятие «на все сто» включает в себя крайнюю худобу. Комплекция Ани её не предполагала. В день знакомства с «латышским папой» Анчутка весила почти сто килограммов, что для роста метр восемьдесят было не очень много, как ей казалось тогда. Анино высокое, упругое тело с точеным станом и бархатистой кожей восхищало даже ее саму. Позднее, пытаясь достичь журнального идеала, Аннушка после трапез вызывала у себя рвоту или неделями сидела на фруктах. Она становилась бледной и еле двигалась, не хватало сил пройти одну остановку или подняться по лестнице. Результат, однако, был все равно не тот, широкие бедра делались костлявыми, но оставались широкими. Лето первой настоящей любви Ан-

чутки стало пиком расцвета ее красоты, и оставило в сердце Друвиса нестираемый след. Говоря «на все сто», он воскрешал в памяти день Ивана Купала и образ обнаженной озерной нимфы, считая его совершенством. Стройная, но аппетитно округлая, она с первого взгляда свела его с ума. Не зная об этом, Аня задумалась теперь: «Друвис влюбился в меня естественную. Так зачем он сравнивает меня с кем-то? Может быть, я у него не одна?» Еще больнее кольнули Аннушку слова «без меня»: «К чему было ехать в Финляндию, идти в дорогой ресторан, и говорить гадости? Я думала, ты желаешь навеки скрепить наш союз!» Вино на голодный желудок вызвало поток странных домыслов. А Друвиса толкнуло к неожиданным откровениям:

– Я хотел подольше побыть вместе, прокатиться с тобой в другую страну, – проникновенно вымолвил он.

– Ты мне изменяешь, да? – спросила она напрямую.

Послышался пьяный смех.

– Эх, Аня, Аня. Всю жизнь я мотаюсь по разным городам и весям, потому что в Латвии нет работы. И у меня всегда было много женщин. В каждой стране, в каждом городе, потому что все вы изменщицы, явные или скрытые! Ты хочешь верности, вот балда! Но я никогда не мог тебе обещать её. Кстати, пару раз я соврал, и вместо Бохума летал в Якутск. Но всё это – ерунда. Я очень сильно и очень долго любил тебя, фея. Ради тебя я нарушил табу на постоянные отношения. С тобой одной я был в жизни счастлив. Только хватит уже

безумства! Я не желаю взваливать на твои плечи бремя болезни, которая скоро подкосит меня. Не желаю каждый день проверять, честна ли ты со мной. Не желаю слушать твою желторотую ложь про вечную любовь и лебединую верность, когда тебя покинут иллюзии. Через неделю я снова лечу в Якутск, и не жди меня больше! Я не вернусь.

Он хлебнул прямо из горла бутылки, словно запивая слова, страшные для Аннушки, затем, уронив голову на стол, уснул. Его длинная речь прозвучала коротким смыслом: «Я над тобой посмеялся, и бросаю тебя».

Официанты принесли заказ, но плачущая Аня уже выскочила из ресторана.

«Мне безразлично, что станет с тобой! – кричала она в пустоту. – Умирай, сколько влезет! Где угодно и с кем угодно!»

Через полчаса она покинула Порвоо, сев в попутный туристический автобус. Но, добравшись до дома, начала ждать звонка в надежде, что озерный пришелец извинится и назовет сказанное пьяным бредом. Она готова была его простить, не в силах отбросить свою прекрасную сказку.

Друвис позвонил через день. Голос дрожал и срывался:

– Я испортил поездку, моя дорогая фея, и казнию себя за это! Но в Якутию я действительно улетаю.

– Останься, – смилив гордость, попросила она. – Что тебе, прибалтийцу, там делать? Огромные северные заработки давно стали мифом.

– Всё равно у нас с тобой жизнь не такая, как надо, – с

трудом выдавил он. – Этот гадкий, извращенный мир нужно разрушить, Анята, и выстроить заново, нормальный. А я уже не смогу...

Он немного помолчал и выкрикнул:

– Понимаешь ты, глупая? Не смогу! Сколько ни старайся, ничего хорошего не получится! У нас не будет детей, о которых ты так мечтаешь! И в тридцать с хвостиком ты станешь вдовой. Нет, не заставляй меня в это ввязываться! Прощай!

Пролетел месяц, который показался Анчутке мгновением. Она жила, ничего не замечая вокруг. «Латышский папа» с лихвой долюбил ее за родного отца, но предал еще больше. «Должно быть, он любит меня, но не смог поверить в мою искренность, – уговаривала себя Аннушка. – Друвис не был холодным и толстокожим. Он не способен выбросить меня из своей жизни, как ненужную вещь! А может быть, о, ужас, он искренне любил всех подруг, с которыми его сводила судьба? И я всего лишь одна из них? Он смирился с разъездами. Привык, что в его жизни не может быть постоянства».

Как ты, фея?

Проявляя заботу, сознавая вину, и втайне желая вернуться, Друвис, словно вонзая нож в свою рану, каждый день писал Аннушке сообщения: «Как ты, фея?» Начать новую жизнь не получалось, прошлое слишком крепко держало его сердце. Он видел Анин статус в Сети: «Жизнь прекрасна!» Но знал, что ей хочется выть: «Папа-латыш», что же ты сделал со своей «дочей»?!» Аннушка отвечала: «Я в порядке» и мысленно добавляла: «Хорошо, что ты не видишь, какая я сейчас: в грязной футболке, с опухшими от слез глазами, валяюсь на диване!» После каждой его СМС-ки она начинала рыдать и вспоминала, как совсем недавно провожала Друвиса в командировку. До отъезда оставалось два часа, и она в полубеспамятстве щекой прижималась к его животу. Горячие слезинки скатывались на его кожу. Друвис делал вид, будто смотрит новости, а сам, запрокинув голову, глядел в потолок, стараясь подавить душившую его грусть и спрятать слезы. С замиранием сердца Аня косилась на часы, видела, как предательски быстро бегут стрелки, оставляя ей все меньше времени для того, чтобы дышать с Друвисом одним воздухом и касаться его утомленного, разнеженного тела. Затем они мчались в такси на вокзал темной обледенелой дорогой. Боясь заговорить, чтобы вновь не расплакаться, Аня лишь осторожно сжимала ладонь любимого. Теперь

отчаянные признания и ревность позади. Канули счастливые лунные ночи, когда она фантазировала о свадьбе и задерживала дыхание, боясь сдвинуть со своего бедра большую руку уснувшего Друвиса. «Да, всё это было, было, – твердила она себе. – Друвис любил меня и плакал перед разлукой со мной. Так почему же всё-таки он ушел?» Ей не верилось в грядущую немощь сильного, цветущего мужчины, и в его бессилие изменить мир. «Пустая болтовня!» – думала она. Девушку еще не покинуло ощущение вечности жизни, и она искала иные причины туманной незавершенности их отношений. Неясность сводила Аню с ума сильнее, чем муки несчастной любви. Ей казалось, что неизвестность, подобно черной глухой стене, сомкнулась вокруг и не дает идти дальше. Выходка «латышского папы» не укладывалась в голове – так же, как в детстве не укладывались эскапады родного отца. Бежали беспросветные дни, и для нее становилось очевидным: назад пути нет. Чтобы прекратить пытку сообщениями, Анчутка сменила телефонный номер.

Часть 3

Провал. Неуравновешенный менеджер

В рабочие обязанности Анны входило заключение договоров, но радостно улыбаться клиентам и производить приятное впечатление девушке стало сложно. Пряча заплаканные глаза и стараясь скрыть последствия бессонницы, она притворялась, что всё в порядке, но напряжение росло и вырывалось наружу. Она стала несдержанной и нервной, подавленной и замкнутой, резко похудела, потому что сутками забывала поесть. Нарядные платья обвисли на ее высокой фигуре настолько, что казалось, эта одежда не имеет к Голубятниковой отношения. За ее спиной сотрудники обсуждали, не наркотики ли тому виной. Это было обидно, но откровенничать с коллегами Аня не решалась, полагая, что чужие проблемы интересуют их ради сплетен. Однажды, запутавшись в документах, она расплакалась при начальнике и клиентах. Молодой хозяин клуба отнесся с сочувствием и не уволил девушку за профнепригодность, однако ей пришлось поделиться с коллективом своей печалью. Администратор клуба Лера Капустина сочувственно поджала пухлые, ярко накрашенные губы:

– У тебя иссякли силы бороться с собой.

Лера была коротко стриженная крашенная блондинка лет тридцати, пластичная, стройная, с кукольным личиком и крупными карими глазами. Иногда хозяин устраивал ей подработки – фотосессии для рекламных плакатов. Лера приехала в Питер из далекого военного городка. Она любила наряжаться и нравилась всем без исключения, однако из-за множества странностей не имела подруг и спутника жизни. Часто помногу пила вино и утверждала, что равнодушна к мужчинам и женщинам. Слушала «тяжелый рок» и повторяла, как заклинание: «Музыка – единственный наркотик, который я употребляю ежедневно». Коллеги удивленно переглядывались, но вопросов не задавали: Лера была расторопным и добросовестным сотрудником.

– Как знакомо, – с грустью протянула она, выслушав сбивчивый рассказ Аннушки, и та впервые увидела на ее лице отражение живых чувств. – Все мы такие ранимые, – быстро поправилась Лера, пряча взгляд, но Аня успела ощутить ее солидарность.

«Если даже такое совершенство, как Валерия, оказалось отвергнутым, то что говорить обо мне?» – Аннушка вновь разрыдалась.

Николай, пятидесятилетний гитарист-виртуоз, вечерами игравший в клубе, решительно положил руку ей на плечо:

– Тебе, подруга, пора принимать антидепрессанты! – Этот невысокий кривоногий человек с выпуклым лбом и выдававшейся вперед нижней челюстью зачастую бывал бестактным

и агрессивным. Его оливковые глаза глядели упрямо, будто Николай готовился защищаться. Он всегда был расположен поспорить, особенно о политике, и не терпел чужих мнений. Однако охотников препираться обычно не находилось, и он, развлекаясь, задевал коллег едкими замечаниями. Аня и Лера неприязненно поглядели на его редкие черные с проседью волосы, затянутые в хвост синей резинкой, на надменную ухмылку и расходившуюся на животе джинсовую рубашку. Лера возмущенно воскликнула:

– Что ты знаешь об антидепрессантах? Ничего! Так зачем говоришь?

Но остальные коллеги его поддержали:

– Правда-правда, в наше время есть много успокоительных! Нужно наладить сон! И обязательно сходить к врачу! Слышишь, Аня?

Аннушка безутешно плакала:

– Никуда я не пойду, – но расплывалась в благодарности за их теплоту.

Валерия тайком протянула Ане надорванную лекарственную коробочку:

– Возьми. Лично мне эти таблетки помогли, когда произошел нервный срыв. Однако она промолчала о том, что врач занимался психическими болезнями. На Анин вопрос «что с тобой случилось?» Лера мягко ответила: «Это слишком личное...»

Опасная помощь

Ободренная, что не придется разговаривать с докторами, Аннушка отважилась испытать Лерино средство, и начала с большой дозировки, надеясь скорее притупить не отпускавшую ее ни на минуту душевную боль. Инструкцию к антидепрессантам девушка не прочла, и лишь время спустя узнала: побочные эффекты могут быть неожиданны и опасны. Через несколько дней у нее пропали мысли и желания, голова стала пустой. Аня зевала и ничего не хотела. Ей показалось, что пришло облегчение, и девушка поблагодарила Валерию:

– Поразительно, как маленькая таблетка может снять ужасную подавленность! Верно люди говорят: все проблемы от головы! Но теперь я чувствую себя слабачкой из-за того, что не смогла справиться сама.

– Нет ничего постыдного в том, чтобы принять помощь, – отчеканила Лера заученную некогда фразу.

В выходной растрепанная и невытая Аня заставила себя делать уборку съемной квартиры. Извлекла из хозяйского шкафа книги, чтобы вытереть пыль. Затем, вспомнив, что нужно чего-то поесть, она отыскала в буфете пакет молока длительного хранения. По детской привычке, держа в одной руке молоко, а в другой мокрую тряпку, Анчутка прошла в комнату, споткнулась о вещи под ногами и пролила молоко

на издание финского писателя Валтари Мики Тойми*.

Аня не любила читать. Но, устраивая книгу на просушку около батареи, начала разлеплять странички, и заинтересовалась сюжетом. Писатель незаметно унес ее из невыносимой реальности в страну африканских фантазий. Он родился в сумрачной Финляндии и никогда не бывал в Африке, но во время Второй Мировой войны сочинял истории о древних египтянах, перемещаясь в другой, непохожий мир. Неведомые края, диковинные события и нравы отвлекали от ужасов войны, способных сломать человека. Аннушка завалилась на диван, фантазируя о древнем Египте. Мика не знал, что уведет от грустных реалий северянку далекого будущего. Аня подмигнула черно-белому снимку писателя: «Обещаю, я побываю в Гизе и Фивах за нас обоих!»

Однако следующие выходные она проспала. Боль исчезла, но это избавление не доставило радости. Теперь весь мир казался Ане бессмысленным. Она задавалась не свойственными ей вопросами: «Зачем что-то делать, если все равно не получишь желаемого? Любви нет, она лишь хитрое средство манипуляции. И мои карьерные возможности также жалкая иллюзия. Я состарюсь прежде, чем заработаю на жилье и путешествия. Так зачем жить, если молодость тяжела и ничемна, а впереди бедная, тоскливая и одинокая старость?» Грустные пророчества сами собой приходили ей в голову: «Детей у меня не будет, потому что зачинать их без любви с чужими мужчинами, как собаке на случке, постыдно. Я

умру, не сделав ничего, достойного моих сил. Не оставлю на Земле никакого благотворного следа. Лишь следы на ветру, мои случайные песни...»

Любая еда начала вызывать у девушки отвращение, и она больше не пыталась ни завтракать, ни ужинать.

Вопреки не проходящей усталости по утрам Аня собиралась в «Галактику» с мыслями, что лучше было бы умереть. В один из таких моментов ей позвонила мать. Они с Катериной разговаривали редко, коротко и ни о чем, чтобы не задеть друг друга и не вызвать бурю никому не нужных эмоций. Мать изображала интерес к жизни дочери, ограничиваясь поверхностными вопросами. Аня деланно улыбалась и нехотя, односложно отвечала, притворяясь успешной леди. Она знала: Катерина желает слышать лишь о достижениях дочери, а всё остальное считает не стоящей внимания чепухой, мусором, не имеющим права на существование. «Для чего тогда жить? – всегда хотелось спросить Анчутке. – Жизнь должна быть интересной и радостной. Нам нужны самые разные чувства и события, падения и взлеты, ошибки и открытия. Я тебе что, баран? Мне нужно долбиться головой о стену ради каких-то модных, не интересных мне успехов? Чтобы ты хвалилась ими перед знакомыми?» Но Анна молчала, понимая, что, кроме упреков, ничего от матери не услышит. Раздражая друг друга, они, однако поддерживали видимость родственной связи, не готовые разорвать

ее окончательно.

Тем утром Аня не сумела скрыть от матери свое истинное настроение, а Катерина, наперекор привычке не замечать переживаний дочери, не пренебрегла ими и спросила:

– Что с тобой, Анчутка? Почему ты такая мрачная?

– Мне всё надоело, – безразлично бросила Аннушка. – Какое-то мертвецки холодное равнодушие к жизни. Я даже не ем, давно тошнит от еды. Вот в некоторых странах разрешена эвтаназия, жаль, что не у нас. Я бы... Какая разница, увечный человек страдает физически, или телесно здоровый – душевно?

– Ишь ты, неженка! – в изумлении ахнула Катерина. – Я и то, при моей прошлой собачьей жизни, не пыталась покончить с собой. Думала о смерти, да, правда, но все-таки не пыталась. А ты, анчутка, – с какой стати? У тебя же всё хорошо! Ты здоровая и молодая. Ты должна работать, наживать добро и рожать детей.

– Ты ничего, никогда обо мне не знала и не хотела знать, – выпалила Анна, возмущенная до глубины души. – Так как же ты можешь рассуждать об этом?!

В тот миг Аня почувствовала, что совсем не любит мать, что хочет вычеркнуть ее из жизни или поменять на понимающую и принимающую ее женщину. «Ведь так бывает у людей: с виду для посторонних мать заботливая и милая, но дочь мечтает сбежать подальше от ее холода и издевки во взгляде, – думала в отчаянии Аня. – Если нет тепла в отно-

шениях, нет родственного чувства, и всякий раз в тебя летят режущие, будто кинжал, слова. Как с этим жить? И как благодарить жизнь, в которой не было ничего драгоценного и родного, ничего, кроме погибшей сестры и предавшей любви?»

Аня бросила трубку и позвонила однокласснице, бесхитростной медсестре с нежным голосом. Хотела поплакаться, но та пристыдила ее:

– Что ты болтаешь! Мама – твой ангел на земле.

– Осуждаешь? Не понимаешь, да? – Аня приняла ее слова в штыки. – Между прочим, то, что у тебя хорошие отношения с мамой, заслуга твоей мамы, а не твоя! Будь она иной, неизвестно, что бы ты чувствовала и как бы себя вела!

Аннушка в слезах бросила трубку, забыв о выходе на работу. Черное одиночество вдавило ее в кровать.

Катя тотчас поделилась услышанным с мужем.

– Нужно обратиться к психиатру, – нахмурился Максим. – Вдруг Анюта унаследовала неуравновешенность и упрямство отца? Она опасна для себя!

– Удобно запереть падчерицу в психушку, да? – вспыхнула Катерина. – А то вдруг Анчутка домой вернется и будет под ногами болтаться? Отличная идея, да? Так вот за кого я вышла замуж!

Максим воскликнул, однако пряча глаза:

– Как ты можешь говорить это, ангел мой! Ты бесстыдна

и эгоистична. Неужели тебе плевать на дочь? Современная психиатрия далеко продвинулась. Медики успокоят ее и уберегут от глупостей. Страшно, как часто дети погибают из-за неразделенной любви!

– Ты думаешь, у неё любовь?

– А что еще может быть у невесты детородного возраста?

А ПОТОМ ЛЬЕТ ДЕВА СЛЕЗЫ

О следующем периоде жизни у Ани сохранились лишь смутные воспоминания, сухие, как газетные факты. Мать и отчим без предупреждения приехали к ней. «Чего это вы?» – безразлично хмыкнула Анна. Она чувствовала себя обессиленной и еле доплелась до входной двери. Увидев бледную, вялую, исхудавшую Аню, вошедшие многозначительно переглянулись.

– Ты рассталась с молодым человеком? – спросил отчим. – Мы хотим поддержать тебя.

– Вот что случается с кокетками, анчутка, – пожурила ее Катерина, и тонким голосом затянула свои прибаутки:

«Я ль тебе не говорила? Не ходи ты петь у елей, ты не пой на дне долины! Не сгибай так гордо шею! Белых рук не открывай ты! Белой груди не кажи ты! Стройным станом не хвались! Он кудрявую увидел – деву с длинною косою, что милее всех нарядных, всех, украшенных цветами! Ту, что держится так прямо! Ту, чье тело всех пригожей! Захотел он ту девицу... А потом льёт дева слёзы!»

– Ма! Ты, никак, называешь меня красивой? Никогда такого не слышала, – фыркнула Аннушка, но сердцем потянулась к матери.

Завладев вниманием Ани, Катерина уговорила ее съездить к психологу.

– Это на всякий случай, анчутка, – разъяснила она с притворной лаской. – Вдруг тебе станет спокойнее и веселее! Ты просто поговоришь с ним, как у себя в «Галактике».

Она помогла дочке натянуть джинсы и красный свитер, завязала ей кроссовки.

Аня не догадалась, что попала на прием не к психологу, а к психиатру. Тот ничем не выдал себя, потому что Катерина предупредила заранее: «Моя дочь угрожала собственной жизни. Она рассталась с любимым мужчиной. Разлука даётся ей тяжело. Пожалуйста, будьте тактичны».

Анна два часа просидела перед скучным respectableм мужчиной средних лет, считая мелкие родинки на его аккуратно побритых щеках, слушая бессмысленные, казалось ей, переливы низкого голоса. Ни доверия, ни интереса врач у Анчутки не вызвал, и она начала подшучивать над ним в надежде, что ему надоест бестолковый разговор, и он попросит ее уйти. На вопрос «собираетесь ли вы покончить с собой?» она с вызовом, но не всерьёз, бросила: да, при первой же возможности.

В конце приема психиатр заключил:

– Ваши напряженные шутки, Анна Кирилловна, и ваши сдержанные эмоции – это симптомы «замаскированной депрессии». Вы тратите огромное количество сил на то, чтобы удержать страдание внутри себя. На лице – улыбка, в жизни – успех. Но внутри желание умереть, не быть, оказаться в

темноте, в пустоте и вечном покое. Полагаю, это состояние зародилось в раннем детстве, когда у вас не было возможности открыться своим родителям.

Аннушка неожиданно заплакала. Руки ее и колени задрожали. Крупные слезы она утирала рукавом.

Врач выписал направление на госпитализацию и в коридоре Катерине повторил сказанное Анне.

– Вы хотите сказать, что я виновна в ее болезни? – обиделась та. – А ведь я сделала для нее всё, что было в моих силах. Знали бы вы мою прошлую кошмарную жизнь!

– Здесь нет вашей вины! – раздраженно махнул рукой врач, – пристально, однако, приглядываясь к посетительнице. – Это от вас не зависело. Вы продолжали семейную историю, – начатую вашей мамой. Но дочка чувствовала, что вы с трудом держитесь, и, если она будет плакать, плохо спать, болеть, произойдет катастрофа. С этого начались ее неприятности. В том числе любовь к не подходящему ей мужчине.

Катерина сердито хмыкнула, но внезапно тоже заплакала, почувствовав себя загнанной в угол. Пожилой муж ласково обнял ее, и она горячо зашептала ему на ухо жалобы из далекого прошлого. Врач нетерпеливо протянул Катерине направление:

– Дело сейчас только в этой бумаге! Депрессия Анны может стать хронической, если ее запустить. Во избежание осложнений, вашей дочери нужно подлечиться.

Анюта не слышала разговора и не воспротивилась, когда

мать и отчим усадили ее в такси и повезли в другую клинику.

– Побеседуем еще с одним врачом, хорошо? Вдруг он окажется лучше! – вкрадчиво предложил Максим, и расстроенная девушка не почуяла подвоха.

В мрачном здании Аннушку окружила целая компания врачей, они задавали те же вопросы, что и зануда с родинками.

– Извините, этот разговор мне не интересен, – Аня решительно поднялась с жесткого стула. – Я уйду. Такую скуку нагнали, хоть не живи! Пойду, что ли, утоплюсь, в самом деле!

Медики загородили дверь и спросили, согласна ли она остаться на некоторое время в больнице.

– Зачем? – удивилась девушка. Лишь в ту минуту она огляделась и поняла: кроме нее никто из присутствующих не шутит.

– Первичная анорексия... Депрессия... расстройство адаптации... острый невроз. – говорил молодой врач, оглаживая аккуратную черную бородку.

– Вы чего? – Аннушка заплакала от обиды. – Каждый человек имеет право расстроиться или пошутить. Какие еще болезни?

Ее затрясло от страха и возмущения, и медики предложили успокоительную таблетку. Аня приняла и обреченно спросила:

– Надолго?

– Нет. Ни о чем не тревожьтесь, – примирительно произнес бородач.

За решеткой

Две санитарки отвели новоприбывшую в уединенный белокафельный бокс с душем и железными шкафами, прикрученными к полу. У нее забрали телефон, сняли золотую цепочку, серьги и подаренное Друвисом кольцо. Затем ее тактично раздели, вымыли под душем, выдали цветастый халат и бордовые плюшевые тапки.

Аня мысленно выговаривала Катерине: «Бессовестная! Зачем ты меня отдала?! Разве ты никогда не теряла равновесие, не плакала, не была мрачной? Но никому и в голову не пришло отвезти тебя сюда, даже Кириухе! Расстраиваться, если горе, нормально для человека. Почему же ты посадила меня за решетку, словно буйную сумасшедшую? Чем я вам с Максимом мешала? Или ты всерьез считаешь меня анчуткой, от которой нужно избавиться?»

Аннушка растерянно оглядывала широкие зарешеченные окна, высокие потолки, просторные палаты, открытые, с огромными проемами без дверей. В каждой вдоль стен приутились узкие койки. В палате, куда сопровождающая доставила Аню, размещалось человек двадцать. Несмотря на открытые окна, там стояло зловоние. «Неужели это не кино, под которое я задремала дома, а моя реальная жизнь?!» — недоумевала Аня.

Женщины в палате вращали выпученными глазами, невнятно бормотали, пускали слюни. Аня зажмурилась: «Нет, нет, это – не со мной... Я не могу здесь находиться!» В отвращении ее стошнило, тут же с коек раздались визгливые крики. Присев, Анчутка поспешно утерлась полой халата, лицо обожгло слезами стыда.

Крупная рыжеволосая фурия лет тридцати пяти поднялась с кровати и шагнула навстречу Ане. Мелькнули ее ярко-оранжевые трусики и белая, почти прозрачная рубашка, красиво облежавшая высокую грудь. Ее ясное лицо не вязалось с больничной обстановкой. Она приветливо протянула руку: «Маргарита». Анна заметила, что соседки побаиваются острого взгляда фурии, ее близко посаженных, блестящих змеиных глаз. Интуитивно угадав в полуголой пациентке союзницу, она доверчиво пожала длинные пальцы: «Аня».

– Успокойся, выживем, – подмигнула Марго. – Расслабься. Я тут уже две недели. Привыкнуть нельзя, но перетерпеть можно, раз уж так случилось. Ведь отдельных санаториев для легких случаев нет!

– Страшно... – Анна покосилась на соседок.

– Освоишься. Возьми мою одежду, она чистая, – Маргарита изящно нагнулась и вытащила из прикроватной тумбочки шелковый халат апельсинового цвета.

– Я не верю, что со мной могло такое случиться, – прошептала Анчутка, благодарно прижимая подарок к груди. – Ты как сюда попала?

– А, глупо, – бросила Марго с досадой. – Сама пришла. Почувствовала, нервы сдают, сил нет! В жизни полный крах. Хотела убежать. Лучше бы в Таиланд полетела! А отсюда раньше срока не выйти! Был в соседней палате еще один доброволец, вроде меня, истерик и ипохондрик лет двадцати пяти. Тоже решил подлечить расшатанные нервы. Его мать работает в мэрии, ну и устроила по знакомству: «Пусть сыночка отдохнет». Не знала, чего затеяла! Через неделю у парня галлюцинации начались, и она забрала его домой. Ей-то всё можно! А ты здесь по какому поводу?

Аннушка потупилась:

– Любимый бросил. Больно очень. Жить не хотела. Не ела. Но умирать я не собиралась! А мать и отчим устроили эту командировку. Не понимаю, зачем.

Марго сочувственно взяла ее за руку:

– Да, рвать отношения сложно. Я тоже рассталась с мужем, но сама, поэтому сильной боли нет. Но я видела здесь женщин после разводов. О! Им всем ставят «депрессию», с мудреными дополнениями. У некоторых настолько сильное горе, что они умоляют врачей дать им электрошок! Говорят, он ненадолго приводит в чувство! Со стороны эта процедура выглядит жутко. Будто припадок эпилептический, судороги и пена изо рта. Что же нужно пережить, чтобы захотеть этого?

– Я их понимаю, – задумчиво протянула Анчутка. – Электрошок – это вместо прыжка с крыши! Они переживают очи-

щение смертью, но остаются в живых. Это нужно взять на заметку...

– Перестань! Ты решила помочь отчиму завладеть квартирой? – презрительно бросила Марго. – Пойми, горевать из-за потерь, оскорблений, предательств, срываться от усталости – это нормальные человеческие реакции! Принимать против них лекарства – все равно, что употреблять наркотики, или впадать в запой. А электрошок – это затажное падение в пропасть! Венец мучений, когда не помогли лекарства! Постепенно человек вовсе теряет разум. Врачи объявляют близким: «Мы сделали всё, что могли...» А некоторым родственникам только того и надо. Ладно, чего болтать! Лучше переоденься и причешись! А то выглядишь под стать сумасшедшим. Запомни: женщина должна всегда оставаться женщиной! – Маргарита протянула Анчутке маленькую, круглую щетку для волос.

Блузка и рыжие трусики востроглазой соседки смотрелись в больничной палате нарядно и празднично. Стоя рядом с ухоженной Марго, Аня вспомнила, что несколько дней не смотрелась в зеркало. Ей вновь сделалось стыдно. Отвернувшись к стене, она проворно сменила одежду. Затем распустила пучок: ее длинные кудрявые волосы скатались, подобно валенку.

– Ну, вот, займись делом, – одобрительно засмеялась Маргарита. – Грешно пренебрегать такой красотой! – Она соскучилась по вменяемым собеседникам и не умолкала ни на ми-

нугу. Аннушка содрогалась от ее рассказов, но с благодарностью слушала, уже не ощущая себя одинокой.

– Вот там, у окна, смотри, смотри, – трепала ее по плечу Марго, – прилизанная девица тербит подушку! Ей кажется, что это – учебник физики, и она страницы переворачивает. Пострадавшая от учебы отличница!

– Да ладно! – недоверчиво протянула Аня, едва не забыв о собственных горестях. Она отложила щетку и, подойдя к миловидной девушке, тронула круглое плечо:

– Привет! Давай познакомимся!

Девушка демонстративно заправила за оттопыренное ушко прядь русых волос, не переставая глядеть в одну точку и беззвучно шевелить бледными шершавыми губами, при этом она механически перебирала складки мятой наволочки.

– Что ты делаешь? – не отставала пораженная Аня. – Ты вправду читаешь?

– Уйди, не мешай, у меня сессия, – зашипела девушка и замахнулась увесистым кулаком. Ее выпученные глаза не видели ни Аннушки, ни Марго, перед ней плыли совсем иные картины.

– Надоели, вы, серое быдло! Алкаши поганые! Вам ничего в жизни не надо, ненавижу вас! Я не стану такой, как вы!

Аня в смятении отпрянула. Маргарита покровительственно обняла ее за талию:

– Бедолага живет в своем мире. Жаль её, но она не с на-

ми. Старайся не обращать внимания! А вон, рядом с отличницей, бабуся в черном – якобы экстрасенс. Работает за еду. Иногда даю ей зефирки и она предсказывает будущее. Говорит, что в 2060 году люди соберут всё золото мира, сплавят в единый шар и подвешат в воздухе, как экспонат. Потом на трон взойдет император! В другой раз бабушка извещает, что на мне много энергетической грязи и берется отчистить её за «вкусняшки»: смотрит мне в глаза и делает вид, будто пьёт с меня нечистоты.

«Зачем тебе это?» – поморщилась Аня.

Маргарита скорбно развела руками:

– Хотелось с кем-то поговорить. А что такого? Помешанный человек остается личностью. Ему тоже нужно общение. Думаешь, я оказываю милость старушке? Нет, это она считает меня отсталой и нисходит ко мне с высоты своих знаний!

Марго много пережила за последние две недели и говорила о жутких вещах с хладнокровием телевизионного диктора. Соседи по палате уже не удивляли ее.

В углу палаты лежала привязанная к кровати женщина и рыдала в голос без остановки. Марго пояснила:

– Эта дама сказала, будто ее мужа и сына в один день убили неизвестные изверги, а она свихнулась от горя. Но вчера полиция выяснила, что она сама их отправила на тот свет. Сегодня она поедет в отделение отбывания наказаний. Там режим строже нашего, и публика пострашнее.

Ее резко перебила другая соседка с аристократическим

профилем, пожилая, очень полная. Женщина громко заговорила о политике, обращаясь к кому-то невидимому. Ее голову украшал ярко-синий берет, глаза горели революционным пламенем. Оглушительный скрипучий голос разбудил пациентку, лежавшую лицом к стене. Растрепанная, темно-волосая, она выскочила на середину палаты, сверкая белками глаз, и загромыхала раскатистым басом, будто из преисподней: «Тыыы сдоохнешь!»

Перепуганная Аня бросилась прочь из смрадного помещения, похожего на театр жутких абсурдов.

– Куда ты, Анька?! – закричала Маргарита. – Не бойся! Она полагает, что изгоняет дьявола! Она сейчас успокоится!

Аня не слушала, приостановилась лишь в коридоре, заметив проемы в другие палаты и столовую. Пройдя дальше, она обнаружила туалет и понадеялась, что, укрывшись в кабинке, переведет дух. Но увидела там лишь низкую стеклянную перегородку, за которой находились унитазы и душ. Уединение здесь запрещалось, санитарки неустанно следили за пациентами. «Чтобы избежать самоубийств и всяких шабашей», – пояснила пробежавшая мимо медсестра. На кафельном полу, у окна, расположились курильщики. Вокруг них стоял синевато-серый туман, принимавший новые потоки дыма. Некурящая Аня побрела назад в коридор и уселась возле стены на пол. Халатик Марго был тонок и короток ей. Девушка начала мерзнуть. Вспомнилось детство, их с Анисьей безрадостная спальня и слова не унывавшей сест-

ры: «Везде люди живут. И в школе, и в тюрьме. Ждут освобождения...» – «И в психушке тоже, – добавила Аня. – Ох! Как ни странно, повсюду жизнь, и мне придется как-нибудь продержаться».

Несуразность положения породила в ней твердую цель – выдержать заточение и выйти на волю в здравом рассудке. Аня уже не думала о своей разбитой любви и нескладной жизни!

Мимо размеренным шагом прогуливались пациенты. Из понурого ряда выбилась шустрая невысокая девушка и направилась к Аннушке. Она была коротко острижена и одета в широкие шорты. Издали Аня приняла ее за мальчика, и мысленно назвала Чижиком.

– Хелло, красотка! Добро пожаловать в королевскую резиденцию! – звонко, по-свойски брякнула девушка. – Чего так кисло уселась, будто не рада обществу?

Ее лицо было слегка перекошено, отчего выпуклые серые глаза казались разной величины.

– Только пришла, – насторожилась Аня. – Страшно...

Чижик засмеялась, обнажив редкие мелкие зубы:

– Почему боишься?

– Вот, смотрят на тебя все эти больные, напряженно так, изучающе. – съёжилась Анчутка. – Ты словно видишь, как тайные мысли шевелятся в их черепах. И не ясно чего ожидать.

– Здесь есть ангелы-хранители – санитары, – продолжала

смеяться Чижик. – Они тебя защитят.

И полюбопытствовала:

– А ты тоже с суицидом?

– Написали, что да, – непонимающе пожала плечами Аня. – Но я не собиралась.

Чижик насупилась:

– Ну, тебе, значит, легче. Освободишься, набьешь морду кому следует, и будешь жить в свое удовольствие!

«А что, правда! – неожиданно для себя усмехнулась Аня. – Надо жестко, без компромиссов, выбросить из жизни всех отравляющих ее гадов, все лишние воспоминания! Друзей и родителей.

Из вежливости спросила:

– А ты почему здесь оказалась?

Анчутке была безразлична судьба Чижика, да и остальных обитателей больницы. Хотелось спрятаться и никого больше не видеть. Но избежать общения было невозможно.

– Сплошной романтизм, – сплюнула собеседница. – Передозировка психоактивных веществ! Я баловалась, как все. Понравилось. Но за полгода я умудрилась докатиться до психоза. В тот день я всерьез думала утопиться. Надела самое красивое из бирюзового кружева платье и поехала на Неву. Воображала, как заахают люди, когда я полечу вниз! А случайный эстет снимет меня на камеру, и выложит видео в сетях. Будет множество обсуждений, «лайков»... Очнулась – сухая на остановке. Кругом темнота, в голове пустота. Пона-

чалу я даже человеческую речь не могла понять. Страшно. Подошёл полицейский патруль, вызвали «Скорую» и привезли меня сюда. Я даже обрадовалась! Врачи выяснили, живу я на Петергофском шоссе, работаю в поликлинике в отделе статистики, помечаю, чем у пациентов болезни кончаются: выздоровлением, ремиссией или смертью. Не худшее занятие, между прочим. Хожу в медицинском халате. А ведь могла оказаться фасовщицей товара в ночь в захолустном магазинчике. Или шалавой. Я ничего о себе не помнила!

– А сейчас? – промямлила Аня, вжавшись в стену. Чижик вновь напугала ее. Только что Анчутка жаждала стереть память о Друвисе и родителях, а увидев мир глазами потерявшей память девчонки, уже не хотела жизни в неизвестности, доверяя чужим словам о своем прошлом.

– Ко мне память не возвращается, – посетовала Чижик. – Я помню всякие науки, и даже испанский язык! А о себе почти ничего. Лишь последнее время перед лечебницей, и квартиру. Ориентируюсь по ощущениям. Скучно мне здесь. Кино раз в неделю, книг читать не дают, потому что литература для нас – рассадник зла, вызывает слишком много фантазий и мыслей! А я, выходит, ее люблю. Ладно! Зато здесь ни о чем не надо заботиться. Кормят паршиво: перловка, запеканки с крахмалом. С утра заставляют убираться. Но я ощущаю себя на отдыхе. Значит, меня сильно допекла прежняя жизнь.

– А что ты будешь делать потом? – распереживалась

Аня. – Ты бросишь свои психотропные вещества?

– Какая разница! Вряд ли я проживу долго. Врачи говорят, что по части суицида я – хроник. Слезу с их таблеток и снова начну топиться.

– Почему? – удивилась Аня: эта особа не казалась сумасшедшей. – Тебя никто не бросил, у тебя никто не умер, и у тебя есть дом. Тебя даже работа устраивает! Ну, нет воспоминаний и бог с ними. Значит, было что забывать.

– Ой, не знаю, – нахмурилась Чижик. – Я! Не вижу! В жизни! Смысла! Люди говорят: роди ребенка – появится. Фальшь! Я буду мучиться ради него, а он тоже утопится потом. Всё, отстань. Пошли в туалет, познакомлю тебя с обитателями королевства.

Аня, морщась, вошла за ней к курильщикам.

– Напрочь потерянных больных в нашей компании нет, большинство – шизофреники, – буднично изрекла Чижик. – С ними можно общаться, но лишь до момента, когда они начнут чудить. Потом – затыкай уши, закрывай глаза. Не вбирай в себя то, что видишь и слышишь.

Санитарки оставили Ане пачку вишневой жвачки. Она раскрыла ее и протянула курильщикам:

– Угощайтесь.

Больные радостно зачавкали, но через минуту забыли Анину доброту. Мужчина лет тридцати шести, мускулистый, с широкой волосатой грудью, предупредительный и обаятельно улыбающийся, вдруг пылко заговорил о революции.

Он считал себя политическим оппозиционером и собирал националистскую партию.

Чижик открыла форточку. Революционер, вдохновленный ворвавшимся в комнату ароматом шиповника, влез на широкий подоконник и почувствовал себя на танке, выступающим перед народными массами.

– Нас двести человек по всей стране! Присоединяйся к нам, – начал он убеждать Анчутку. – Выйдем отсюда и сразу со свежими силами начнем действовать!

Стараясь не обидеть больного, Аня помотала головой:

– Я уже состою в другой партии, самой главной в стране.

– Так выйди оттуда! – Он смотрел на девушку горящим взглядом. – Исправь ошибку!

– Не слушай его, – прошелестел упитанный рыхлый парень в клетчатой рубашке с бутылкой «Кока-колы». Он все время ёрзал и скакал. Выглядел он лет на двадцать, но прожил около тридцати пяти. – Никакой он не политик! Этот спортсмен приехал из Ростова-на-Дону в Москву на лыжах – захватывать власть! Полежал там на Потешной улице, освободился и к нам в Питер заявился. Тут его снова повязали! У него мания – захватить мир!

Предводитель в озлоблении прыгнул с подоконника на клетчатого и стал отбирать «Кока-колу», любимый напиток, который тот долго выпрашивал у посетителей с воли. Парень проворно плюнул в бутылку, чтобы никому не повадно было на нее покушаться.

– Сам ты больной, размазня! – приглушенно зарычал «партиец», чтобы не привлекать внимание санитаров. – Вы, питерские, ни на что не годитесь! Сидите на всем готовом и жизни не знаете! Вешаетесь, топитесь, колитесь от нечего делать! А я? Я, в ростовской общаге с тараканами, без души, должен был на радостях танцевать «джигу»?! Имея тупую работу и низкий социальный статус? Вам не понять, что при такой жизни накатывает абсолютно нормальное желание захватить мир!

Эти слова возмутили Анчутку, отвлекли от собственных горестей, и она забыла, что говорит с больными людьми.

– Мы, питерские, рождаемся в готовых здешних квартирах, и попусту ноем, да? – вскричала она. – А вы, увидевшие больше бытовой мерзости, полагаете, что лучше нас знаете жизнь? И вы думаете, что здесь нет общаг с тараканами, все люди живут во дворцах, что здесь все работы хороши, и бурлит настоящая жизнь? Как бы не так! Когда у тебя есть жилье, работа и приличный статус, ты еще яснее видишь зияющую пустоту, серую стену тупика, в который уперся! А бежать из Питера некуда, ведь в сравнении с ним даже Париж покажется скучным. Мы сознаем, что ни в чем нет смысла, и лишь поэтому ноем. Те, кто убивается из-за квартиры и статуса, имеют хотя бы иллюзию смысла жизни, как свет в окне, за которым, на самом деле, кроются пустые бетонные стены. Иногородние знакомые, приезжая, год от года застают одну и ту же картину: дождь, стакан вина, депрессия и жало-

бы на то, что ничего не меняется. Им кажется это диким. На самом деле, они просто не ведают правды! Возможно, Питер чем-нибудь лучше Ростова, не знаю, не ездила, но настоящей жизни у тебя не будет нигде, если она не сияет внутри!

Больные притихли, напряженно слушая ее. Чижик впи- лась в Анчутку глазами, приоткрыв рот. Но миловидная молодая женщина с короткими каштановыми кудряшками вдруг начала чутко постукивать себя пальцем по виску, будто прислушиваясь к разгулявшемуся в голове эху. Потом пре- рвала Аню и, извиняясь, попросила тишины:

– Мне нужно привести в порядок мысли.

Чижик схватила ее за ворот фланелевого халата и грубо вытолкала вон:

– Человек дело говорит, а ты!

Потрясенная Аня вышла следом, но никто этого не заме- тил.

Голубятникова побоялась возвращаться в палату, которая выглядела мрачнее уборной. Она села у стены в коридоре и произвольно заплакала. К ней подскочила взволнованная и по-прежнему полураздетая Марго.

– Прекрати реветь, Анька, не то тебя привяжут к кровати и обколют наркотой.

Пока запуганная Анчутка всхлипывала, стараясь взять се- бя в руки, Маргарита закрывала ее собой от санитарок и вну- шала суровым шепотом:

– Чем жизнерадостнее ты будешь выглядеть, тем быстрее тебя отпустят. Не жди, что врачи поймут свою ошибку! Раз вляпалась сюда, месяц отлежишь точно. Тебя выпишут, только если сочтут, что ты «выздоровливаешь», а это нужно доказать!

– Но как мне быть рядом с безумцами? Я не могу! – всхлипывала Аня.

Марго вздохнула:

– У тебя нет выбора. Если хочешь на волю, значит, сможешь! Береги нервы. Всё обойдется. Тише, тише, Анька.

– Не называй меня Анькой, – рассердилась Анчутка. – Так звала меня моя мать. Вместо того, чтобы приласкать...

Марго почувствовала, что Анну вновь душат слезы, и обняла.

– Я буду звать тебя Анечкой, я стану твоей лучшей подругой. Не плачь, солнышко!

– Ладно, расскажи правду, как попала сюда, – смущенно буркнула Аня, прижимаясь заплаканным лицом к ее плечу.

Марго вдруг мечтательно улыбнулась:

– Через Египет.

Египетское замужество Марго

Разуверившись в парне, с которым встречалась три года, я решила посмотреть мир. Захотелось сменить обстановку, чтобы разочарование и пустота не стали чересчур удручающими.

Некоторые снобы пренебрежительно бросают, мол, Египет посетят в последнюю очередь, ведь там уже побывали все, кому не лень, и делать там нечего. Но мне хватило денег только на тур в Египет. Африка быстро восстановила мои душевные силы, окунув в мир песков, морей и своих безумных традиций. Я ездила на экскурсии в Каир и Александрию, в открытое море, в пустыню на квадроцикле, и вдруг ощутила себя по-настоящему счастливой, свободной и красивой женщиной! Словно обрела новую полнокровную жизнь. Былые неприятности показались пустяками. Мне бы и вернуться домой в тот самый день! Но я не подозревала, на что способно мое глупое сердце.

В моей комнате убирал большеглазый спортивный красавец, не знавший, кроме родного арабского, ни одного языка. Он молча любовался моими рыжими волосами, статной фигурой, и каждый день оставлял на подушке цветы. Я умиленно вздыхала, не зная, как выразить свою нежность, и при встрече гладила Мизо по плечу. Платоническая симпатия со вздохами и междометиями продолжалась неделю. Рядом с

ним я трепетала, однако не придавала значения такому знакомству. Когда молодой человек узнал, что путевка закончилась, и я улетаю, он сделал отчаянный жест: усыпал постель красными лепестками, а ночную рубашку выложил в виде сердца, окружив ее полотенцами, свернутыми в виде фантастических птиц. Ах, что говорить! О такой романтике мечтает любая девушка!

Я не смогла уйти от египтянина и стала его женой. Языковой барьер и разница культур нам не мешали, однако через год счастливого замужества я поняла: участь бедной арабской женщины мне не подходит, и убежала на родину.

Уходя от Мизо, я испытала дикую душевную боль.

«Почему загадочная русская красавица меня бросила? Почему она уехала в холодную Россию? Я жил ради нее и видел: она со мной счастлива! Чем же я и наша страна ей не приглянулись?» – убивался Мизо, ища утешения у друзей и братьев, а те надоедали мне в Фейсбуке и Скайпе. Пришлось всю их компанию заблокировать.

Анчутка подняла голову и с удивлением всмотрелась в серые, змеиные глаза Маргариты.

– Ого! Вижу, тебе совсем не жаль египтянина!

– А что его жалеть? Арабы любят светлые волосы и белую кожу, но, главное, женясь на иностранках, они повышают свой социальный статус. Для нас – всё наоборот! Супруга Мизо может общаться лишь с его родней, с парой его приятелей и их семьями. У жен бизнесменов и профессоров круг

знакомых почти такой же. Они живут в престижных районах, где есть салоны красоты, магазины, спортивные городки, пекарни. Женщины не высовываются за пределы владений. Выходя замуж, я не понимала, как трудно мне будет в Египте! Я не смогла принять ислам и подчиниться чужим традициям, не смирилась с хиджабом и домашним затворничеством. Арабы любят покорных жен. Но мне не под силу признать, что мое место на кухне! Подчиниться не только мужу, живущему по законам шариата, но и его матери! Я не согласилась, что дети будут принадлежать их семье, в случае развода останутся с ними, и старалась не допустить беременности.

Вечерами я ждала Мизо на скромный ужин, пока тот курил с приятелями кальян, и оплакивала свои разбитые мечты. Экзотика уже не привлекала меня. Восторженные ночи быстро закончились просто потому, что невозможно всю жизнь находиться на пике блаженства. И жизнь сделалась несносной. Больно было разрывать привычные, сладкие объятия! Но моя любовь не выжила в чужой стране. Участь бедной мусульманки не имела ничего общего с красивой любовью. Свой новый дом я посчитала тюрьмой, а замужество – бессмысленным рабством.

– Но разве славянское замужество лучше? – изумилась Аня, вспомнив песню: «Любовь – это что-то вроде телерекламы, а в браке – совсем другая жизнь...» – У нас так же... Выйти замуж – все равно, что продаться в рабство! Как бы

мило это ни было обставлено.

Маргарита вздохнула:

– Мне еще повезло. Это был лучший вариант жизни с арабом. Другие мужья обижают и бьют своих жен, это обычное дело.

– Как будто у нас нет таких негодяев, – пожала плечами Анчутка. – Но я поражена твоей историей! Ты была счастлива, и муж любил тебя.

– Брось, такие браки не редкость. Часто у египтянина недостает денег на калым и свадебные подарки. Женский пол для него недоступен. И тут появляется красивая, деликатная и влюбчивая россиянка! Не меркантильная. Тоскующая по вечному лету и теплomu морю, по нежным ухаживаниям и серенадам! Само собой, жаждущие сердца находят друг друга, но не уживаются.

Аня смутилась.

– Не обижайся, но я, честно, не понимаю, как ты могла с ним жить. Я бы не стала. Ведь это другая раса.

– Любые размышления несущественны, когда захватывает страсть, – усмехнулась Марго. И мрачно добавила: – Куда сложнее разобраться с духами пустыни и Красного моря, которые, раз захватив твою душу, уже не отпустят никогда! И не гляди на меня, словно на сумасшедшую – я знаю, что говорю!

Анчутка отвернулась, подумав с сожалением: «Увы, подружка явно того». Но Маргарита продолжала, не обращая

внимания на Анино недоверие:

– Обнявшись с сыном Египта, и породнившись с египетским ветром, ты уже не можешь покинуть эту страну. Ты улетаешь на родину, но душа твоя расплавлена египетским солнцем, в ней застряли песчинки, морская соль, диковинные моллюски, и духи пустыни сидят у тебя под кожей. Они пытаются тебя, твоей душе тесно в привычном теле, и все вокруг омерзительно. Я не могла работать, общаться с людьми, и осознала, что с обычным русским парнем уже не сойдуся. На улице при виде слякоти начиналась истерика. Слезы невозможно сдержать. Я постоянно рыдала от тоски по губам Мизо, но, скорее, меня звал ярким светом милый Египет. Он въелся в меня навсегда.

Я поняла, что гибну и не справлюсь со своим горем. Пришла к врачу. Ах, теперь я вижу: поездка в Таиланд принесла бы мне больше пользы! Я бы увлеклась новой экзотикой.

Анчутка глядела на Марго широко раскрытыми глазами, будто страшная дверь психушки стала вратами в новый мир удивительных, более интересных и ранимых людей, чем все, кого она встречала раньше.

Осторожно: падает потолок

Перед зарешеченными окнами играли краски лета, а в больничном коридоре пестрели отрешенные лица. К Анчутке и Марго приблизился импозантный, синеглазый молодой бородач.

– Это жутко, девочки, когда кто-нибудь другой собирает части твоей реальности за тебя! Жутко, когда ты чудом переживаешь катастрофу, а потом узнаешь, что она тебе помешалась! Я устал. Энергия утекает в пустоту. Я хочу любви и счастья, хочу жениться. Но, как обезболивающее снимает боль, не исцеляя, так и наши таблетки лишь затуманивают разум. Здесь мы не в состоянии здраво взглянуть на проблемы. Скорее всего, мы не решим их никогда! Мы просто не вспомним, что нас расстраивало! Я уже не понимаю, что вокруг – правда, а что – иллюзии.

Больничная роба подчеркивала изящество точеной фигуры, длинная борода была заплетена в замысловатую косу.

– Он – скрипач. Его избили на улице, – вдохновенно и с жалостью шепнула Маргарита. – Он такой удивительный, такой...

– А-а-а-а-а, земля трясётся – ложись! – вдруг, закрыв лицо ладонями, прокричал мужчина и рухнул на пол.

– Осторо-о-о-жно: потолок падает, – добавил он жалобно, уже тише.

Маргарита склонилась над ним, нежно приглаживая длинные русые кудри, выбивавшиеся из «хвоста» на затылке.

– Ничего страшного, котик, все остались живы, – ласково, но со скорбным выражением лица произнесла она. – Беда миновала, котик.

Музыкант уткнулся лицом в ее голые колени.

– Ты – мой ангел, Марго...

Подбежали санитары и увели музыканта в палату.

– Сейчас его обколют, – проворчала Маргарита. – Может, со мной он бы сам оклемался, а? Кто сказал, что психа нельзя любить? Да, он плутает во мраке, и что ему теперь, не жить? Попробуй найти того, кто полюбит твои недостатки, твои слабости, примет всех твоих демонов. Ту личность, что остается, когда падают маски! Пугающее зрелище, правда? Мизо все это не видел и не понимал, потому что не говорил по-русски. Остальные утверждают, будто понять меня невозможно. Все, кроме моего скрипача!

– Ого, – опешила Анчутка. – Ты опять влюблена?!

Марго, просияв, мечтательно прикрыла глаза.

– Позавчера ночью я проснулась из-за того, что он стоял рядом и смотрел на меня. Пробрался тихо, никто его не заметил. Увидев, что я проснулась, он поцеловал мою руку. Это дико взволновало меня! Даже не помню, как у нас всё случилось.

– Всё?!

– Да, – помрачнела Марго. – Но это не вариант для жизни,

и мне заранее грустно. Я не умею относиться к любви как к развлечению. Это – моя беда.

– Это – беда всех полноценных женщин! – выпалила Анчутка. – А наказали его обидчиков?

– Да. Но, как видишь, уже ничего не исправить.

– А вдруг – все-таки? Ведь у него – травма, а не шизофрения. – с надеждой протянула Аня.

– Ты видела, он подошел ко мне, разволновался, и от этого начался приступ. Что, если «в мирной» жизни он начнет так же падать? «Потолок, землетрясение.» – А мне нужно рожать детей! Хотя бы одного! У меня их еще нет! Мне нужен надежный муж. Хотя, кто знает! Может быть, после. Я заберу его к себе в дом!

– А чем закончилось ваше свидание? – у Ани загорелись глаза. – Он смог незаметно уйти?

– Да! Когда я очнулась, его уже не было, и я расплакалась, словно он меня бросил... Лишь потом вспомнила, что здесь нельзя вместе спать.

Пришлые голоса

Несколько раз в день пациенты выстраивались в холле в очередь за лекарствами. Дежурная медсестра обыденным тоном задавала им один и тот же вопрос: «Ну, как дела с «голосами?»»

Первый раз Анчутка растерялась: «Какими голосами?» Та усмехнулась, а стоявшая рядом старенькая санитарка дотошно проверила, приняла ли Аня таблетку: осмотрела ее рот, попросила показать язык и под ним, ощупала складки халата.

На вопросы о голосах пациенты отвечали по-разному. Одним странные сущности рассказывали анекдоты, других – оскорбляли. Третьим приказывали: вставать или лежать, обедать или нет. Но могли потребовать устроить пожар, что-нибудь сломать или кого-то убить. Один из пациентов запомнился Анчутке надолго: «голоса», явившиеся ему дома после застолья с алкоголем, приказали выпрыгнуть из окна девятого этажа. Он упал животом на заборные колья, но чудом остался жив. Теперь его лицо и тело сплошь состояли из шрамов, но всё же он ходил на своих ногах, с костылём. Больные прозвали его Франкенштейном.

Дарить свет

В первую ночь в Аниной палате повесилась пациентка – та, что якобы видела дьявола. Разбуженная криками, Анчутка принялась размышлять: как больная умудрилась это осуществить, и что делают после смерти души сумасшедших людей. Но изнеможение взяло верх, и она уснула, не замечая шума. Следующие несколько дней врачи подбирали для Ани лекарства, но побочные эффекты проявлялись чересчур явно. От одних таблеток у Анчутки сковало шею, и она не могла двигаться. Девушка перепугалась, но доктор заверил: «Это быстро пройдет». От других возникло чувство, будто всё ее тело излучает теплый, радужный свет. Остро захотелось дарить его всему миру! Однако эта радость обернулась высокой температурой и ломкой. «Я здесь, Анечка», – ласково говорила Марго, стоя у кровати, и голос подруги помогал девушке сохранять спокойствие. Наконец, врач назначил пилюли легкого действия, витамины «В», и больше не посещал их палату.

Посудомойка

Больничная обстановка угнетала. Анчутку пугал вид людей с поврежденной психикой, житейские проблемы подавляли не меньше. Она пренебрегала больничной едой, с опаской мылась, брезгливо смотрела на казенную постель, воображая, что за пациенты спали там до нее. В семь утра санитарки будили подопечных и по очереди отправляли в уборную, потом взвешивали и вели на завтрак.

Анчутка не верила цифрам весов: поначалу те показали ей пятьдесят один килограмм, а затем сорок девять. «Я уменьшилась почти в два раза? Что за небылица! – возмущенно говорила она санитаркам. – Не вздумайте записать это в журнал! Ваши весы поломаны».

В столовой Аню усадили вместе с другими «анорексичками» за отдельный стол, на видное место. Соседки боялись есть, поэтому санитары следили, чтобы они съедали объемные порции каши на молоке со сливочным маслом, хлеб и вареные яйца. Аннушка ничего не имела против пищи, и захотела вновь немного пополнить, заметив, что кожа перестала быть упругой, волосы сделались сухими и ломкими, а грудь – маленькой.

– Ешь, – заговорщицки округляла глаза Маргарита, – не то в расцвете лет превратишься в старушку. А еще раньше

тебе придется постричься. Неужели тебе не жаль роскошные локоны?

– Конечно, мне нужно питаться, – грустно повторяла Анчутка. – Но как? Едва я подношу ложку ко рту, к горлу подкатывает тошнота. Меня рвет, но я изо всех сил зажимаю рот, стараясь скрыть это от санитаров. Пытаюсь глотать, но желудок тотчас сводит от боли! Я терплю изо всех сил, потому что врач сказал: «Ешьте спокойно, Аня: ваши органы здоровы! Они не могут болеть!» Но я не в состоянии выдержать больше трех ложек...

Аня закрывала лицо руками и плакала.

У соседок-анорексичек больничный рацион вызывал панику. «Садисты! Во что я превращусь из-за вас?» Они скандалили, прятали еду и вызывали рвоту, засовывая в рот пальцы, из-за чего получали тяжелые психотропные лекарства. Анчутка искренне пыталась есть, однако большая часть ее порции всякий раз оказывалась на скатерти. Поначалу санитары ругали ее и вызывали врача. Он объяснил, что организм депрессивной пациентки тошнотой отвергает действительность. Поэтому, поощряя ее усилия, медики стали хвалить Аnię за каждый проглоченный ломтик. Чувствительная к доброте девушка начала успокаиваться, организм уже не так рьяно отвергал пищу.

Глядя на соседок по столу, Аня вспоминала о Друвисе, его восхищении худобой, и содрогалась, сознавая, до чего

себя довела. Ведь она принимала его слова за истину, когда он всего лишь глупо шутил. Поэтому раньше после еды, боясь пополнеть, она вызывала у себя рвоту или принимала сильное слабительное. Потом у нее болело сердце. Вместе с исчезновением Дривиса исчез и страх еды, однако из-за душевного горя легкий недуг, сделав зигзаг, перешел в новую форму, когда хорошо поесть, даже при желании, сделалось невозможным. «Вот бы тебя завлечь в эту полупрозрачную компанию, папаша, – представила Анна. – Что бы ты сказал тогда? Нет, тебе бы здесь никто не понравился!»

Кончалась больничная трапеза одинаково: маленький, подвижный человек средних лет, уроженец Ташкента, деловито набивал карманы черным хлебом. Медсестры выбрасывали его запасы, а он кричал о неприкосновенности частной собственности, вставал в боевые стойки и махал руками. Санитары забирали буяна и привязывали к кровати.

После завтрака Анчутка лежала под капельницей, принимая питательные растворы, а днем начиналась общая трудотерапия: мытье коридоров, палат, посуды и туалетов. Тех пациентов, кто отказывался работать, дежурная сестра отмечала в журнале, и бунтовщики получали добавочные лекарства. Скромную и красивую Аннушку медсестры жалели за растерянно-смиренный вид, и приставляли ее только к мытью посуды.

Через несколько дней в лечебницу поступила двадцатилетняя блондинка с анорексией. Сквозь полупрозрачную, подвисавшую, похожую на кисею кожу лица по-старчески проглядывали линии черепа. Почти исчезнувшее тело едва угадывалось в болтавшемся на острых плечах казенном халате. Гордо подняв голову, она заявляла: «Я нереально красивая! Я горжусь моим весом и тем, как выгляжу!» Если кто-то пытался возразить, она язвительно бросала: «Не завидуй, жирная страхолюдина!» Еду исхудавшая барышня выплевывала, а если санитары заставляли ее что-нибудь проглотить, хрупкое создание превращалось в агрессивное чудище, которое им приходилось связывать.

Потом на Аниных глазах умерла двадцатисемилетняя украинка. Она выглядела худой, но не чересчур, до гордой блондинки ей было далеко. Однако дома у нее остановилось сердце. Муж сделал искусственное дыхание и вызвал «Скорую». Врачи выяснили, что его жена изнуряла себя рвотой, долгими тренировками, и у нее два года не было месячных. Девушку привезли в психиатрию. Она слабо улыбнулась Аннушке и сказала: «Я очень устала. Хочу поспать...» – Легла на соседнюю койку и умерла. Лишь слабый хрип донесся из ее горла, словно она пыталась прокашляться. Анчутка очумело смотрела, как быстро коченеет тело вновь прибывшей, как меняется цвет ее лица, становясь безжизненно-желтым. Яркая молодка, словно заколдованная, оборачивалась бессмысленной куклой.

Страшное превращение захватило Анну, и она за руку притащила в палату Чижика:

– Посмотри, хроник суицида, на свое будущее. Это – как ворожба злой ведьмы. Каждая минута отбирает цвет и подвижность кожи. Всё, что делало тебя человеком. А ведь это часть нашего бытия! Так кончается жизнь.

Склонив голову набок, Чижик оценивающе глядела на труп.

– А что, – заметила она, – очень даже красиво. Обворожительный последний аккорд! Такой не придумаешь, не сыграешь. Почему бы и нет! Были бы зрители.

Внезапно она побелела и осела на пол.

– Боже, я вспомнила! Театр! Да, он был моей жизнью! До поликлиники, до смертей и ремиссий. Ну почему, почему меня выгнали?!

Марго шалым взглядом долго наблюдала за троицей и рыдалась, бросившись лицом на подушку.

Вошли дюжие санитары. Поймав прояснившийся взор Чижика, они подняли ее на ноги и отвели к лечащему врачу. Затем завернули окоченевшую украинку с головой в простыню и унесли, как ненужную утварь. После вскрытия дежурная медсестра рассказала девушкам: «Организм нашей покоенки истощен, органы износились, и спасти ее было нельзя». В ту минуту перед Аниными глазами вновь скользнул образ «латышского папы», и вызвал столь сильное отвращение, словно Друвис был виноват в бедах всех пациентов. «Из-

за таких, как ты, извращенцев, умирают невинные люди!» – прошипела она. С того дня Анчутка ни разу не пожалела о разлуке, и перестала думать о смерти.

– За что вы меня здесь заперли? – посетовала Аня на врачебном осмотре. – Иногда здесь бывает интересно, и всё-таки я хочу домой! Я не теряла память, не бегала ни за кем с топором! Я не слышу неведомых голосов! У меня нет ничего общего с вашими пациентами! Настроение можно поправить и на свободе!

Доктор лет пятидесяти пяти, рыжебородый иудей Иосиф Самуилович, сдержанно ответил:

– Кроме опасности для окружающих бывает опасность для самого себя. Лучше, Анна Кирилловна, немного полежать здесь, чем навсегда лечь на кладбище. Поверьте, вы еще будете счастливы, и пригодитесь этому миру.

Через месяц медики вновь собрались на совет, и отпустили Анчутку восвояси.

Встречать ее никто не пришел.

Бездна, ведущая вверх

Как выжила в заточении, Анчутка помнила смутно.

– Давай поживем вместе, – предложила она Марго. – Что-бы не было одиноко. Я привыкла к тебе.

Та отказалась:

– Сейчас я хочу жить одна, не обижайся. Но ты зови, если что.

Она покинула лечебницу за несколько дней до Анюты. Больничного возлюбленного Марго не забыла, но музыкант все еще находился на излечении. Маргарита терпеливо ждала его выписки.

По возвращению домой Ане снились кошмары: крики и стоны больных, их исступленный бред. Она просыпалась в холодном поту, звонила Марго, но подруга не отвечала, она крепко спала, приняв успокоительную таблетку. Ане казалось, что теперь она действительно умерла, оставшись в чужой квартире без чувств и желаний, совсем одна.

В «Галактике» никто не догадался, в какой больнице лечилась Анчутка. На вопросы сотрудников о диагнозе она отвечала, подражая Лере Капустиной: «Это – слишком личное!» Коллеги дружно решили, что проблема в неудачном аборте, и со свойственной многим людям бестактностью осведомлялись, сможет ли теперь Аня иметь детей. «Да, смогу, все в

порядке», – отвечала она, и интерес к происшествию быстро угас. Лишь Валерия, пристально глядя в глаза коллеги, обо всем догадалась и жалостливо кивнула: «Ничего, сестренка... У меня тоже было любовное горе... Я постеснялась тебе рассказать.»

Аня чинно представила ей Маргариту, и Лера тепло обняла нового менеджера. С аккуратным макияжем, в голубом костюме строгого покроя, Марго выглядела интеллигентно и значительно. Никто, кроме Леры, не узнал, где Анчутка с ней познакомилась.

Коллеги оценили деловые качества Марго, но приветливой ее не считали. На работе она не откровенничала, и свои принципы отстаивала жестко. Ее побаивался даже хозяин клуба, дорого одетый повеса из Ростова-на-Дону. Он называл ее по имени-отчеству и глядел благоговейно, с нежностью. Их громкий роман, прелюдия к беспокойному, но счастливому браку, был впереди, а пока душевные отношения связывали Марго лишь с Анной. Обе называли друг друга «Анечка» и «Маргоша».

Разрыв с подругой

Марго обитала в престижном пригороде, в трехэтажном кирпичном здании с бассейном, бильярдной и пятью ванными комнатами. Такие хоромы Анчутка впервые увидела изнутри, и не могла поверить, что новая подруга живет здесь одна.

– Неужто тебе не страшно, и в огромном доме за высокой оградой не мерещится разная нечисть?

– Чего бояться? – удивилась та. – Души родителей, – если они приходят, конечно, – любят и охраняют меня. Мир и покой им! А грабители... Что им тут делать, если нет наличности и бриллиантов? Отделку срывать со стен, или снимать унитазаы? – Марго рассмеялась. – Оставайся на пару ночек, Анечка, и ты убедишься, как здесь спокойно и тихо. Безопаснее, чем в городской квартире.

До ухода в лечебницу, и до египетского замужества, Маргарита встречалась с неуравновешенным, озлобленным чудаком. Ее избранник не был красавцем. Невысокий и худощавый, с маленькими, близко посаженными глазами и бледной угреватой кожей, он имел коварный и жесткий характер. Он завидовал достатку Марго и ничего не дарил ей. Даже на день рождения. «Нет денег, – заявил он. – Я – всего лишь санитар в травматологии, и моя мать не работает». Его мать жила без мужа и ревниво ухаживала за взрослым сы-

ном. Вкусно готовила, сама постригала и мыла его в ванной, покупала презервативы для встреч с женщинами. Квартира была оформлена на нее, и жениться сыну она запретила, погрозив лишить наследства.

– Может, это был лишь удобный обман, – вздохнула Марго. – Ведь о семье он не помышлял, ответственности избегал. В тридцать три года играл в компьютерные игры, взламывал чужие страницы в соцсетях, пил пиво и встречался со мной только ради интима.

Я обижалась, но прощала. Он один, не считая Мизо, умел доставить мне удовольствие. О, что мы только ни вытворяли! В подъездах, в парках, на кладбище. Гляди: у меня полшкафа развратных платьев! Я носила их под длинным плащом, а перед ним раздевалась...

Однако неказистый санитар ждал идеальную женщину, и не увидел ее в Маргарите. А она любила его. Плакала от циничных слов, если ссорились, не спала ночами, а когда он вновь обращал на нее внимание, сияла от счастья. Платила за него в кафе, называла солнышком, не желала знать о его изменах. А он намеренно рассказывал про обольстительных медсестер, с которыми дежурил в больнице, о девушках, с которыми встречался на выходных, и приукрашивал байки красочными подробностями. Приставал к ее подружкам на предмет секса втроем, и те от нее отвернулись. Если не находилось причин для ссоры, обвинял Марго в том, что она плохо выглядит, требовал увеличить без того пышную грудь

или перекроить широковатый нос. У Маргариты кончалось терпение. Она взрывалась и рвала отношения, но бессердечный санитар не позволял ей уйти, ему нравилось ее мучить. А она обманывала себя, слепо веря в его любовь и мечтая выйти за него замуж.

Анчутка с изумлением слушала жалобы Маргариты, утирала ей слезы, и не могла взять в толк, почему, живя как принцесса, подруга позволяла сумасбродному типу над собой издеваться. Как она могла любить такое ничтожество?

– Он же бешеный, твой санитар! – воскликнула она. – А ты потакала ему! Теперь я понимаю, отчего ты ушла к египтянину, а потом попала в наш санаторий, и там умудрилась влюбиться снова!

– Безумцы привлекательны, – потупилась Марго. – Их внутренний мир зыбок и непредсказуем! Это вызывает сильные ощущения.

– Я считала тебя гордой, умной, самодостаточной леди. А ты! У тебя низкая самооценка? Не похоже! Значит, не хватает адреналина? Но зачем тогда рыдать и жаловаться, что тебя обижали? Мне кажется, это – игра.

Маргарита резко поднялась с дивана и прошипела:

– Иди-ка ты, Анечка, домой!

– Ну, правда, – возбужденно продолжала Анна, – на свете есть мужчины тебе под стать, порядочные и с имуществом! Теперь, когда ты свободна, я умоляю: не соглашайся больше на глупости!

Внезапно хозяйка терема швырнула об пол чайную чашку.

– И остаться одной?! Ты сама очень удачлива? Принцев много вокруг! Но жениться никто не спешит! Все стремятся воспользоваться.

Губы Аннушки задрожали:

– Зачем ты сравниваешь себя, выросшую в любви и достатке, с бесприданницей-замухрыжкой, которую не ждали на свет? У которой единственный козырь – симпатичная внешность. Кому из видных женихов я нужна? А вот ты – ты нужна!

– Что, и ты обзавидовалась? – голос Марго сделался ледяным. – Как все! А я-то, глупая, думала, что ты душевно дружишь со мной! Всё, дуй отсюда. Я вызываю тебе такси! С этой минуты мы – просто коллеги! И не звони мне больше!

– Значит, использовала меня, и гонишь? – не поверила Аня. – После всего, что мы пережили вместе?

– Использовала? Да нужна мне твоя «Галактика»! Тьфу! – фыркнула Маргарита. – Я могу всю жизнь не работать! Это врачи говорят: мол, мне нужна социализация! Так что, если будешь мешать, я тебя уничтожу!

Ее змеиные глазки кинжально блеснули.

«Разве есть веская причина, чтобы разрушить верную дружбу? – спрашивала себя Аня, всхлипывая. – Может быть, я нечаянно наступила на большую мозоль, а Марго не нашла в себе сил поведать об этом? Всем людям нужно понимание.

Но как его достичь, если не разговаривать?» Анчутка была уверена: их единство ничто не разрушит. Но молчание продолжалось, и она остро переживала потерю подруги.

– Да не было у вас никакой верной дружбы! – сочувственно шепнула Лера. – Просто Марго оказалась рядом в тяжких для тебя обстоятельствах, она помогла тебе. В чем-то заменила тебе сестру. И ты привязалась к ней. Но эта дамочка давно соскользнула за грань адекватности, поверь мне. Не пытайся понять ее, не анализируй, это бесполезно и не нужно тебе. С такими людьми нормальные отношения невозможны, как бы нам того ни хотелось.

По утрам трещала голова, не успевшая отдохнуть. Аня готовила кофе без сахара и запивала им обезболивающее, забывая поесть. Каждый раз опаздывала на работу и забывала выключить свет. Одевалась в лифте, красилась на ходу, мокрые волосы сушила ледяным ветром. Она уныло плелась через парк, опустив глаза: не желала видеть тускло-серое небо, которое при Друвесе дивно бело, а теперь стало угрюмой бездной, ведущей вверх. Так продолжалось, пока Аннушка не заболела воспалением легких.

Болотный колдун

Анчутка проболела всю осень. Никакие ухищрения врачей не смогли её поставить на ноги. Было больно говорить и дышать, будто в груди ворочался рассерженный ёж. Изводило бессилие: Аня еле ходила, уставая через пару шагов. Марго не проявила сочувствия к бывшей подруге. Она бойко замещала ее на работе, с головой погрузившись в новую блестящую жизнь, вдохновлённая флиртом с хозяином клуба, и Аня старалась забыть о ней.

Величавая северная столица манила и завлекала приезжих. Они не замечали, как город, словно болотный колдун, окутывает их сумерками, нездоровой влажностью, стылыми настроениями. «Счастливы, вы еще не ведаете меланхолического духа сырой и холодной обители», – улыбалась Аннушка. Вечерами алые, обманчиво-приветливые лучи заката падали на шелковую, еще не скованную льдом Неву. Укрывшись от студеного ветра в уютном такси, Анчутка тяжело кашляла. Румянец неба заливал роскошные дворцы, но не пленял ее, а казался чахоточным. За окном мелькали изысканные фронтоны, длинные гранитные набережные, стены домов, облупленные непогодой. Воспаленному сознанию эти картины виделись графичными и, несмотря на людскую суету, мертвыми. Душа скулила, как раненая собака, и тянула

унылые песни. Перебирая книги, Аня прочла строки Некрасова: *«Злость берет, сокрушает хандра, так и просятся слёзы из глаз...»*

Поэт минувших дней также страдал в Петербурге от безысходной тоски, и шептал придуманной им загадочной сущности: *«Давай улетим!»*

«А что, давай! – впервые за много дней улыбнулась Анчутка. – Я оформлю в банке кредит для дальнего путешествия».

Расистка и её сослуживцы

Перед полетом в Египет бледная и худая, с тяжелым кашлем, Анна, едва переставляя ноги, зашла в «Галактику», как в единственное место, где ее кто-то ждал. Ей захотелось проститься со знакомыми. Она улетала на три недели, но казалось, что на всю жизнь.

Коллеги ужинали на площадке под крышей клуба. Они встретили Аннушку веселыми репликами:

– Как же ты все-таки похудела, молодец!

– Ты теперь – супермодель!

– Красота – страшная сила!

– Зачем вы мне это говорите? – опешила Аня. – Вы же знаете, что это из-за болезни.

– Ну и что? Тебе очень идет! – выпалил гитарист Николай. – Твоя лебединая шея стала еще длиннее, глаз не ответи!

– Мы тебя утешаем, – подмигнула Лера, надкусывая яблоко. – Иди кушать с нами.

Оглядев жареные котлеты и картошку-фри, Анчутка вновь ощутила тошноту и отвернулась.

На вечерний концерт собирался народ. Внизу, в зале компания студентов делала фотоснимки. Две молодые продавщицы из близлежащего продуктового магазина фальшиво кричали в караоке, собрав десяток желающих повеселиться.

Вскоре девицы шумно поссорились из-за вальяжного мужчины арабской внешности, не обращая внимания на его жену. Одна, в ярко-оранжевом платье, с красивым румяным лицом, длинными ногами и отвисшим животом, яростно зывала к совести второй, невзрачной и курносой.

– Нашли из-за кого ссориться, – презрительно фыркнула Аннушка, наблюдая, как нарушителей порядка выводит охрана.

Аню не привлекали арабы. Смешение белого с черным казалось ей чем-то непонятным и невозможным.

В кругу коллег она признавалась:

– Сегодня это считается дурным тоном, но я против смешения народов, а тем более – рас. Басурманам нечего делать рядом с русскими.

– Все мы так думаем до поры, до времени, – язвили женщины, работавшие в «Галактике», – только однажды попадаем впросак. Тебе нравится Красное море, но ты ведешь себя так, будто оно твоё. Арабам нечего делать возле тебя? А сама полетишь к ним. Хозяева-то в Египте – они.

– Ничего подобного, – насмешничала Аня. – Я – потомок древних коптов, а они – пришлые иноземцы. Египет мой! И я буду летать туда, когда захочу. Долой дикарей!

– Не берись судить о чужой жизни, называть ее варварством и дикостью, если ничего толком о ней не знаешь, – раздраженно бросила Лера Капустина.

Марго, забыв на минуту о своей рабочей строгости и о

презрении к бывшей подруге, мечтательно улыбнулась:

– Путешествие – всегда путь к себе. Медитация и открытие горизонтов! Ты обнаружишь для себя новый мир.

Освободившись от надзора врачей и почти забыв горемычного скрипача, Маргарита казалась довольной жизнью. Она задумчиво глядела вниз на посетителей, потягивая из трубочки фруктовый коктейль, и вспоминала свою египетскую любовь.

– Берегись, националистка, – ледяным тоном предупредила она Анчутку. – Не расслабляйся на Земле Та-Кеми. Не нюхай сделанных по старинным рецептам духов, не кури кальян. А то мигом забудешь свою убежденность. Не разберешься, что за приворотное зелье тебе подсунут арабы! К тому же многие из них красивы, и дамские угодники по призванию. Их напору трудно противиться. Ведь даже самым пригожим и счастливым из нас не хватает в жизни романтики. А без неё жизнь идет зря, вспомнить нечего...

– Никогда ничего подобного со мной не произойдет! Это невозможно!

Аня рассерженно фыркнула, стараясь не смотреть в сторону рыжей предательницы.

Доктор Египет

Перемещение на другой континент оказалось простым, словно летняя поездка за город. Промелькнули автобус до аэропорта, очередь на регистрацию, зал ожидания, пять часов полета в жестком кресле «эконом-класса», которые Анна провела в забытьи. Трап маленького самолета бережно опустил ее в незнакомый, теплый, пахнувший райскими травами мир. Сердце сжалось от сладкого испуга, и тут же до краёв наполнилось радостью.

«Неужели это – всё? И я, правда, в Египте?!» – смеялась Аня сквозь навернувшиеся слезы.

Солнечные улыбки темнокожих и шустрых работников аэропорта и служебные машины с арабскими надписями не оставляли сомнений: это – Африка. Глухая, прогретая солнцем пустыня дохнула на девушку сухим теплом.

Кашель незаметно утих. Об утреннем мокром снеге напоминали лишь завернутые в пакет меховые сапоги и пуховик. Через день дыхание Анны вновь стало неощутимым, тошнота исчезла, а на четвертые сутки она почувствовала себя полной сил. Египетский климат спас девушке жизнь, и она полюбила эту страну почти как родную.

Часть 4

Эззат из долины Нила. Песчаный лис

Тридцатитрехлетний Эззат Абду Эль-Вакил работал в отеле. На рассвете мыл фигурные бассейны, выложенные голубой плиткой, а после до заката следил за порядком на пляже: раскладывал матрасы по лежакам, менял купальщикам полотенца, собирал мусор и стаканы из-под напитков.

После завтрака к морю выходили трое парней в спортивных костюмах и включали ритмичную музыку для зарядки. Но желающих размяться не хватало: танцы на песке и упражнения в волнах не привлекали ленивых туристов. Аниматоры шутливо кричали, пританцовывая: «О-па, о-па, туристэн – катастрофа!»

Эззат помогал им созывать народ. Бегая по берегу, он хлопал в ладоши: «Аква-эробик! Аква-эротик!» – И стягивал обленившихся лежебок с уютных матрасов. Те сонно пинались: «Отстань!»

Когда наступало время обеда, и на береговой кухне поспевал шашлык, дожаривались говяжьи котлеты, Эззат собирал людей к столу, гнусая с потешным акцентом: «Гуси, гуси, га-га-га! Есть хотите? Да-да-да!» – и с удовольствием ловил на себе удивленные взгляды. Крепкие, как орешки, зубы

справа росли чуть неровно, заходя один на другой, но это не портило его лучезарной улыбки. Анчутка вскакивала с лежака, и, накинув парео, весело трусила к кухонному дивану. От жаровни доносились аппетитные запахи. Аня принимала из рук Эззата большую тарелку с мясом и овощами, и приступала к трапезе под его острым взглядом.

– Хорошо? Вкусно? – сияя, осведомлялся араб.

– Да, да, супер! – счастливо смеялась она.

«Я ем за троих, но у меня ничего не болит? – удивлялась Аннушка и, благодарная, восторженно хлопала в ладоши. – Мне тепло и уютно, рядом – море, я в безопасности, а милые смуглые парни кормят меня и все время смешат!»

Из-за нехватки денег Эззат Абду Эль-Вакил остался необразованным. Однако он превзошел родственников в благосостоянии и полагал, что, обладая очень скромным жизненным стартом, уже многого добился: обитал в курортном городе, получал доллары, модно, по-европейски одевался, и объяснялся на пяти чужих языках. Паренек из бедной семьи привык к окружающей роскоши, и считал свою жизнь богемной. На фотоснимках рисовался с чужими коктейлями в руках около дворцов и голубых бассейнов, среди цветущих аллей и шикарных бунгало. Сотни сродников и друзей писали комментарии в интернете: «Эззат – истинный хозяин отеля»; «ты – паша*»; «красивый, как бог»; «Эззат – повелитель гламура!» Что еще было нужно для удовлетворения

самолюбия?

Каждый вечер, после работы, он важно шествовал по длинным, пышно цветущим аллеям «Золотого корсака», где двадцать садовников поливали деревья и клумбы, а после окуривали дымом, изгоняя свирепых коричневых комаров, и чувствовал себя фараоном.

Приятель и ровесник Эззата, Абдизар, хозяин сувенирной лавки, беззлобно подтрунивал над ним: «Оттого, что ты способен зачерпнуть воды в Ниле, тебе чудится, что управляешь течением реки. Не иначе думает овца, которая, тащась за стадом, воображает, будто она его понукает!»

Деревенского простака Эззата окружали теперь напыщенные иностранцы с их современным бытом, дорогими вещами, приятным распорядком дня и господскими привычками. Эти смешные бледные люди искренне завидовали ему: он живет у Красного моря и не должен никуда уезжать. А он с удовольствием о них заботился, и часто шутил. Для русских Эззат повторял заученную, но до конца не понятую фразу: «Понаехали тут!» Туристы сдержанно улыбались. Иногда кто-то обижался. Но Анна Голубятникова хохотала до слез: она сжилась с этим оборотом на родине и говорила так, если ее задевала бестактность приезжих людей. На египетском же берегу, из уст услужливого араба, сердитая русская фраза звучала комично!

Лишь, завидев благообразных евреев, Эззат Абду Эль-Вакил сердился по-настоящему. Его лицо становилось серым и

злым. Он швырял чистые полотенца в песок и с присвистом выдыхал: «О, мнимые богоизбранные явились! Наши беглые слуги, возмечтавшие стать верховным народом! И я, правнук великого Ра, должен их обихаживать?! Пусть благодарят хотя бы за то, что я их не бью!»

Человек гордый, надменный и по-своему жестокий, он ненавидел иудеев и был ненавидим ими. Он не страдал ни малодушием, ни трусостью, от дипломатии был далек, и свои мысли высказывал прямо. Эта неподходящая для прислужника черта едва не стоила ему работы: израильские туристы пожаловались хозяину отеля.

Бассем Скоури пережил тридцать шесть условных разливов Нила. Открытый, по-своему добрый и сказочно богатый, самодостаточный и проницательный, он много путешествовал по миру, а в перерывах играл с сыновьями в футбол на собственном стадионе. Все предки хозяина были мусульманами. Но Бассем, хорошо образованный и открытый разным культурам, в том числе и еврейской, без стеснения провозглашал себя атеистом. Он был уверен, что вправе устанавливать на земле собственные порядки. Жить так, как нравится и кажется верным. И никто не смел открыто его порицать.

– Я не верю в Бога, – с гордостью говорил он всем встречным. – Я – просто человеческое существо.

За спиной Бассема люди, искажив его речи, судачили, будто он сочувствует иудейству. Этот слушок не ускользнул от максималиста Эззата. Когда среди рабочего дня хозяин вы-

звал его к себе, намереваясь вещать об оскорблении еврейских туристов, воинственный Абду Эль-Вакил прошипел: «Предатель!» Но, войдя в широкий, роскошно отделанный темным деревом кабинет Бассема, почтительно пригнул голову и поспешил сердечно извиниться. Побожился, что уважаемые гости неправильно его поняли. А он, в свою очередь, не собирался затрагивать щекотливые темы, просто случайная глупая шутка с языка сорвалась. Он искренне уважает евреев и желает им дальнейшего процветания. Пусть бережет их богиня-кошка Баст! Абду Эль-Вакил и на колени бы встал, если б Скоури этого ожидал, но Бассем лишь внимательно всматривался в хитрое лицо потупившегося уборщика, стараясь отгадать его скрытые мысли.

«Бедняки, в стремлении к благополучию, бывают коварными как никто, – полагал хозяин. – Этот – несомненный смутьян. Верить ему нельзя. Но он шустро и чисто убирает. Веселит иностранцев, как шут. Умеет угождать леди, и даже служит причиной их повторных приездов. Оставлю его пока».

Надменное сердце Эззата разрывал протест, и все же он предпочел унизиться, чем быть выгнанным из «Золотого корсака». В родной нильской деревне его зарплату ждали мать и пятеро младших братьев, а жизнь в Эль-Гуне, видевшаяся крестьянскому сыну богемной, затянула навсегда. Иной он уже не представлял для себя. Казалось, это – потолок: мечтать больше не о чем. Разве что о белой, бога-

той жене из Европы? Даже ее мог однажды подарить шикарный отель. Поэтому, презираемый Абду Эль-Вакилом, не поклонявшийся Аллаху, хозяин «Золотого корсака» был для него почти богом. Бассем владел судьбами своих работников. Быть уволенным с дурной славой означало скитаться в поисках новой работы, и ничего достойного не найти. Жизнь если не разобьется, то станет беспросветной.

Хозяин простил мятежного работника до первого замечания, и тот понурый, словно избитый, вернулся на пляж.

– За что ты ругаешь евреев? – спросила изумленная Аня. После ее рождения ярые антисемиты в России уже не встречались, и девушка не задумывалась о мировоззрении и судьбе этого народа. Читая о Холокосте, о притеснениях евреев в прошлом, она не раз спрашивала у старших, почему это происходило, но вразумительного ответа не получила. «Видимо, сами не знают», – заключила она.

– О, прекрасная Ана! Зачем тебе это? Твои уши должны слышать только музыку и шум волн! Но, раз ты спросила, я объясню: я ненавижу фанатизм иудеев! И я чувствую их неприязнь к победителям! – стараясь говорить спокойно, процедил Эззат Абду Эль-Вакил. – Пойми: хорошо верить в Бога, да! Но плохо думать, будто Бог возлюбил лишь один народ на земле, а все остальные народы Он проклял! Вот где корень зла! Другие народы сионисты считают животными, которых можно обманывать, обкрадывать, убивать. Стирать

с лица земли! Так написано у них в Торе. Коммунистические партии всех государств боролись с сионизмом. Но евреи коммунизм уничтожили! И теперь никто не помогает Египту.

«Ого, – подумала Анчутка, беззаботно плюхаясь на мягкий полосатый матрас. – Ничего себе заботы у арабского мусорщика...»

Она сладко потянулась в лежанке, улыбаясь взволнованно-му смутьяну. «Как все сложно на нашей планете! И кому это надо? И зачем эти споры? Делать им всем нечего!»

Тотчас забыв об Эззате и его бунте, Аннушка задремала.

Теплый соленый ветерок приятно обдувал ее стройное тело. Едва касаясь, Эззат Абду Эль-Вакил перебирал пальцы нежившейся на солнце Анчутки, чтобы та открыла синие глаза, и он мог вновь заглянуть в них. Большие сильные руки, быстрая походка, легкая кривизна ног, волнистое смыкание крупных губ и чуть вытянутые вверх уши напомнили ей потерянную любовь – латыша Друвиса. Показалось родным задорное сияние темно-зеленых глаз. И профиль с крупным, чуть изогнутым, сильно выдающимся носом. С прямым высоким лбом. Хотя Эззат был меньше ростом, и его смуглое потное тело матово поблескивало на солнце, подобно старинному бутылочному стеклу, а бледный рижанин остался в памяти аккуратным и вечно мерзнущим, роковое сходство зажгло в ней интерес к темнокожему прислужнику из бедной

деревни. «Латыш», – в шутку прозвала Анна сновавшего рядом араба. Тот, узнав об этом, нахмурился:

– Латышь? Ноу. Я – Эззат Абду Эль-Вакил!

– Абду. что? – запнулась она, впервые столкнувшись с арабской фамилией.

Эззат с укоризной пояснил:

– Это значит «принадлежит богу».

Девушка уже не скучала по «латышскому папе». «Друвис здесь ни при чем, – убеждала она себя, провожая Эззата млеющим взглядом. – Типаж необычайно красив! У них разный цвет кожи и глаз, но схожи лица и телосложение. Поистине, у этих мужчин одни и те же прапредки! Недаром историки шушукаются о том, что в Прибалтике сохранились чистые потомки древних египтян. Именно такие ребята, как Друвис, основали государство Египет! Это они были высокими синеватыми богами, принесшими мудрость! А шоколадные пупсики, как Эззат, получились после покорения долины Нила арабами».

Разглядывая египтянина как чудо природы, Аня впервые за год или два искренне улыбалась. Но самолюбивому и мнительному Эззату привиделась насмешка в ее глазах.

Он потребовал ответа:

– Что смешного?

Однако Аниных объяснений араб не понял. Слова иностранки слились для него в неразборчиво-сладкую мелодию.

– Я – не копт, я – мусульманин, – гордо провозгласил он.

Аня встряхнула головой, откинув волосы, и шутливо развела руками:

– А порода берет свое!

Эззат Абду Эль-Вакил исподлобья глядел на раздетую белокурую туристку и не знал, как относиться к ее болтовне. Подозревать эту девушку в намерении его оскорбить было нелепо. На всякий случай он погрозил ей пальцем: «Ты – хулиган!» Потом сел на край лежака, у ее ног, и залюбовался небывалой заморской красой, уставившись на Аню давно знакомыми, ей казалось, глазами, внезапно поменявшими цвет. Она смутилась, и спросила, чеканя английские слова, первое, что пришло в голову:

– Каких животных едят в Египте? Бык? Курица?

Араб кивнул.

– Дельфин? Лиса? – пошутила она.

Эззат ослабился и вновь погрозил ей пальцем:

– Но, но! Лиса – это я! Лисий мех даёт благосклонность богов. – Он задрал рабочую рубаху, оголяя широкую грудь и крепкий, чуть выпуклый живот. – Потрогай мех, и мой тотем будет беречь тебя!

Неожиданно робость Анчутки исчезла, испепеленная мгновенным сближением. Она игриво взлохматила мягкие заросли волос на теле Эззата. Он схватил ее руку и крепко прижал к сердцу:

– Теперь ты – наша...

В тот миг Аня ощутила фатальное влечение к египтянину.

– Песчаный лис знает, что происходит за тысячи километров, – прошептал он ей на ухо, касаясь губами светлого локона. – Когда ты уедешь, я буду видеть всё, что ты делаешь дома.

Это была игра, но по Аниной спине побежали мурашки. Ей вспомнился рассказ вертлявого, пучеглазого гида: «Египетский тотемизм не исчез, нет! – Он перешел в жития святых...»

Теперь Аннушка утонула в глубоких, обжигавших страстью глазах Эзата, и ей чудилось: пропасть между ними не велика. Вся неодолимая разница религий, образования, уклада жизни и цвета кожи сжалась в крошечный песчаный холм под ногами, и рассыпалась от дуновения ветра.

Летать и петь

Аня была больна долгое время, но, наконец, поправилась. Вместе со здоровьем к ней вернулась красота, засветилась новым очарованием. В лице девушки начала сквозить особая прелесть, привнесенная познанием душевных глубин. Взгляд наполнился новой страстью к жизни. Она мало изменилась, но в сердце этой чаровницы, еще вчера отрешенной от мира, сегодня будто вселился эльф. Соленые волны беспечно лобызали ее обнаженные бледные щиколотки, уставшие от холода. Девушке хотелось летать и петь. «Я навеки останусь в этих мгновениях!» – щебетала она, восторженно кружась по пляжу. Ослепительное африканское солнце рассеяло ядовитые тени, оставив ее ясной и чистой.

Отъезд домой показался Аннушке небылицей.

Красное море, прохладное и беспокойное, щедро бросало на берег диковинных моллюсков. Цветные раковины, изогнутые, как башенки крема на пирожных, пестрели длинными шипами. Аня заглядывала внутрь, и серые скользкие существа вжимались в извилины панцирей. Оглядывая ее полуобнаженную, слегка пополневшую от обильной вкусной еды фигуру, Эзат Абду Эль-Вакил тяжело вздыхал:

– Ты очень красивая

– И ты красивый! – Девушка любовалась арабом, уже не

сравнивая его с Друвисом, забыв о предубеждении против расы. На континенте, где большая часть людей обладает темной кожей, она вдруг показалась себе ненормально белой и подспудно захотела перекрасить волосы в черный цвет. Смуглый, остроумный Эззат словно заворожил Анчутку. Если его не оказывалось рядом, девушка лелеяла в мечтах его образ и не переставала думать о нем, ища глазами крепкого мужчину в белой одежде. Они тонули во взглядах друг друга. Каждый пытался приоткрыть тайну, что скрывается в душе чуждого, но симпатичного существа?

После рукопожатий в ладони Ани появлялись конфеты и безымянные флаконы духов. Она жевала незнакомые сласти и с упоением наслаждалась благоуханьями: сладковато-нежными и летучими, будто счастье. Они не походили на те, что продавались в туристических магазинах, и дышали загадками старины.

«Фокусник-волшебник», – благодарно улыбалась она, и сердце переполнялось нежностью. Еще никто вот так просто не дарил ей подарков.

Как всякая девушка, Аннушка обожала новые фотоснимки. Принимая кокетливые позы и меняя наряды, она позировала Эззату на морском ветру. После чего египтянин ревниво укрывал ее оранжевым парео от чужих глаз. Анна не противилась, ей нравилось, что ловкие сильные руки плотно оборачивают ее тело тонкой тканью поверх открытого крас-

ного купальника и затягивают узлы на талии. В торопливых, несмелых прикосновениях она усматривала заботу о себе. Пляжные торговцы завлекали Анчутку в лавки, – чтобы показать ей товары и познакомиться. Но Эззат с сознанием своего права зло и долго кричал на них по-арабски. Те менялись в лице и отходили.

– Что ты сказал им? – робко интересовалась Анюта, а он, насупившись, коротко отвечал:

– Что ты – моя женщина.

Для араба эпохальны прикосновения, а для россиянки много значат слова. Ревнивые заявления египтянина уже казались Ане предвестниками свадьбы, и девушку захлестывала радость. Измученная потерями душа жаждала покровительственного к себе отношения. В душе Анчутке давно хотелось замуж хоть за кого-нибудь, кто еще не имел детей и был способен о ней позаботиться. Эззат взирал на Аню и не говорил о чувствах. Но однажды вечером позвал ее на уединенный каменистый мыс, к кромке беспокойного моря, где под грохот разбивавшихся волн прошептал:

– Я люблю тебя, Ана. А ты?

Для осознания любви Ане требовалось время. Но, видя, как лицо Эззата заливают темный румянец, она ответила быстро и искренне:

– Я тоже люблю тебя. Очень-очень.

Чувство, внезапное и необоримое, овладело ей уже в первую встречу. Однако теперь, когда пришлось в нем при-

знать, колени Аннушки задрожали, а мысли сбились: «Рас-судок плавится... Любовь? – О, нет! От неё столько про-блем.»

Эзат Абду Эль-Вакил доверчиво продолжал:

– Ты прекраснее луны, девушка моей мечты. Ты – хабиб-ти*. Я безумно счастлив, что встретил тебя.

«О, Боже, – подумала Аня. – Он говорит, и в моей испе-пеленной душе расцветают розы. Каждое слово уносит меня всё дальше в открытый космос. Ах, если б этот сказочный миг замкнуть в хрустальный флакон, как духи! Чтобы он не ушел в прошлое, не померк... Чтобы в любую минуту я мог-ла вытащить пробку, и вновь очутиться на берегу Красного моря, с этим славным арабом.»

Два духа становятся одним

Эззат Абду Эль-Вакил звал Аннушку на ночные прогулки, но она не выходила, боясь вновь потерять себя в бездне страсти. Память о дне Ивана Купала все еще страшила ее.

Аня корила себя: «Если бы я оттолкнула Друвиса на лесной скамье, то избегла б несчастий, которые случились потом. Его любовь не стоила боли и унижений, которые я извела после разрыва. Больше я не попадусь в ловушку мужчины. Всею виной стала моя неприкаянность. – Анна представляла себя со стороны. – Я была, как нищенка у проходных дверей, или голодная собака. Могла сходу привязаться к первому встречному. Потому, что отвергала саму себя, боялась внутренней пустоты. Больше этому не бывать. Теперь, если любовь, то только ради самой любви. Я не позволю страсти меня запутать».

После ужина девушка запиралась в просторном номере: ухаживала за длинными, непослушными волосами и покрасневшей на солнце кожей, делала маникюр. Она любовалась с балкона огромной африканской луной и напевала любимые с детства руны: *«Ты сойди, луна, на землю, чтобы кантеле послушать. Я тебя укрою в погреб, словно Похъёлы хозяйка! Будешь ты навек моею...»*

Утром взволнованный Эззат, как часовой, встречал ее у порога корпуса. Вновь начинались проникновенные привет-

ствия, долгие взгляды и лабиринты трепетных слов на чужом языке. Египтянин, вздыхая, обращал томный взгляд к небу:

– Волшебная река любви ворвалась в мое сердце, и бьет оглушительным водопадом. Уже нет засухи, утих испепеляющий ветер. Когда я говорю с тобой, Ана, в благословенных ледяных озерах высоко в горах вершится тайная молитва на языке радости!

В памяти Аннушки возникла песня об алых парусах, которую они с Анисьей пели в детстве: *«А за морями, за синей чертой, жил парень отважный с открытой душой!»*

– Ты видишь меня, сестренка? – счастливо улыбаясь, прошептала она, глядя в синее небо. – Я встретила заморскую любовь! А ты не верила!

Равномерно смазать спину маслом против ожогов было непросто, но белокожей Анюте приходилось делать это несколько раз в день. Увидев, что девушка вновь пыхтит под плетеным «грибком», ловчась натереть себя, и не пролить дорогое снадобье, Эзат застенчиво предложил:

– Я могу помочь тебе, Ана!

Она благодарно согласилась, вручила ошеломленному арабу пузырек масла и безмятежно распростерлась на матрасе.

– Я помажу только до талии, – строго предупредил он. – Дальше нельзя.

Для Эзата это нехитрое действие было подобно близости.

Аня заметила благоговейный трепет на его лице, и усмехнулась: «Вот дикарь!» Однако суровое почитание Эззатом женской природы возбудило и ее. Руки египтянина дрожали в волнении. Он поспешил налить масло на спину Ани, и начал массировать быстрыми, сильными движениями, словно боясь, что девушка передумает. Но Анна покорно отдалась прикосновениям его теплых пальцев. По телу растеклось необычайное блаженство, и с губ сорвался нежный стон желания. Всем существом Анчутка ощутила затаенную страсть склонившегося над ней мужчины. Захотелось подвинуться к нему ближе. Она поймала промасленную руку египтянина с прилипшими к ней песчинками, прижала к своей щеке, и медленно, жарко поцеловала. Эззат Абду Эль-Вакил на минуту замер. Потом жадно сжал другой ладонью ее плоть, и стремительно убежал. Аня застыдилась, решив, что нарушила неведомый ей восточный закон, и поспешила нырнуть в прохладные бирюзовые волны. Вода успокоила разгоряченное тело и спутанные мысли, заставила сердце биться ровнее.

Вернувшись, девушка блаженно вытянулась на солнце, вдыхая запах разогретой морской соли. Теплый ветер легко перебирал кудрявые волосы, ласкал покрытую светлым загаром кожу. Засыпая, Анчутка прикрыла глаза, но внезапно ощутила на устах губы Эззата – еще неизведанные, мягкие и пахнувшие незнакомыми пряностями. Неожиданный поцелуй, пригвоздивший вздрогнувшее тело к лежаку, был естественным и желанным. Аня робко провела язык внутрь его

рта – он оказался больше, чем ее собственный, и подалась навстречу терпкому и свежему, как море, вкусу, сладостному напору. Тела потянулись друг к другу неистово, радостно, и Анчутка забыла данные себе клятвы больше не поддаваться страсти.

За полукруглыми низкими плетнями шумели неугомонные отдыхающие, и Эзат Абду Эль-Вакил с мучительным вздохом оторвался от ее губ. Счастливый и смятенный, он сел рядом, прижимаясь боком к ее бедру. Смущенная Аня закрыла раздумянившееся лицо ладонями, и не шевелилась. Сердце рвалось из груди в синюю высь. Эзат трепетно провел тыльной стороной ладони по ее голени, и коснулся влажными губами колена.

– Ана, Ана... моя истинная любовь. У меня никогда больше такой не будет.

По ее коже прокатилась жгучая волна.

– Что значит для тебя любовь? – в волнении прошептала девушка.

– Два духа становятся одним: так, что кажется, разделившись, они умрут, – мечтательно отозвался Эзат. – Любовь – чувство мучительное, но оно позволяет вместе летать, и нет на свете ничего лучше! С любимым человеком можно подняться в небеса, и вернуться назад живым. А потом вновь подняться, когда захочешь.

Прежняя Анна Голубятникова растворялась в темных, как зелень ночного пруда, глазах Эзата, но еще пыталась

увещевать себя новую: «Влюбиться в него – все равно, что в марсианина. Нельзя растворяться в чуждой сущности, как мед в стакане воды! Пустыня вокруг да море, звезды да горы. Опомнись: мы в Африке! На тревожном и далеком от Питера континенте! Сегодня он открыт для полетов, а завтра случится очередной военный конфликт. И мы с Эззатом больше никогда не увидимся!»

Аня двигалась не вполне осознанно, точно плыла, опыленная наркотическим газом. Так ведет себя во время аварии космонавт, оторвавшийся от орбитальной станции, смиряясь, что неумолимые законы гравитации уносят его в открытое безвоздушное пространство, где в окружении триллионов звезд его ждет неизбежная смерть. Но, несмотря на это, неумоимо его стремление коснуться переливов неземной зари, равных которым на родной планете не существует! Велик соблазн пронестись в небесах падающей звездой! И он смеется в восторге сбывшейся детской фантазии, одновременно сознавая невозможность вернуться назад. И отпускает недавнее прошлое, открыто глядя в глаза короткому будущему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.